

1. Главное же в том, о чем говорим, есть то: мы имеем такого Первосвященника, Который воссел одесную престола величия на небесах 2. и есть священнодействователь святилища и скинии истинной, которую воздвиг Господь, а не человек. 3. Всякий первосвященник поставляется для приношения даров и жертв; а потому нужно было, чтобы и Сей также имел, что принести. 4. Если бы Он оставался на земле, то не был бы и священником, потому что здесь такие священники, которые по закону приносят дары, 5. которые служат образу и тени небесного, как сказано было Моисею, когда он приступал к совершению скинии: «смотри», сказано, «сделай все по образу, показанному тебе на горе». 6. Но Сей Первосвященник получил служение тем превосходнейшее, чем лучшего Он ходатай завета, который утвержден на лучших обетованиях.

(1. Далее, главное же в том, о чем говорится, есть то: мы имеем такого Первосвященника, Который воссел одесную престола величия на небесах 2. и есть служитель святых и скинии истинной, которую воздвиг Господь, а не человек. 3. Всякий первосвященник поставляется для приношения даров и жертв; а потому нужно было, чтобы и Сей также имел, что принести. 4. Если бы Он оставался на земле, то не был бы и первосвященником, доколе имелись бы такие священники, которые по закону приносят дары, 5. и священнодействуют в образе и тени небесного, как сказано было Моисею, когда он приступал к совершению скинии: «смотри», сказано, «сделай все по образу, показанному тебе на горе». 6. Но Сей получил служение тем превосходнейшее, чем лучшего Он ходатай завета, который утвержден на лучших обетованиях.)

1) *Главное же в том.* Дабы читатели знали, о чем идет разговор, апостол формулирует то, что пытается доказать: священство Христово духовно, и этим священством упраздняется священство законническое. Он продолжает развивать тот же самый довод, но поскольку обосновывает его другим образом, то приводит увещание для привлечения внимания читателей к своей цели. Он уже доказал, что Христос – Первосвященник. Теперь доказывает то, что священство Его небесно. Отсюда следует: с приходом Христа упразднилось то, что Моисей установил во времена закона. Упразднилось по причине земного происхождения. Коль скоро же Христос пострадал в смирении плоти и, приняв образ раба, уничижился в этом мире, апостол отсылает нас к Его вознесению, коим не только устранилось поношение креста, но и бесславное состояние, воспринятое Им вместе с нашей плотью. Ведь достоинство священства Христова надо оценивать по духовной силе, воссиявшей в Его воскресении и вознесении.

Итак, апостол рассуждает: поскольку Христос воссел одесную Бога, дабы величественно править на небесах, Он – Служитель не земного, а небесного святилища. Родительный падеж «святых» здесь понимается в среднем роде. И апостол поясняет себя, добавляя: истинной скинии. Но можно спросить: разве скиния, построенная Моисеем, была ложной и воздвигнутой по дерзости? Ибо в словах апостола присутствует скрытое противопоставление. Отвечаю: истина, о которой он говорит, противопоставляется не обману, а образу, как сказано (Ин.1:17): закон дан через Моисея, благодать же и истина произошли через Иисуса Христа. Значит, та ветхая скиния была не пустым людским измышлением, а образом скинии небесной. Однако, поскольку тень отличается от самого тела, а обозначение от самой вещи, апостол отрицает, что образ служил истинной скинией. Он как бы говорит: она была только чем-то оттеняющим последнюю.

2) *Которую воздвиг Господь.* Что именно имеет в виду апостол, помещая священство Христово на небеса? Ведь Христос несомненно пострадал здесь на земле, изгладил наши грехи земной кровью (происходящей из семени Авраама), принес в Своей смерти видимое жертвоприношение. Наконец, дабы принести Себя Отцу, Ему надлежало сойти с небес на землю и стать смертным человеком, подверженным всем тяготам жизни и даже самой смерти. Отвечаю: все земное во Христе, заметное на первый взгляд, надо разуметь духовно с помощью очей веры. Так Его плоть, происходящая от семени Авраама, будучи храмом Божиим, была животворящей. Больше того, смерть Христова послужила жизнью для всего мира. А это, безусловно, нечто сверхприродное. Посему апостол имеет в виду не столько качества человеческой природы, сколько тайную силу Духа, из-за которой смерть Христова не источала ничего земного. Итак, научимся же, когда идет речь о Христе, возносить все наши чувства к Царству Божию. Таким образом, в нас исчезнет последнее сомнение.

С той же целью говорит и Павел, 2Кор.5. Бога апостол зовет зодчим этой скинии для обозначения прочного и вечного ее стояния. Подобно этому, наоборот, построенное руками людей зыбко или, по крайней мере, подвержено тлению. И апостол говорит все это потому, что искупление, порожденное смертью Христовой, было воистину божественным делом, в котором чудесно воссияла Христова сила.

3) *Всякий первосвященник.* Апостол хочет сказать следующее: священство Христово не может существовать вместе с левитским. Доказательство таково: закон установил священников для принесения жертв Богу. Отсюда явствует: без жертвы титул священника не имеет смысла. У Христа же нет таких жертв, которые обычно приносили во времена закона. Отсюда следует, что священство Его не земное и не плотское, но более выдающегося вида. Теперь обсудим отдельные положения.

Первое, достойное быть отмеченным, учит нас, что священника поставляют только для принесения жертв. Отсюда следует, что людям можно вымолить от Бога благодать только посредством жертвы. Посему, чтобы молитвы наши были услышаны, им надлежит основываться на жертве. Так что, воистину погибельна дерзость тех, кто, оставив Христа и забыв о Его смерти, прорывается пред лице Божие. Мы же, если желаем молиться с пользою, да научимся всегда полагать в середине смерть Христову, освящающую наши молитвы. Ибо Бог никогда не услышит нас, если не будет умилоствлен, и Его надлежит заранее умиротворить, поскольку грехи наши вызывают на нас Его гнев. Так, с необходимостью, должна предшествовать жертва, дабы у молитвы имелся какой-то успех.

Отсюда, помимо прочего, можно вывести, что никто, ни из людей, ни из ангелов, не пригоден для умиротворения Бога, поскольку все лишены собственной жертвы, которую принесли бы для Его умилоствления. Этим более чем достаточно опровергается бесстыдство папистов, делающих апостолов и мучеников вместе со Христом посредниками в ходатайстве. Напрасно они приписывают им такую роль, если не наделяют их соответствующими жертвами.

4) *Если бы Он оставался на земле.* Уже бесспорно установлено, что Христос – Первосвященник. Однако как служение судьи непрочно без законов и указов, так и во Христе с титулом священника следует соединять обязанность приносить жертву. Однако у Христа нет земной или видимой жертвы. Следовательно, Он не может быть земным священником. Всегда надо придерживаться следующей аксиомы: рассуждая о смерти Христовой, апостол смотрит не на внешнее действие, а на его духовный плод. Христос претерпел смерть по общему людскому обычаю, но, как Священник, божественно изгладил грехи мира. Пролитие его крови было внешним, но очищение – внутренним и духовным. Он умер на земле, но сила и действенность Его смерти исходит от неба.

Следующее же затем предложение некоторые переводят так: из числа тех, кто по закону, и т.д. Но слова апостола звучат иначе. Посему я предпочитаю перевести: доколе имеются или пока существуют священники. Ибо апостол хочет связать оба положения. Или, если остается священство закона, Христос не Священник, поскольку тогда Он лишается жертвы. Или же, как только вперед выступает Христос, жертвы закона прекращаются. Но первое предположение абсурдно, поскольку Христа не подобает лишать священнической чести. Итак, остается признать левитский чин ныне упраздненным.

5) *Которые служат образу.* **Λατρεύειν** я понимаю здесь как «священнодействовать». Посему в греческом тексте подразумевается предлог **ἐν** или **ἐπὶ**. А это подходит много лучше, чем перевод других: служат тени и образу небесных. И греческий синтаксис это вполне переносит. В итоге: апостол учит, что истинный божественный культ не содержится в обрядах закона. Посему левитские священники, исполняя свое служение, обладали лишь тенью и вторичным подобием, сильно уступающим первообразу. Именно это означает слово **ὑποδείγματός**. Апостол упреждает и возможное возражение, когда учит, что культ Божий, выраженный в древних жертвах, был вовсе не излишен, поскольку указывал на нечто более высокое, а именно: на небесную истину.

Как сказано было. Это место находится в книге Исход (25:40). Апостол приводит его с целью доказать, что весь законнический культ был всего лишь изображением, оттеняющим духовный культ во Христе. Бог приказывает, чтобы все части скинии соответствовали первообразу, показанному на горе Моисею. И если форма скинии соотносится с чем-то другим, то же самое можно сказать об обрядах и всем священстве. Отсюда следует: в них не было ничего основательного.

Замечательное место, содержащее три достойных быть отмеченными положения. Из него мы, во-первых, познаем, что древние обряды были созданы обдуманно. А не так, что Бог занимал ими Свой народ словно какими-то детскими играми. И вовсе не напрасным было построение скинии, привлекавшей взоры смотрящих только своим внешним блеском. Ведь у всего того, что Моисею приказали привести все в соответствие с небесным первообразом, имелось истинное духовное значение. Посему мирским является мнение тех, кто думает, будто обряды представляли собой лишь сеть, сдерживающую распутство народа, дабы тот не усвоил внешние ритуалы язычников. Эта цель также преследовалась, но не была единственной. Эти люди упускают нечто более важное: упражнения предназначались для сохранения в народе веры в Посредника. Однако нам не подобает проявлять здесь чрезмерное любопытство и искать в отдельных гвоздях и других деталях что-то таинственное, подобно тому, как Есихий и большая часть древних авторов с большим трудом пытались это сделать. Ведь, желая утонченно философствовать о неизвестных себе вещах, они по-детски фантазируют и выставляют себя на посмешище. Посему надо придерживаться середины, состоящей в том, чтобы не желать знать больше того, что открыто нам во Христе.

Во-вторых, мы познаем, что все культы, созданные людьми собственным умом без заповеди Божией, извращенны и незаконны. Ведь Бог, приказав, чтобы все происходило по Его правилу, не позволил людям делать ничего другого. То же самое означают выражения: «смотри, сделай все по образу» и «смотри, не сделай ничего помимо образа». Значит, Бог, настаивая на переданном Им правиле, запрещает нам отступать от него даже на шаг. По этой причине падают все культы созданные людьми. А также так называемые таинства, не заповеданные Богом.

В-третьих, отсюда можно научиться, что истинные символы религии лишь те, которые сообразуются со Христом. Но следует опасаться, как бы мы, желая приспособить наши выдумки ко Христу, не исказили, подобно папистам, Его Самого так, что Он уже не будет похож на Себя. Ибо не наше право придумывать то, что нам угодно. Один лишь Бог, – говорит апостол, – вправе приказывать делать что-то *по показанному образу*.

б) *Тем превосходнейшее*. Подобно тому, как прежде апостол выводил из достоинства священника достоинство завета, так и теперь он заявляет, что священство Христово превосходнее, поскольку Тот является Посредником лучшего и более высокого завета. И то, и другое было необходимым, ибо иудеев следовало отвратить от суеверного соблюдения обрядов, мешавшего им правильно стремиться к чистой евангельской истине. Апостол говорит, что Моисею и Аарону справедливо уступить Христу, как более великому. Ведь и завет Евангелия, он зовет превосходящим закон, и смерть Христову – жертвой более благородной, чем жертвы закона.

Но вызывают трудность добавленные им слова: завет Евангелия был утвержден на лучших обетованиях. Не подлежит сомнению: отцам, жившим во времена закона, была предложена та же самая надежда вечной жизни, подобно тому, как общей у них с нами была благодать усыновления. Значит, их вера должна была основываться на тех же самых обетованиях. Но здесь апостол сравнивает скорее внешнюю форму, чем содержание. Как бы ни обещал Бог отцам то же самое спасение, что сегодня обещает и нам, мера откровения Его в обоих случаях совсем не одинакова. Посему, если кто желает узнать больше, пусть смотрит четвертую и пятую главы Послания к Галатам, а также наши Наставления.

7. Ибо, если бы первый завет был без недостатка, то не было бы нужды искать места другому. 8. Но пророк, укоряя их, говорит: «вот, наступают дни, говорит Господь, когда Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет, 9. не такой, какой Я заключил с отцами их в то время, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской, потому что они не пребыли в том завете Моем, и Я пренебрег их, говорит Господь. 10. Вот завет, который завещаю дому Израилеву после сих дней, говорит Господь: вложу законы Мои в мысли их, и напишу их на сердцах их; и буду их Богом, а они будут Моим народом. 11. И не будет учить каждый ближнего своего и каждый брата своего, говоря: познай Господа; потому что все, от малого до большого, будут знать Меня. 12. Потому что я буду милостив к неправдам их, и грехов их и беззаконий их не воспомяну более». 13. Говоря «новый», показал ветхость первого; а ветшающее и стареющее близко к уничтожению.

(7. Ибо, если бы первый завет был без недостатка, то не искалось бы места другому. 8. Но, укоряя их, говорит: «вот, наступают дни, говорит Господь, когда Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет, 9. не такой, какой Я заключил с отцами их в то время, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской, потому что они не пребыли в том завете Моем, и Я пренебрег их, говорит Господь. 10. Вот завет, который завещаю дому Израилеву после сих дней, говорит Господь: вложу законы Мои в мысли их, и напишу их на сердцах их; и буду их Богом, а они будут Моим народом. 11. И не будет учить каждый ближнего своего и каждый брата своего, говоря: познай Господа; потому что все, от малого до большого, будут знать Меня. 12. Потому что я буду милостив к неправдам их, и грехов их и беззаконий их не воспомяну более». 13. Говоря «новый», показал ветхость первого; а ветшающее и стареющее близко к исчезновению.)

7) *Ибо, если бы первый*. Апостол подтверждает сказанное о превосходстве завета, заключенного с нами Богом через Христа. Подтверждает тем, что завет закона был не твердым и не прочным. Ведь, если бы в нем не было недостатка, какая нужда заменять его другим? Однако завет был заменен. Отсюда явствует: ветхий завет не был абсолютно совершенным. Для доказательства этого апостол цитирует свидетельство Иеремии, которые мы вскоре подробно обсудим.

Но кажется, что апостол противоречит сам себе. Ведь, сказав сперва, что для другого завета не следовало бы искать места, будь первый совершенен, он говорит затем об укорении народа, и о том, что именно по этой причине в качестве врачевства дается новый завет. Однако несправедливо, если в народе обнаружился какой порок, возлагать вину за это на завет Божий. Итак, кажется, что довод апостола неверен. Ведь, обвини Бог Свой народ хотя бы сто раз, из этого не следовало бы, что порочен сам завет.

Ответить на подобное возражение весьма просто. Нарушение завета Божия по праву вменяется народу, вероломно отошедшему от Господа, но одновременно отмечается и немощь завета, поскольку он не был написан на людских сердцах. Значит, чтобы завет стал святым и законным, Бог возвещает о необходимости его исправления. Посему не без причины апостол настаивает на том, что следовало искать место для последующего завета.

8) *Вот, наступают дни*. Пророк говорит здесь о будущем времени. Он обличает народ в вероломстве за то, что тот не устоял в вере после принятия закона. Итак, закон и есть тот завет, о нарушении которого народом жалуется Бог. Дабы исправить подобное зло, Он обещает новый и отличный от предыдущего завет. И исполнение сего пророчества состоит в отмене ветхого завета.

Но кажется, что апостол искажил данное пророчество, приспособив его к своим целям. Ибо сейчас речь идет об обрядах, а пророк рассуждает обо всем законе. Какое же отношение имеет к обрядам то, что Бог пишет в сердцах правило святой жизни, содержащееся в проповедях и писаниях людей Божиих? Отвечаю: довод исходит от целого к части. Нет сомнения, что пророк, говоря: «заключил с вами завет, который вы не сохранили», – имеет в виду все служение Моисея. Далее, закон неким образом облакался во внешние обряды. Теперь же, после гибели тела, зачем нужны его одеяния? Общеизвестна мысль: добавление следует за природой главного. Итак, не удивительно, если обряды, будучи лишь добавкою к ветхому завету, обрели конец одновременно со всем служением Моисея.

Для апостолов вполне привычно начинать обсуждение всего закона там, где речь идет об обрядах. Значит пророчество Иеремии охватывает более широкий круг вопросов, чем одни обряды, но, поскольку оно включает в ветхий завет и их, то вполне уместно приспособливается к настоящей теме. Впрочем, все признают, что упоминаемые пророком дни означают Царство Христово. Отсюда следует: с приходом Христа ветхий завет следовало исправить. Пророк говорит о доме Израиля и доме Иуды потому, что потомки Авраама разделились на два царства. Таким образом, обетование касается всех избранных, которых соберут в одно тело, как бы прежде они ни были разделены.

9) *Не такой завет.* Этой фразой выражается отличие действовавшего тогда завета от завета нового, на который внушалась надежда. В ином случае пророк сказал бы следующее: восстановлю завет, нарушенный по вашей вине. Теперь же он особо говорит о каком-то отличном завете. Говоря о заключении завета в тот день, когда Он взял иудеев за руку, дабы вывести из рабства, Бог упоминанием благодеяния еще больше подчеркивает преступность отпадения иудеев. Хотя Он не имеет в виду неблагодарность какого-то одного поколения. Поскольку именно те, кто был избавлен, сразу после избавления отпали, их потомки время от времени согрешали по их примеру. Так что весь народ оказался нарушителем завета. Говоря же о том, что пренебрег их и больше о них не заботится, Бог хочет сказать, что евреям не поможет прошлое усыновление, если Он Сам не поможет им неким новым вида врачевством. По-еврейски пророк говорит иначе, но это мало относится к настоящему вопросу.

10) *Завет, который завещаю.* В этом завете два главных пункта. Первый – о незаслуженном прощении грехов, а второй – о внутреннем обновлении сердца. Третий же пункт зависит от второго: о просветлении умов к познанию Божию. Здесь многое достойно быть отмеченным.

Во-первых, Бог зовет нас к Себе без какого-либо успеха, покуда говорит нам только людскими устами. Он учит и заповедует, как правильно поступать, но обращается к глухим людям. Если же кажется, что мы что-то слышим, внешний звук только звенит в наших ушах, а сердце, полное порочности и гордыни, отвергает всякое здоровое учение. Наконец, Слово Божие никогда не проникнет в наши каменные или железные сердца, доколе Бог их не смягчит. Больше того, доколе Он не напишет в них противоположного закона. Ибо в сердце царят порочные чувства, толкающие нас на восстание. Значит, напрасно Бог возвещает закон человеческими устами, если не начертывает его Духом в наших сердцах, то есть, если не преобразует и не переделывает нас к послушанию.

Отсюда явствует: на что способна свобода воли, и какова праведность нашей природы, покуда ее не возродит Бог. Мы хотим и избираем, причем, свободно, но воля наша в безумном порыве несется против Бога и никак не может покориться Его праведности. Так и выходит, что закон становится для нас смертоносным и губительным, доколе написан лишь на каменных скрижалях, как учит об этом и Павел, 2Кор.3:3. Наконец, мы тогда послушно принимаем повеления Божии, когда Он Своим Духом изменяет и исправляет врожденную порочность души. Иначе Он не найдет в нас ничего кроме превратных чувств и сердца, полностью преданного злу. Вполне ясно положение о том, что следует заключить новый завет, посредством которого Бог отчеканит Свой закон в наших сердцах. Ибо иначе все остальное будет напрасным.

Второй пункт касается незаслуженного отпущения грехов. Даже если они согрешат, – говорит Бог, – Я прошу их. Этот пункт также весьма необходим. Ибо Бог никогда не обновит нас к послушанию Своей праведности, доколе в нас остается множество порочных плотских чувствований, ввиду чего время от времени в нас просыпаются злые желания. Отсюда и происходит борьба, о которой жалуется Павел (Рим.7:13). Так что благочестивые не повинуются Богу, как надлежит, и оскорбляют Его разными способами. Значит, каким бы сильным ни было наше желание жить праведно, мы будем повинными вечной смерти перед Богом, ибо жизнь наша всегда отстоит от закона совершенства. Итак, не будет никакой прочности завета, если Бог даром не простит наших грехов.

Впрочем, твердо знать, что Бог к ним милостив, – особая привилегия верных, принявших однажды предложенный во Христе завет. Им не мешает осознаваемый за собою грех, поскольку у них имеется обетование его прощения. И следует отметить: это обещается им не на один лишь день, но вплоть до конца жизни. Так что примирение их с Богом происходит ежедневно, ведь данная благодать простирается на все Христово Царство. Это же убедительно доказывает Павел во 2Кор.5. Действительно: это – единственное прибежище нашей веры. И если мы не станем прибегать к нему, нас ожидает крошечное отчаяние. Ибо все

мы находимся в состоянии вины и не можем выпутаться иначе, нежели прибегнув к прощающему нас милосердию Божию.

А они будут Моим народом. Плод завета в том, что Бог принимает нас в Свой народ, объявляя Себя защитником нашего спасения. Ибо именно это означает выражение: *буду им Богом*. Ведь Бог не есть Бог мертвых и не принимает нас под Свою опеку без того, чтобы сделать также причастниками жизни и праведности, как справедливо восклицает Давид (Пс.143:15): блажен народ, которому Господь есть Бог. Далее, нет сомнения, что учение это относится и к нам. Хотя первое место занимают израильтяне, будучи главными и законными наследниками завета, их прерогатива не мешает оставить доступ также и для нас. Наконец, насколько широко простирается Царство Христово, настолько же действителен этот спасительный завет.

Но спрашивается: разве во времена закона не было надежного и действенного обетования спасения, разве отцы были лишены благодати Духа, разве они никак не вкушали отеческое благоволение Божие в отпущении своих грехов? Больше того, не подлежит сомнению, что они с искренним сердцем и чистой совестью почитали Бога и ходили в Его заповедях. А этого не могло быть, если бы Дух не научал их изнутри. Также ясно, что всякий раз как отцы вспоминали свои грехи, их укрепляла надежда на незаслуженное прощение. Однако апостол, относя пророчество Иеремии к Царству Христову, кажется, лишает их того и другого блага. Отвечаю: апостол не отрицает, что Бог некогда написал закон в сердцах отцов и прощал им грехи, но сравнивает большее с меньшим. Итак, поскольку в Царстве Христовом Отец явил много обильнее силу Своего Духа, изливая на людей милость, это преимущество приводит к тому, что небольшая толика благодати, коей удостоились во времена закона отцы, вовсе не принимается в расчет. Мы также видим, сколь темными и неясными были тогда обетования, как слабо они светили подобно луне и звездам, по сравнению с яркостью сияющего нам Евангелия.

Если же кто возразит, что вера и послушание Авраама выделялись тогда так, что нам сегодня не найти в мире аналогичного примера, отвечаю: здесь речь идет не об отдельных личностях, а о домостроительстве в управлении Церковью. Кроме того, все духовные дарования, обретенные отцами, были как бы приводящими для их века. Ведь, чтобы стать их причастниками, отцам было необходимо устремить взор на Христа. Посему апостол вовсе не абсурдно, сравнивая Евангелие с законом, лишает последнего того, что свойственно первому. Между тем, ничто не мешает Богу распространить благодать нового завета также и на отцов. Таков правильный ответ на поставленный вопрос.

11) *И не будет учить.* Мы уже говорили, что третий пункт является как бы частью второго, где сказано: *вложу законы Мои в мысли их*. Дело Духа Божия – просвещать наши мысли, дабы мы знали, чего хочет Бог, и склонять к послушанию наши сердца. Ведь правильное познание Бога есть премудрость, превосходящая способности человеческой природы. Посему никто не может достичь ее, кроме как по тайному откровению Духа. Так что Исаия, проповедуя о восстановлении Церкви, говорит, что все дети Божии станут Его учениками (Ис.28:16). В том же смысле и наш пророк приводит следующие слова Божии: они познают Меня. Ибо Бог обещает не то, что сделать – в наших собственных силах, но то, что подает нам Он один. Наконец, эти слова пророка означают то же, как если бы он сказал: наш разум слеп и лишен правильного понимания, доколе не просветится от Духа Божия. Таким образом, правильно Бога познают лишь те, коим Бог соизволил явить Себя по особой благодати.

Говоря же: *от малого до большого*, – апостол, во-первых, имеет в виду, что благодать Божия изольется на все сословия, и ее не будет лишена никакая разновидность людей. Затем, он увещевает: ни невежды, ни простолюдины не будут отстранены от этой премудрости, а знатные и великие не смогут достичь ее своим остроумием и ученостью. Так ничтожных и незнатных Бог соединил с начальствующими, так что первым не будет мешать их невежество, а вторые не своим разумением достигнут подобной высоты, но для всех будет один учитель – Божественный Дух.

Фанатики видят в этом предлог для отмены внешней проповеди, словно в Царстве Христовом, она станет излишней. Однако их безумие легко опровергнуть. Возражение их состоит в следующем: после пришествия Христова никто не должен учить своего ближнего. Значит, внешнее учительство упразднится, давая место внутренним внушениям Духа. Однако они не замечают того, что, в первую очередь, достойно здесь внимания. Ибо пророк не отрицает полностью, что одни будут учить других, но говорит такие слова: не будут учить, говоря: познай Господа. Он как бы говорит: невежество больше не будет, как прежде, застилать людские умы, так чтобы они не знали: кто такой Бог.

Мы знаем, что учение преследует двойную цель. Во-первых, чтобы полные невежды начинали учиться с первых азов, а во-вторых, чтобы те, кто уже начал учиться, продолжали преуспевать. Итак, поскольку христианам, покуда они живут, надлежит продвигаться вперед, не подлежит сомнению, что никто не может быть мудрым до такой степени, чтобы уже не нуждаться в обучении. Так что готовность к обучению не последняя часть нашей христианской мудрости.

Каким же способом надо преуспевать, если мы хотим быть Христовыми учениками, Павел показывает в Послании к Ефесянам (4:11): Бог поставил пастырей, учителей, и т.д. Отсюда явствует: пророк меньше всего

хотел лишить Церковь столь необходимого дара. Он только желал сказать, что Бог явит Себя малым и великим, подобно тому, как предсказал Иоиль (2:28). Попутно можно отметить и то, что свет здравого разума особо обещается Церкви. Посему данное место может относиться только к своим по вере.

13) *Говоря «новый».* Из поставления одной противоположности апостол выводит упразднение другой. Ссылаясь на термин «ветхий завет», апостол доказывает, что он подлежал отмене. Ибо ветхость клонится к исчезновению. Затем, при смене на новое с необходимостью должно исчезнуть старое, поскольку это новое, как было сказано, имеет другую природу. Если же все служение Моисея упраздняется постольку, поскольку противостоит служению Христову, вместе с ним упраздняются и все обряды.

Глава 9

1. И первый завет имел постановление о Богослужении и святилище земное; 2. ибо устроена была скиния первая, в которой был светильник, и трапеза, и предложение хлебов, и которая называется «святое». 3. За вторую же завесою была скиния, называемая «святое святых», 4. имевшая золотую кадильницу и обложенный со всех сторон золотом ковчег завета, где были золотой сосуд с манною, жезл Ааронов расцветший и скрижали завета, 5. а над ним херувимы славы, осеняющие очистилище; о чем не нужно теперь говорить подробно.

(1. И первый имел установления культа и святилище земное; 2. ибо устроена была скиния первая, в которой был светильник, и трапеза, и предложение хлебов, и которая называется «святое». 3. За вторую же завесою была скиния, называемая «святое святых», 4. имевшая золотую кадильницу и обложенный со всех сторон золотом ковчег завета, где были золотой сосуд с манною, жезл Ааронов расцветший и скрижали завета, 5. а над ним херувимы славы, осеняющие место умилоствления; о чем не нужно теперь говорить подробно.)

1) *И первый завет имел.* Апостол, ранее сказав в общем об упразднении ветхого завета, теперь особо обращается к обрядам. Замысел его в том, чтобы показать: всему, что было тогда в употреблении, положило конец пришествие Христово. Вначале он говорит, что в условиях ветхого завета имелось определенное правило отправления божественного культа, особо соответствовавшее тому времени. Затем из сравнения станет ясным, каковы были все предписанные в законе обряды. Некоторые кодексы гласят *πρώτη σκηνή*, первая скиния, но думаю, что слово «скиния» добавлено. Не сомневаюсь, что некий неученый читатель, увидев прилагательное без существительного, и по своему незнанию отнес к скинии сказанное о завете, ошибочно добавил слово «скиния».

Весьма удивляюсь тому, что ошибка эта настолько усилилась, что греки с большим единогласием именно так и читают данное место. Однако необходимость вынуждает меня следовать древнему чтению. Ведь¹ апостол (как было уже сказано) говорил о ветхом завете, теперь же он переходит к обрядам, бывшим как бы его дополнениями. Итак, он хочет сказать, что все обряды Моисеева закона были частью ветхого завета. Они пахнут той же самой древностью и подлежат упразднению. *Λατρείας* многие понимают в винительном падеже множественного числа. Я же скорее соглашусь с теми, кто *δικαιοματα λατρείας* соединяют вместе. Ведь установления или обряды, которые евреи зовут *עֲבוּדָה*, греки переводят как *δικαιοματα*. Смысл таков: с ветхим заветом был связан весь тот способ почитания Бога, который состоял из жертвоприношений, омовений и прочих символов, вместе со святилищем. Апостол называет его «земным святилищем», поскольку евреям еще не открылась небесная истина. Хотя скиния и была образом показанного Моисею первообраза, все же любое изображение отличается от самой вещи. Особенно там, где они соотносятся между собой как противоположные, что и справедливо в данном случае. Посему святилище само по себе было земным и по праву числится среди стихий мира. Однако оно также было и небесным по своему обозначению.

2) *Ибо устроена была скиния.* Поскольку здесь апостол только вскользь затрагивает структуру скинии, не останавливаясь на ней больше, чем необходимо для его доказательства, я также намеренно воздержусь от его утонченного истолкования. Для нашей нынешней цели достаточно разделить скинию на три части. Из которых первая – преддверие для народа. Средняя обобщенно называется святилищем. А третья – внутреннее святилище, именуемое *κατ' ἐξοχήν*, святое святых.

Что касается первого святилища, следующего за преддверием, то апостол говорит, что там имелся светильник и стол, на который клали хлеба. Однако он называет это место во множественном числе *τὰ ἅγια*. За ним следовала комната, именуемая святое святых, еще более отдаленная от взоров народа. Больше того, отделенная даже от священников, служивших в первом святилище. В то время как одна завеса скрывала первое святилище, другая удерживала священников от входа в святое святых. Апостол говорит, что был также *θυμιατήριον*, под которым я скорее разумею жертвенник для курения или благовоний, чем кадильницу. За ним располагались ковчег завета с покрывкой, два херувима, золотой сосуд, наполненный манной, жезл Аарона и две скрижали. Апостол описывает скинию ровно до этого места. Впрочем, говоря, что сосуд, куда

¹ Однако

Моисей положил манну, и расцветший жезл Аарона находились в ковчеге с двумя скрижалями, апостол, кажется, противоречит священной истории, которая в Третьей Книге Царств (8:9) не сообщает, что в ковчеге было что-либо, кроме двух скрижалей. Но примирить эти два места весьма легко. Бог повелел, чтобы сосуд и жезл Аарона находились пред ковчегом свидетельства. Посему вероятно, что они вместе со скрижалями были помещены в ковчег. Когда же был выстроен храм, то все было расставлено на свои места. Действительно, история как о чем-то новом упоминает о том, что ковчег не содержал ничего, кроме двух скрижалей.

5) *О чем не нужно теперь.* Поскольку ничто не может удовлетворить людское любопытство, апостол устраняет предлог для рассмотрения тонкостей, не связанных с его настоящей целью, дабы долгое обсуждение этих вещей не оборвало ход его мысли. Посему неуместно поступит тот, кто, пренебрегая увещанием апостола, начнет дотошнее исследовать данный вопрос. В другом случае это, возможно, было бы уместно, но здесь вполне достаточно отнести сказанное к обсуждаемой апостолом теме. Хотя философствовать сверх положенного (что делают многие) не только бесполезно, но и весьма опасно. Кое-что из сказанного об устройстве скинии имеет очевидный смысл и способно к назиданию в вере, но следует проявить осмотрительность и трезвость, дабы не мудрствовать сверх того, что Господу угодно было нам открыть.

6. *При таком устройстве, в первую скинию всегда входят священники совершать Богослужение; 7. а во вторую – однажды в год один только первосвященник, не без крови, которую приносит за себя и за грехи неведения народа. 8. Сим Дух Святой показывает, что еще не открыт путь во святилище, доколе стоит прежняя скиния. 9. Она есть образ настоящего времени, в которое приносятся дары и жертвы, не могущие сделать в совести совершенным приносящего, 10. и которые с яствами и питиями, и различными омовениями и обрядами, относящимися до плоти, установлены были только до времени исправления. 11. Но Христос, Первосвященник будущих благ, пришед с большею и совершеннейшею скиниею, нерукотворенною, то есть не такового устройства, 12. и не с кровью козлов и тельцов, но со Своею Кровию, однажды вошел во святилище и приобрел вечное искупление.*

(6. *При таком устройстве, в первую скинию всегда входят священники, совершающие Богослужение; 7. а во вторую – однажды в год один только первосвященник, не без крови, которую приносит за свои и народные неведения. 8. Сим Дух Святой показывает, что еще не открыт путь во святилище, доколе стоит прежняя скиния. 9. Какое уподобление относится к настоящему времени, в которое приносятся дары и жертвы, не могущие в совести освятить приносящего, 10. установленные в яствах и питиях, и различных омовениях и освящениях плоти только до времени исправления. 11. Но Христос, Первосвященник будущих благ, придя посредством большей и совершеннейшей скинии, нерукотворенной, то есть не такового устройства, 12. и не кровью козлов и тельцов, но Своею Кровию, однажды вошел во святилище и приобрел вечное искупление.)*

6) *При таком устройстве.* Опустив все прочее, апостол приступает к рассмотрению того, о чем шел наибольший спор. Он говорит, что священники, приносящие жертвы, по обыкновению ежедневно входили в первую скинию. Но в святое святых ежегодно входил первосвященник с торжественным жертвоприношением. Отсюда он выводит, что при сохранении законнической скинии святилище оставалось закрытым, и вход в Царство Божие был открыт для нас лишь после ее упразднения. Мы видим: чтобы форма древней скинии научила иудеев, им следовало уповать не на нее, а на что-то другое. Значит, глупо поступают те, кто добровольно ставит себе преграду, удерживая тени закона. **Πρώτην σκηνήν** апостол использует здесь в ином смысле, нежели прежде. До этого он означал этим термином первое святилище, теперь же означает всю скинию. Она противопоставляется духовному святилищу Христову, о котором тут же следует упоминание. Апостол заявляет, что первая скиния пала ради нашего же блага, ибо ее упразднение открыло для нас ближайший доступ к Богу.

7) *За себя и за грехи неведения народа.* Поскольку **שגג** по-еврейски означает «ошибаться», из этого слова производят **שגגה**, в собственном смысле означающий «заблуждение». Однако обобщенно это слово может относиться к любому греху. Действительно, мы грешим лишь тогда, когда сатана обманывает нас своими прельщениями. Апостол не имеет в виду простое неведение, скорее этим термином он охватывает также произвольные грехи. Однако, как было сказано, никакой грех не свободен от определенного заблуждения. Ведь, чтобы кто-то согрешил самым сознательным и добровольным способом, его с необходимостью должна ослепить похоть, мешающая правому суждению и даже приводящая к забвению себя и Бога. Люди никогда не идут сознательно на погибель, если ложь сатаны не запутывает их, отклоняя от правильного образа мысли.

9) *Она есть образ.* По-гречески стоит **παράβολή**, и это имя, на мой взгляд, означает то же, что и **ἀντίτυπον**. Апостол понимает, что эта скиния представляла собой образ, отвечающий первообразу. Ибо образ человека соотносится с самим человеком так, что, лицеурея первый, наш разум тут же обращается ко второму. Кроме того, апостол говорит, что это подобие относилось к настоящему времени, то есть, доколе имели силу внешние обряды, тем самым, ограничивая его употребление и продолжительность временем закона. Ибо сказанное означает то же, что и сразу же добавленная фраза: все обряды были установлены до времени

исправления. Этому не мешает то обстоятельство, что апостол использует настоящее время, говоря, что *жертвы приносятся* именно сейчас. Ведь апостол обращается здесь к иудеям. Поэтому он приспосабливается к их восприятию, ведя речь так, словно сам является одним из приносящих жертвы. Дары же и жертвы отличаются между собой подобно роду и виду.

Сделать в совести совершенным. То есть, они не проникают в душу, дабы принести истинную святость. Другие вместо «освятить» переводят «сделать совершенным». Я не отвергаю этот вариант. Однако слово «освятить» на мой взгляд больше подходит к контексту. Далее, чтобы читатели лучше поняли мысль апостола, следует отметить противопоставление между плотью и совестью. Он отрицает, что законнические жертвы могли духовно или внутренне очистить приносящих. И в качестве причины указывает, что все эти обряды были плотскими, относящимися к плоти. Какую же пользу он тогда им отводит?

Обычно думают, что обряды были полезным детоводительством, отличающимся честностью и красотой. Но считающие так не вполне задумываются о смысле добавленных обетований. Посему их измышление следует полностью отбросить. Они неправильно и неискренне считают оправданиями плоти те действия, которые освящают и очищают одно только тело, в то время как апостол разумел под этим словом земные символы, не проникающие в душу. Ведь какими бы свидетельствами совершенной святости они ни были, саму эту святость они никак не содержали и не могли принести людям. Такими вспомоществованиями и надлежало вести ко Христу верующих, дабы те просили от Него то, что доставало символам.

Но кто-нибудь спросит: почему апостол говорит о божественно установленных таинствах столь непочтительно и презрительно, как бы унижая их силу. Он делает это потому, что отделяет их от Христа. Мы знаем, что, если оценивать обряды сами по себе, они, по словам Павла (Гал.4:9) всего лишь немощные стихии мира. Говоря же о *времени исправления*, апостол намекает на пророчество Иеремии (Иер.31:37). Ибо новый завет последовал ветхому, как бы являясь его исправлением. Апостол особо упоминает пищу, питье и прочие менее важные вещи, поскольку из малозначимости этих ритуалов можно надежнее вывести, сколь сильно отстоит закон от совершенства Евангелия.

11) *Но Христос ... придя.* Теперь апостол выводит на свет истину, предзнаменованную установлениями закона, истину, отводящую от установлений и обращающую к себе людские взоры. Ведь верующие, что во Христе действительно явлено все, что оттенялось во времена закона, не остаются привязанными к теням, но обладают самим телом и несомненной истиной. Следует тщательно отметить те аспекты, в которых Христос сравнивается с древним первосвященником. Ранее апостол говорил, что только первосвященник ежегодно входил во святилище с кровью, приносимой им за людские грехи. Христос же имеет с ним то сходство, что один обладает достоинством и служением первосвященника, а отличается в том, что пришел после, принеся с Собой вечные блага, говорящие о вечности Его священства. Во-вторых, между древним первосвященником и нашим сходство в том, что оба они через святилище входят во святое святых. Но различие в том, что только Христос взшел на небеса через храм Собственного тела. То же, что лишь один раз в год святое святых открывалось для первосвященника для совершения торжественного умилоствления, туманно предзнаменовало единственное жертвоприношение Иисуса Христа.

Итак, принесение жертвы общее для них обоих, но земной приносил ежегодную жертву, Небесный же – вечную, действительную до скончания века. Обоим общее принесение крови, но сильно различается сама кровь, которая в случае Христа была не кровью животного, но Его собственной. Обоим общее умилоствление. Но законническое, будучи недейственным, повторялось ежегодно, а совершенное Христом имеет силу всегда, являясь для нас причиной вечного спасения. Таким образом, здесь весомо каждое отдельное слово. Перевод же некоторых: «Христос, присутствуя» – неверно отражает мысль апостола. Ибо он имел в виду, что после того, как левитские священники исполнили к означенному времени свое служение, на их место, как мы видели в седьмой главе, заступил Христос.

Будущие блага разумей здесь как блага вечные. Ведь подобно тому, как *μέλλον καίρως* противопоставляется *τῷ ἐνεστηκότι*, будущие блага противопоставляются настоящим. Итог таков: священство Христово приводит нас в небесное царство Божие, и мы становимся причастниками духовной праведности и вечной жизни так, что уже неприлично желать чего-либо большего. Таким образом, один лишь Христос обладает тем, чем может удержать и утвердить нас в Самом Себе.

С большею и совершеннейшею. Хотя место это толкуется по-разному, я не сомневаюсь, что апостол подразумевает здесь Христово тело. Ибо, как некогда для первосвященника доступ в святое святых проходил через общее святилище, так и Христос вошел в небесную славу через Свое тело, поскольку, облекшись в нашу плоть и пострадав в ней, обрел Себе прерогативу являться ныне перед Богом в качестве нашего Посредника.

Во-первых, название святилища уместно и подходяще переносится на тело Христово. Ибо оно – храм, в котором обитает все божественное величие. Говорится, что Христос через Собственное тело проложил дорогу на небеса, поскольку в этом теле Он посвятил Себя Богу, был освящен ради истинной праведности, приготовил Себя для совершения жертвы. Наконец, поскольку Он унижил Себя в нем, пойдя на крестную смерть, Отец превознес Его, дав Ему имя выше всякого имени, перед которым должно преклонится всякое

колени. Итак, Христос через Собственное тело взошел на небеса, и поэтому ныне восседает одесную Отца. Потому Он и ходатайствует за нас на небе, что, облекшись в нашу плоть, посвятил ее в храм Богу Отцу, и осыятил Себя в ней, дабы, совершив очищение грехов, обрести для нас вечную праведность.

Однако может показаться удивительным, что апостол отрицает принадлежность тела Христова такому устройству. Ведь оно несомненно было создано из семени Авраама и подвержено смертным мукам. Отвечаю: здесь идет речь не о субстанции тела, не о его качествах, а о духовной силе, истекающей от него к нам. Насколько плоть Христова является животворящей и небесной пищей для окормления наших душ, насколько кровь Его – духовное питье и наше омовение, в них нельзя вообразить ничего земного или относящегося к стихиям мира. Затем, будем помнить: это сказано в сравнении с ветхой скинией, составленной из дерева, меди, кожи, разных тканей, золота и серебра, то есть – из мертвых вещей. Плоть же Христова, будучи живым и духовным храмом, дышит божественной мощью.

12) *И не с кровью козлов.* Все это указывает на следующее: принадлежащее Христу настолько превосходно, что заслуженно обращает в ничто все образы закона. Ибо сколь ценной была бы кровь Христова, если бы присовокуплялась крови животных? Каким было бы умилоствление, совершенное в Его крови, если бы законнические очищения сохранили свою силу? Итак, как только вперед выходит Христос с плодами Своей смерти, все образы с необходимостью должны исчезнуть.

13. *Ибо если кровь тельцов и козлов и пепел телицы, через окропление, освящает оскверненных, дабы чисто было тело, 14. то кольми паче Кровь Христа, Который Духом Святым принес Себя непорочного Богу, очистит совесть нашу от мертвых дел, для служения Богу живому и истинному! 15. И потому Он есть Ходатай нового завета, дабы вследствие смерти Его, бывшей для искупления от преступлений, сделанных в первом завете, призванные к вечному наследию получили обетованное. 16. Ибо, где завещание, там необходимо, чтобы последовала смерть завещателя, 17. потому что завещание действительно после умерших: оно не имеет силы, когда завещатель жив.*

(13. *Ибо если кровь тельцов и козлов и пепел телицы, через окропление, освящает приобщающихся к чистоте тела, 14. то кольми паче Кровь Христа, Который Духом вечным принес Себя непорочного Богу, очистит совесть нашу от мертвых дел, для служения Богу живому и истинному! 15. И потому Он есть Ходатай нового завета, дабы вследствие смерти Его, для искупления от преступлений, сделанных в первом завете, призванные получили обетование вечного наследия. 16. Ибо, где завещание, там необходимо, чтобы последовала смерть завещателя, 17. потому что завещание твердо при умерших, поскольку никогда не имеет силы, пока жив завещатель.*)

13) *Ибо если кровь тельцов.* Это место дало многим повод для заблуждения, поскольку они не подумали о том, что речь идет о тайнах, имеющих духовное значение. Очищение плоти они толкуют как очищение действительное только среди людей. Подобно тому, как у нечестивых имеются свои очищения, изглаживающие позор за совершенные преступления. Это толкование полностью противно благочестию. Ибо обетования Божиим будет нанесено оскорбление, если мы ограничим их воздействие только зснними вещами. Приходит на память фраза из Моисея: когда жертва принесена по правилам, беззаконие изглаживается. А это – несомненно духовное учение веры. Кроме того, поскольку все жертвы предназначались для того, чтобы привести ко Христу, как во Христе содержится вечное спасение души, так и жертвы были истинными свидетельствами этого спасения. Итак, что хочет сказать апостол, упоминая об очищении плоти? Он понимает его символическим или сакраментальным в следующем смысле: если кровь животных была символом очищения и очищала сакраментальным образом, то кольми паче Сам Христос, будучи истиной, не только удостоверяет очищение внешним обрядом, но и на деле дает его человеческой совести? Посему доказательство исходит от символов к самой означаемой вещи. Ведь действительность самой вещи сильно превосходит действительность всех ее символов.

14) *Духом Святым.* Теперь апостол ясно показывает, чем надо оценивать смерть Христову. Не внешним ее проявлением, а силою Духа. Ведь Христос пострадал как человек, но чтобы смерть Его была для нас спасительной, она черпала силу от действительности Духа. Ибо жертва вечного умилоствления была более чем человеческим делом. И апостол зовет Дух вечным, давая понять: вечным является сотворенное Им примирение. Говоря о Христовой непорочности, он намекает на законнические жертвы, которые не должны были быть ущербными и содержать порок. Однако апостол хочет сказать, что один лишь Христос – законная и пригодная жертва для умиротворения Бога. Ведь в других жертвах всегда можно было найти недостаток: поэтому и говорилось ранее, что завет закона не был **ἁγιασμον**. Единственная же жертва Христова содержала в себе лишь высшее совершенство.

Под мертвыми же делами разумей или те, что производят смерть, или же те, которые являются плодами смерти. Поскольку жизнь души – это наше соединение с Богом, люди, отчужденные от Бога через грех, воистину считаются мертвыми. Также следует отметить цель очищения: чтобы нам служить Богу. Ибо Христос омывает нас не для того, чтобы мы осквернялись новыми нечистотами, но чтобы наша чистота служила божественной славе. Кроме того, апостол учит, что от нас не может исходить ничего угодного Богу, доколе мы не очищены Христовой кровью. Поскольку до примирения мы – враги Бога, наши дела

также Ему ненавистны. Так что начало законного богопочитания заключается в примирении. Наконец, поскольку никакое дело не чисто и не свободно от пятен до такой степени, чтобы самостоятельно угождать Богу, необходимо очищение Христовой кровью, стирающее все его пятна. Здесь также видно изящное противопоставление мертвых дел и живого Бога.

15) *И потому Он есть ходатай нового завета.* Апостол заключает, что больше нет нужды в другом священнике, поскольку в новом завете эту роль исполняет Христос. Он не для того отстаивает за Христом честь Посредника, чтобы вместе с Ним оставить и других, но заявляет, что, когда Христу было вверено служение, все прочие посредники упразднились. И дабы лучше это показать, апостол вспоминает о том, каким образом Христос исполнил служение Посредника, а именно: посредством Своей смерти. Если же это качество открывается в одном лишь Христе, оно отсутствует у всех прочих. Отсюда следует, что Он один заслуженно является нашим Посредником.

Кроме того, апостол упоминает о силе и следствии Его смерти, говоря об уплате цены за грехи, которые во время предыдущего завета не могли изгладиться кровью животных. Этими словами он хочет отвести иудеев от закона и привести их ко Христу. Ведь если закон немошен настолько, что любые употребляемые им средства для очищения грехов не дают того, что в них изображается, кто будет полагаться на них как на надежное прибежище? Одно это должно достаточно побудить их желать исправления закона. Ибо в условиях закона они с необходимостью оставались бы в вечной тревоге. Напротив, приходя ко Христу и имея в Нем полное искупление, мы больше не должны ни о чем беспокоиться.

Итак, апостол этими словами ослабляет закон, дабы иудеи перестали на него уповать. Он учит их полагаться на Христа, поскольку в Нем открывается все, что можно пожелать для умиротворения совести. Если же кто спросит: разве отцам не отпускались их грехи во времена закона? – надо вспомнить о ранее найденном решении: грехи отпускались, но по благоденствию Христову. Значит, относительно внешних очищений иудеи всегда оставались в состоянии вины. Поэтому Павел (Кол.2:14) говорит, что закон был враждебным для нас рукописанием. Ведь грешник, выходя вперед, исповедуя свой грех перед Богом, и принося в жертву невинное животное, тем самым признавал себя достойным вечной смерти. Но тогда, что еще производила его жертва, кроме того, что ею он как бы давал расписку в собственной смерти? И люди лишь тогда упокаивались относительно отпущения своих грехов, когда начинали взирать на Христа. Но коль скоро отпускает грехи только взгляд на Иисуса, отцы никогда не обрели бы избавления, если бы основывались на законе. Давид возвещает: блажен человек, которому не вменяются грехи (Пс.31:2). Но чтобы стать причастником подобного блаженства, надо, оставив закон, обратить взор на Иисуса Христа. И если человек привязан к закону, он никогда не избавится от собственной вины.

Призванные к вечному наследию. Завет, заключенный с нами Богом, нацелен на то, чтобы мы, получив усыновление, стали наследниками вечной жизни. Апостол учит, что все это мы обретаем по Христову благоденствию. Отсюда явствует, что во Христе содержится исполнение завета. Обетование наследия означает здесь обетованное наследие. Апостол как бы говорит: обетование вечной жизни состоит в том, что мы не можем наслаждаться ей иначе, как через смерть Христову. Жизнь была некогда обещана отцам, с начала мира наследие детей Божиих было тем же самым. Однако в обладание им мы входим только тогда, когда нам предшествует Христова кровь. Апостол говорит о призванных, дабы острее уколоть иудеев, бывших причастниками этого призвания. Ибо получить познание Христа – весьма редкая благодать. Посему тем более следует опасаться того, что наши души, презрев столь бесценное сокровище, станут блуждать где-нибудь еще.

Призванных некоторые понимают здесь как избранных. Но, на мой взгляд, неправильно. Ведь апостол учит здесь тому же, о чем сказано в Рим.3:25: праведность и спасение обретенны Христовой кровью, но принимаются нами через веру.

16) *Ибо, где завещание.* Одно это место является достаточным свидетельством того, что послание не было написано на еврейском. Ибо כְּרִיתָ по-еврейски означает договор, а не завещание. Но, поскольку у греков διαθήκη имеет оба значения, апостол, намекая на второй смысл, говорит, что обетования становятся законными и действительными лишь в том случае, когда запечатлены Христовой смертью. Он доказывает это из общего права составления завещаний, действие которых приостановлено до смерти завещателя.

Хотя кажется, что апостол опирается на весьма нетвердый довод, и сказанное им можно без труда опровергнуть. Ведь Бог во времена закона не составлял завещания, а заключил с древним народом договор. Таким образом, ни сама вещь, ни ее название не приводят к выводу о необходимости Христовой смерти. Ведь если апостол выводит необходимость смерти Христа, ссылаясь на природу самой вещи, и говорит, что завещание действительно только после смерти завещателя, – возражение очевидно. כְּרִיתָ (термин, которым Моисей пользуется повсеместно) – это договор, заключаемый между живыми, и о нем нельзя думать что-либо еще. Если же апостол ссылается на название, то просто (как было сказано) намекает на двусмысленность греческого слова. Посему он особо настаивает на сути дела. И этому не мешает то обстоятельство, что Бог заключил с народом договор. Ведь этот договор был подобен завещанию, поскольку вводился в действие через пролитие крови. Надо придерживаться следующей аксиомы: Бог никогда не

использует символы необдуманно или без причины. Однако Бог утвердил завет закона через пролитие крови. Значит, это было не соглашение между живыми, но завещание, требующее смерти.

Далее, особенность завещания состоит в том, что оно обретает силу с момента смерти. И если подумать, то апостол рассуждает, опираясь на суть, а не на слова. Затем, если подметить, что он считает очевидным положение: Бог ничего не устанавливает напрасно, – то отрывок не доставит значительных трудностей.

Если кто возразит, что язычники освящали договоры жертвами в ином смысле, признаю, что это – так. Но Бог не заимствовал обряд жертвоприношения из обычаев язычников. Скорее все языческие жертвы опорочились и выродились, хотя и брали начало от божественных установлений. Посему следует всегда вспоминать о том, что завет Божий, заключенный через кровь, уместно сравнивать с завещанием, поскольку природа того и другого одинакова.

18. Почему и первый завет был утвержден не без крови. 19. Ибо Моисей, произнеси все заповеди по закону перед всем народом, взял кровь тельцов и козлов с водою и шерстью червленою и иссопом, и окропил как саму книгу, так и весь народ, 20. говоря: «это кровь завета, который заповедал вам Бог». 21. Также окропил кровью и скинию и все сосуды Богослужебные. 22. Да и все почти по закону очищается кровью, и без пролития крови не бывает прощения. 23. Итак образы небесного должны были очищаться сими, самое же небесное лучшими сих жертвами.

(18. Почему и первый был утвержден не без крови. 19. Ибо Моисей, произнес все заповеди по закону перед всем народом, взял кровь тельцов и козлов с водою и шерстью червленою и иссопом, и окропил как саму книгу, так и весь народ, 20. говоря: «это кровь завета, который заповедал всем вам Бог». 21. Также окропил кровью и скинию и все сосуды Богослужебные. 22. Да и все почти по закону очищается кровью, и без пролития крови не бывает отпущения. 23. Итак образы небесного должны были очищаться сими, самое же небесное лучшими сих жертвами.)

18) Почему и первый. Отсюда явствует, что речь идет о сути, а не о словах, даже если апостол и приспособил к своей выгоде фразу из языка, на котором писал. Подобно тому, как кто-нибудь, рассуждая о том же завете Божиим, по-гречески часто называемом **μαρτυρία**, среди прочего восхвалит и добродетель мученичества. Воистину **μαρτυρία** есть то, о чем ангелы свидетельствуют с неба, что имеет столько свидетелей на земле, а именно: всех святых пророков, апостолов и великий сонм мучеников, то, поручителем чего вызвался быть Сам Сын Божий. Никто не увидит в такой речи ничего глупого. Однако же смысл еврейского слова **עֵדוּת** ни о чем таком не говорит. Но поскольку сказано лишь то, что согласно с самой вещью, не стоит сильно привязываться к смыслу термина. Посему апостол и говорит, что ветхий завет был освящен кровью. Отсюда он выводит: уже тогда людей научили тому, что завет может быть твердым и действенным только при посредничестве смерти. Ибо апостол отрицает, что пролитие тогда крови животных имело силу подтвердить вечный завет.

И чтобы лучше это понять, следует отметить почерпнутый из Моисея обряд окропления. Во-первых, апостол говорит об узаконении завета. Не потому, что изначально он содержал в себе нечто мирское, но потому, что нет ничего святого, чего бы люди не осквернили собственной нечистотой, если Бог не воспрепятствует этому, совершив всеобщее обновление. Посему посвящение совершается ради людей, которые одни в нем и нуждаются. Апостол добавляет: окроплению подверглась скиния со всеми сосудами, и даже сама книга. И этот обряд учил тогдашний народ тому, что Бога можно спасительно искать и правильно почитать лишь тогда, когда вера непрестанно взирает на посредствующую завету кровь. Ведь величие Божие заслуженно вызывает у нас страх. И путь к нему – не что иное, как гибельный лабиринт, доколе мы не обретаем уверенность в том, что Бог умиротворен Христовой кровью, и та же кровь открывает нам надежный доступ к Богу. Все культы являются порочными и нечистыми, доколе их не очистит окропление Христовой кровью. Ибо святилище было неким видимым образом Бога, а сосуды служения, предназначенные для правильного богопочитания, были символами истинного культа. Если же ничто из этого без крови не приносило народу спасение, то легко заключить: там, где Христос не является с Собственной кровью, у нас нет дела с Богом. Так и само учение, хотя и выражает неизменную волю Божию, не будет для нас действенным, если не освящено кровью. И об этом еще лучше говорит само употребляемое слово. Знаю, что другие толкуют иначе. Для них скиния – это тело Церкви, а сосуды – отдельные верующие, служением которых пользуется Бог. Но сказанное мною больше подходит контексту. Ибо всякий раз как надо было призвать Бога, люди обращались к святилищу. Общеизвестно выражение: войти во храм – это предстать пред лице Господне.

20) Это кровь завета, который заповедал. Если это – кровь завета, то ни завет не действителен без крови, ни кровь не изглаживает грехи без завета. Посему необходимо и то, и другое соединить вместе. Мы видим, что символ был дан только после изложения закона. Ибо какое может быть таинство, если ему не предшествует слово? Посему символ – это некая добавка к слову. Отметим, что слово не нашептывается здесь магическим заклинанием, но произносится громко. И поскольку сказанное предназначается народу, слова завета так и гласят: *который заповедал вам Бог*. Значит, извращение, нечестивое искажение таинства

имеется там, где никто не слышит изложение заповеди, представляющее собой душу таинства. Так что паписты, отрывающие от символов истинное разумение вещей, удерживают за собой лишь мертвые стихии.

Данное место учит: все обетования Божии лишь тогда полезны для нас, когда их удостоверяет Христова кровь. То же, что по словам Павла (2Кор.1:20) все обетования Божии во Христе: да и аминь, – связано с тем, что Его кровь подобно печати выгравирована в наших сердцах. Когда мы не только слышим говорящего Бога, но и видим Христа, приносящего Себя в залог сказанного. Если бы нам на ум пришла мысль, что все читаемое нами написано не чернилами, а кровью Сына Божия, что во время проповеди Евангелия вместе с голосом проповедника каплет Его священная кровь, наше внимание и почтение сильно увеличились бы. И символом этого было упоминаемое Моисеем окропление. Хотя здесь сказано больше, чем выражено словами. Ибо не книга, а народ, по его рассказу, подвергся окроплению. Не называет он ни козлов, ни шерсть червленую, ни иссоп. Что касается книги, то, хотя окропление ее нельзя доказать ясно, все же вероятное предположение основано на том, что Моисей после освящения вынес ее перед людьми, причем, с целью подчинить народ Богу торжественным обрядом. Касательно же остального, мне кажется, что апостол смешивает разные умилоствления, имевшие одинаковый смысл. И в этом нет ничего глупого, поскольку он рассматривает общий вопрос об очищении ветхого завета, совершаемого через кровь. То же, что окропление совершалось через иссоп и червленую шерсть, без сомнения изображает таинственное окропление Святым Духом. Мы знаем, что иссоп обладает особой действенностью по очищению. Так и Христос пользуется Духом как орудием окропления для омовения нас Своей кровью, когда внушает нам серьезное покаянное чувство, когда выжигает порочную похоть плоти, когда окунает нас в драгоценную краску Своей праведности. Ведь Бог установил все это вовсе не без причины. На это же намекает Давид (Пс.50:9) говоря: Господи, окропи меня иссопом, и буду чист. Сказанного достаточно тем, кто расположен к здравому философствованию.

22) *Да и все почти.* Говоря «почти», апостол, кажется, намекает на то, что некоторые вещи очищались по-другому. Действительно, евреи часто омывали себя и другие нечистые предметы водою. Однако и сама вода получала силу омовения от жертв. Так что апостол истинно возглашает, что без крови не бывает прощения. Значит, нечистота будет вменяться до тех пор, покуда не очистится жертвою. Подобно тому, как вне Христа нет ни чистоты, ни спасения, так и без крови нет ничего чистого или спасительного. Ибо Христа ни в коем случае нельзя отделять от Его жертвы и смерти. Но апостол просто хочет сказать, что этот символ употреблялся почти всегда. И если когда-либо происходило очищение, оно совершалось через кровь. Ибо все обряды неким образом заимствовали силу из общего умилоствления. И хотя не каждый представитель народа окроплялся кровью (ибо как небольшая порция крови могла быть достаточной для окропления такого множества?), все же очищение приходило одновременно ко всем. Значит, слово «почти» означает то же, как если бы апостол сказал: этот обряд употреблялся весьма часто, его редко опускали при очищениях. Толкование же Златоуста, думавшего, что так отмечается слабость священнодействий, представлявших собой одни лишь образы, чуждо смыслу апостола.

Не бывает отпущения. Таким образом, людям запрещено лицемерие Бога. Поскольку Он по праву оскорблен ими всеми, у людей нет причин надеяться на какое-либо благоволение Божие, доколе Бог не будет умилоствлен. Далее, основание для умилоствления одно – пролитие крови. Посему нельзя надеяться на какое-либо отпущение грехов без принесения Богу крови. А это происходит тогда, когда мы верою прибегаем к смерти Христовой.

23) *Образы небесного.* Дабы кто не возразил, что кровь, освятившая ветхий завет, была иной, апостол упреждающе говорит: не удивительно, если святилище, бывшее земным, освящалось жертвами животных. Ибо между очищением и самими очищаемыми вещами всегда имеется соответствие. Небесный же первообраз, о котором идет речь, надо было освящать совершенно другим способом. Здесь не может быть места для козлов и тельцов. Отсюда следует, что необходима смерть Завещателя. И смысл таков: поскольку в законе имелись лишь образы духовных вещей, обряд умилоствления также был плотским и, так сказать, иносказательным. Коль скоро же небесный первообраз не допускает ничего земного, он требует крови иной, нежели кровь животных, отвечающей его превосходству. Таким образом, для истинного освящения завета необходима смерть Завещателя. Небесным апостол называет здесь духовное Царство Христово, имеющее твердое откровение истины. А лучшие жертвы означают единственную жертву, именуемую во множественном числе ради полноты антитезиса.

24. *Ибо Христос вошел не в рукотворенное святилище, по образу истинного устроенное, но в самое небо, чтобы предстать ныне за нас пред лице Божие, 25. и не для того, чтобы многократно приносить Себя, как первосвященник входит во святилище každогодно с чужою кровию; 26. иначе надлежало бы Ему многократно страдать от начала мира; Он же однажды, к концу веков, явился для уничтожения греха жертвою Своею. 27. И как человекам положено однажды умереть, а потом суд, 28. так и Христос, однажды принеши Себя в жертву, чтобы подъять грехи многих, во второй раз явится не для очищения греха, а для ожидающих Его во спасение.*

(24. Ибо Христос вошел не в рукотворенное святое, образ истинного, но в самое небо, чтобы предстать ныне за нас пред лице Божие, 25. и не для того, чтобы многократно приносить Себя, как первосвященник

входит во святилище ежегодно с чужою кровию; 26. (иначе надлежало бы Ему многократно страдать от начала мира); Он же однажды, к концу веков, явился для уничтожения греха жертвою Своею. 27. И как человекам положено однажды умереть, а потом суд, 28. так и Христос, однажды принеся Себя в жертву, чтобы поднять грехи многих, во второй раз явится без греха во спасение ожидающим Его.)

24) *Ибо Христос.* Подтверждение предыдущего предложения. Апостол говорил об истинном святилище, то есть, о небесном. Теперь он добавляет, что туда вошел Христос, а это требует соответствующего подтверждения. Святым апостол называет святилище. Нерукотворенным же оно зовется потому, что не должно числиться среди творений, подверженных тлению. Под небом же апостол имеет в виду не видимое небо, на котором сияют звезды, но славу Царства Божия, превосходящую все небеса. Ветхое святилище он называет *ἀντίτυπον* истинного, то есть, духовного, поскольку все внешние образы словно в зеркале представляют то, что иначе не воспринимается телесным чувством. Тем же словом порою пользуются греческие писатели, рассуждающие о наших таинствах. Причем – разумно и уместно, поскольку всякое видимое таинство есть образ невидимых вещей.

Чтобы предстать ныне за нас. Так некогда левитский священник от имени народа предстал пред лицом Божиим, но только как бы будучи в образе. Во Христе же имеется твердая истина и полное исполнение изображаемого. Ведь ковчег был символом божественного присутствия. Но Христос воистину является пред лицо Божие и предстоит перед Богом, вымаливая для нас благодать. Так что у нас больше нет причины избегать божественного судилища, где находится наш добрый Заступник, верность и опека Которого хранит нас и бережет. Христос уже тогда был нашим Заступником, когда жил на земле. Но нашей немощи была оказана и та уступка, что для исполнения служения Ходатая Ему пришлось взойти на небо. Таким образом, всякий раз как упоминается о Его восшествии на небеса, мы должны вспоминать о пользе этого действия. Христос предстоит там Богу, чтобы защитить нас Своим заступничеством. Итак, глупо и неуместно спрашивают некоторые, всегда ли предстоял Христос, поскольку апостол рассуждает здесь только о ходатайстве, ради которого Христос вошел в небесное святилище.

25) *И не для того, чтобы многократно.* Итак, какой же Христос священник, – спросит кто-нибудь, – если Он не приносит жертвы? Отвечаю: служение и должность священника не требуют постоянного принесения жертв. Ведь и в законе отдельным жертвам отводились определенные дни в году, а ежедневные жертвы имели установленные утренние и вечерние часы. Поскольку же единственная жертва, однажды принесенная Христом, имеет силу всегда, являясь вечно в отношении действительности, не удивительно, если ее никогда не исчезающая сила подкрепляет вечное священство Христово. Здесь апостол снова показывает, в чем и каким образом Христос отличается от левитского священника. О святилище уже говорилось прежде. Но одно отличие имеется также в роде жертвоприношения. Ведь Христос принес Самого Себя, а не бессловесное животное. Другое отличие состоит в том, что жертва эта не повторяется, хотя во времена закона жертвы повторялись почти непрестанно.

26) *Иначе надлежало бы.* Апостол показывает, какой последует абсурд, если мы не будем довольствоваться единственным жертвоприношением Христовым. Он делает вывод, что тогда Ему надлежало бы умирать часто, поскольку смерть всегда соединена с жертвою. А эта мысль самая глупая из всех. Итак, отсюда следует, что сила этой единственной жертвы вечна, простираясь на все века. Апостол говорит «от начала мира», поскольку во все века имелись грехи, нуждавшиеся в умиловлении. Значит, если бы жертва Христова не была тогда действительной, никто из отцов не получил бы спасения. Поскольку отцы сами по себе подлежали гневу Божию, у них отсутствовало бы средство избавления, если бы Христос, пострадав однажды для обретения благодати Божией для людей, не страдал бы от начала и до конца мира. Значит, если мы не ожидаем множества смертей, будем довольствоваться этой единственной жертвой.

Отсюда явствует, сколь глупо то различие, утонченностью которого льстят себя паписты, говоря, что крестная жертва Христова была кровавой, а жертвоприношение мессы, ежедневно, по их вымыслу, приносимое Богу, бескровно. Ведь если эта тонкая уловка имеет силу, Дух Божий надо обвинить в несмысленности, поскольку Ему эта уловка на ум не пришла. В то время как апостол считает не подлежащим сомнению: без смерти не бывает никакой жертвы. Меня не смущает, что древние отцы писали противоположное. Ибо не во власти людей изобретать себе любые удобные им жертвы. Незыблема аксиома, установленная Святым Духом: жертва не изглаживает грехи там, где не проливается кровь. Посему – дьявольское измышление говорить о том, что Христос часто приносится в жертву.

Однажды, к концу веков. Концом веков апостол называет то, что в Гал.4:4 зовется полнотою. Ибо она – некоторая зрелость времен, установленная Богом в Его вечном декрете. Так устраняется повод для любопытства, дабы люди не дерзали допытываться, почему нечто происходит не так быстро, почему в этом веке, а не в другом. Ибо нам подобает довольствоваться тайным советом Божиим, основание которого понятно для Него, хотя и не ясно для нас. В итоге, апостол хочет сказать, что смерть Христова была своевременной. Ведь именно с этой целью послал Его в мир Бог Отец, законно управляющий и всеми вещами и самими временами, коль скоро их череду обустривает Его наивысшая, хоть и сокрытая от нас премудрость. Кроме того, эта полнота противопоставляется предыдущему несовершенству времен. Ибо Бог для того держал древний народ в состоянии ожидания, чтобы тот мог легко заключить: еще не настала пора

законченности и совершенства. Посему в 1Кор.10:11 Павел и говорит, что конец веков выпал на нашу долю. Этим он хочет сказать, что Царство Христово дало всем вещам полное завершение. Если же полнота времен наступила тогда, когда Христос явился для умиловивления грехов, Его ужасно оскорбляют те, кто хочет обновить совершенную жертву, будто смерть Христова не усовершила собою все. Итак, Христос явился однажды, поскольку, если бы это повторилось дважды или трижды, у первой жертвы имелся бы какой-то недостаток, противоречащий полноте времен.

Для уничтожения греха. Это согласуется с пророчеством Даниила (9:14), в котором обещается запечатление и упразднение беззаконий, а затем указывается на конец жертв. Ибо, зачем еще жертвы, если преступления уничтожены? Далее, уничтожение состоит в том, что грехи уже не вменяются тем, кто прибеж к Христовой жертве. Хотя нам ежедневно надо испрашивать о прощении, коль скоро мы каждый день провоцируем божественный гнев, все же, поскольку с Богом мы примиряемся лишь через залог единственной Христовой смерти, справедливо говорится об уничтожении через нее греха.

27) *И как человекам.* Смысл таков: поскольку со дня смерти человека мы терпеливо ожидаем судный день, ибо это – общий закон природы, против которого не подобает восставать, почему бы нам не менее терпеливо ожидать второго Христова пришествия: ведь, если для людского мнения большой промежуток времени ничем не умаляет надежду на блаженное воскресение, сколь абсурдно было бы меньшую честь воздавать Христу? Но мы воздаем Ему меньшую честь, если призываем ко второй смерти, хотя Он уже навечно умер в первой. Если же кто возразит, что некоторые люди умирали дважды, как Лазарь и ему подобные, ответ готов: апостол рассуждает здесь об обычном состоянии людей, не учитывая, что от этого закона свободны те, кого избавит от тления неожиданная перемена. Ведь он имеет в виду только тех, кто, пребывая во прахе, долго ожидает искупления своих тел.

Во второй раз явится. Апостол настаивает на одном: мы не должны беспокоиться пустыми желаниями новых ложных умиловивлений, поскольку нам более чем достаточно единственной смерти Христовой. Посему он говорит, что Христос однажды явился с жертвою для очищения грехов, а во втором пришествии ясно покажет действенность Своей смерти. Ибо грех больше не будет иметь силу вредить. Поднимать грехи – это посредством принесения удовлетворения избавлять от вины согрешивших.

Под многими апостол имеет в виду всех, как и в Рим.5:15. Несомненно, что не все получают пользу от Христовой смерти, но это происходит потому, что им мешает собственное неверие. Хотя здесь не уместно было бы поднимать этот вопрос. Ведь апостол говорит не о том, сколь немногим, или, сколь многим помогает Христова смерть, но просто хочет сказать, что умер Христос не за Себя, а за других. Итак, многих он противопоставляет одному.

Но что значат слова о том, что Христос повторно придет без греха? Некоторые толкуют грех как умиловивление или умиловивительную жертву, как в Рим.8:3 и 2Кор.5:21, и во многих местах у Моисея. Но (на мой взгляд) апостол хотел сказать нечто более выразительное. А именно: Христос, придя, покажет, сколь истинно Он изгладил грехи, так что уже не будет нужды умиловивлять Бога новой жертвой. Он как бы говорит: когда мы придем на судилище Христова, то поймем, что в Его смерти нет ничего недостающего. Сюда же относится и следующая фраза: *во спасение Его ожидающих*. Другие связывают слова иначе: ожидающих Его во спасение. Но первый смысл подходит больше. Апостол хочет сказать: те, кто спокойно уповает на Христа, почувствуют от Его смерти полное спасение. Ведь ожидание относится к настоящему времени. И Писание приписывает его всем верующим (1Фес.1:10). Они ожидают пришествие Господне, дабы Тот отделил их от нечестивых, для которых упоминание о Нем страшно. Но поскольку теперь апостол призывает нас уповать на единственную Христову жертву, он зовет ожиданием Христа то состояние, когда мы, довольствуясь единственным искуплением, уже не ищем новые вспомоществования.

Глава 10

1. Закон, имея тень будущих благ, а не самый образ вещей, одними и теми же жертвами, каждый год постоянно приносимыми, никогда не может сделать совершенными приходящих с ними. 2. Иначе перестали бы приносить их, потому что приносящие жертву, бывши очищены однажды, не имели бы уже никакого сознания грехов. 3. Но жертвами každогодно напминается о грехах, 4. ибо невозможно, чтобы кровь тельцов и козлов уничтожала грехи.

(1. Закон, имея тень будущих благ, а не самый живой образ вещей, одними и теми же жертвами, каждый год постоянно приносимыми, никогда не может сделать совершенными приходящих с ними. 2. Иначе перестали бы приносить их, потому что приносящие жертву, быв очищены однажды, не имели бы уже никакого сознания грехов. 3. Но жертвами každогодно напминается о грехах, 4. ибо невозможно, чтобы кровь тельцов уничтожала грехи.)

1) *Закон, имея тень.* Апостол заимствует подобие от изобразительного искусства. Ведь тень понимается здесь иначе, нежели в Кол.2:17, где апостол называет таким образом древние обряды, поскольку последние не имели внутри себя подлинной сути изображаемых вещей. Теперь же он уподобляет их грубым наброскам, как бы оттеняющим живое изображение. Ибо художники, прежде чем нанести кистью живые

краски, обычно углем набрасывают то, что намереваются изобразить. Это начальное изображение по-гречески зовется *σκιὰ γραφία*, а по латыни можно сказать: оттенение. Подобно тому, как *εἰκὼν* для греков – это ярко выраженный образ. Откуда изображения, живо представляющие либо человека, либо животное или пейзаж, даже у латинян зовутся иконами. Итак, между законом и Евангелием апостол проводит следующее различие: в законе лишь набросками и грубыми линиями было оттенено то, что сегодня изображается ярко и живыми красками. Так он еще раз подтверждает сказанное прежде: закон не бездеятелен, и обряды его не напрасны. Хотя там и не было образа небесных вещей, не было (как говорится) последнего решающего взмаха кисти живописца, для отцов это, пусть и слабое, изображение приносило немалую пользу, несмотря на то, что наше положение много лучше по сравнению с ними. И следует отметить: им, хоть и менее отчетливо, показывались те же самые вещи, которые явлены сегодня и нам. Итак, и для нас, и для них один и тот же Христос, одна и та же праведность, освящение и спасение. Различие кроется только в способе изображения.

Будущие блага, думаю, означают здесь блага вечные. Признаю, что будущее царство Христово, ныне явное для нас, некогда было возведено. Но слова апостола гласят: мы имеем живой образ будущих благ. Итак, он подразумевает нечто духовное, полное наслаждение которым отложено до воскресения и будущего века. Хотя я снова признаю: эти блага стали открываться с самого начала Христова Царства. Однако сейчас речь идет о том, что блага являются будущими не только относительно ветхого завета, но ожидаются также и нами.

Каждый год постоянно приносимыми. Прежде всего, речь идет о ежегодной жертве, о которой упоминается в Лев.17. Хотя видовое название употребляется здесь для обозначения рода. Апостол рассуждает так: там, где больше нет осознания греха, также нет употребления жертвы. Однако во времена закона те же самые жертвы повторялись регулярно. Значит, ни Богу не приносилось удовлетворение, ни вина не снималась, ни совесть не обретала мира. Иначе цель жертвоприношения была бы достигнута. Далее надо тщательно отметить, что апостол называет теми же самыми жертвы, у которых было похожее основание. Ведь жертвы оценивались скорее по установлению Божию, чем по различию приносимых животных.

Уже одного этого вполне достаточно для опровержения тонкой уловки папистов, с помощью которой, как им кажется, они гениально избегают абсурдность учения о жертвоприношении мессы. Ибо когда им возражают, что повторение жертвы напрасно, если вечна сила единократного Христова приношения, оно тут же говорят, что жертва, совершаемая на мессе, не другая, а та же самая. Таков их ответ. Но что говорит апостол? Он отрицает, что жертва, приносимая повторно, даже если является той же самой, действительна или пригодна для умилоствления. Так что пусть паписты тысячу раз возгласят, что та же самая, а не другая жертва однажды была принесена Христом на кресте и ежедневно совершается сегодня, я всегда буду настаивать, ссылаясь на апостола, на следующем: если приношение Христово способно умилоствовать Бога, то не только положен конец другим жертвам, но и ее саму никак не подобает повторять. Отсюда явствует: приношение Христа во время мессы является святотатством.

3) *Каждогодно напоминается.* Поскольку Евангелие – это посольство нашего примирения с Богом, мы и сегодня должны ежедневно помнить о своих грехах. Однако здесь апостол хочет сказать иное: грехи выставляются напоказ, чтобы снять за них вину посредством имеющейся налицо жертвы. Итак, он имеет в виду не какую угодно память, но несущую с собой такое исповедание вины перед Богом, чтобы для уврачевания ее была необходимость в жертве. Такова папистская жертва мессы. Ибо паписты воображают, будто там нам прилагается благодать Христовой смерти для изглаживания грехов. Если же апостол обоснованно заключает о немощи жертв закона из того, что они повторялись ежегодно для достижения прощения, на том же самом основании следует заключить: жертва смерти Христовой была немощной, если ежедневно надо совершать нечто для приложения нам ее силы. Итак, какими бы выдумками паписты ни приукрашивали свою мессу, они никогда не смогут избежать обвинения в ужасной хуле на Иисуса Христа.

4) *Ибо невозможно.* Апостол подтверждает предыдущее положение тем же самым доводом, который приводил раньше: кровь животных не очищает людские души. Иудеи имели в ней символ и залог истинного очищения, но в другом отношении. А именно: постольку, поскольку кровь тельца обозначала кровь Христову. Здесь же апостол рассуждает о том, чего стоит кровь животных сама по себе. Посему он заслуженно отказывает ей в силе очищения. Здесь также присутствует скрытый антитезис. Апостол как бы говорит: не удивительно, что древние жертвы оказались немощными и их надлежало приносить постоянно. Ведь в них не было ничего, кроме крови животных, не проникающей до человеческой души. Но совсем другая сила у Христовой крови. Итак, не подобает измерять совершенное Христом приношение силой предыдущих жертв.

5. *Посему Христос, входя в мир, говорит: «жертвы и приношения Ты не восхотел, но тело уготовал Мне. 6. Всесожжения и жертвы за грех негодны Тебе. 7. Тогда Я сказал: вот, иду, как в начале книги написано о Мне, исполнить волю Твою, Боже». 8. Сказав прежде, что ни жертвы, ни приношения, ни всесожжений, ни жертвы за грех, – которые приносятся по закону, – Ты не восхотел и не благоизволил, 9. потом прибавил: «вот, иду исполнить волю Твою, Боже». Отменяет первое, чтобы постановить второе. 10. По сей-то воле освящены мы единократным принесением тела Иисуса Христа.*

(5. Посему, входя в мир, говорит: «жертвы и приношения Ты не восхотел, но тело уготовал Мне. 6. Всесожжения и жертвы за грех неугодны Тебе. 7. Тогда Я сказал: вот, иду, как в начале книги написано о Мне, исполнить волю Твою, Боже». 8. Сказав прежде, что ни жертвы, ни приношения, ни всесожжений, ни жертвы за грех, – которые приносятся по закону, – Ты не восхотел и не благоизволил, 9. потом прибавил: «вот, иду исполнить волю Твою, Боже». Отменяет первое, чтобы постановить второе. 10. По сей-то воле освящены мы единократным принесением тела Иисуса Христа.)

5) *Посему, входя в мир.* Это вхождение Христа в мир было Его появлением во плоти. Поскольку Он облекся в человеческую природу, дабы предстать искупителем мира и явиться людям, говорится, что тогда Он и пришел в мир, как и в другом месте, сказано о Его схождении с небес. Однако Псалом тридцать девятый, который цитирует апостол, кажется, насильно притянут им ко Христу. Ведь Его лицу никак не подобает сказанное: беззакония мои охватили меня. Разве что в том смысле, что Христос добровольно принял на Себя пороки членов Собственного Тела. Несомненно, что все сказанное непосредственно подходит личности Давида. Однако, поскольку было отмечено, что Давид есть образ Христа, нет ничего глупого, если на Христа переносится то, что о себе проповедует Давид. Особенно там, где, как и в этом месте, упоминается об упразднении жертвоприношений закона. Хотя не все соглашались с тем, что слова несут именно такой смысл. Думают, что здесь жертвы не отвергаются напрочь, но опровергается суеверное царящее в народе мнение. Ибо народ помещал в жертвах весь божественный культ. Если же это так, данное свидетельство мало значит для настоящей темы. Посему полезно тщательнее рассмотреть этот отрывок, чтобы понять, уместно ли апостол его процитировал.

У пророков повсеместно встречаются положения о том, что жертвы не нравятся Богу, что Он их не требует, что жертвы ничего не стоят, и даже отвратительны в глазах Бога. Но там говорится не о пороке жертв, происходящем от их природы, а о привходящем недостатке. Ведь лицемеры в иных случаях, ожесточенные в своем нечестии, хотели бы умиловить Бога жертвами. Посему их надлежало таким образом обличить. Значит, пророки отвергают жертвы не постольку, поскольку они установлены Богом, но постольку, поскольку опорочены и обмирщены преступными людьми из-за их нечистой совести. Здесь же речь идет о другом. Здесь Бог осуждает не жертвы, принесенные в лицемерии или как-то неправильно из-за людской порочности и злобы, но отрицает, что жертвы требуются от благочестивых и искренних почитателей Бога. Ибо о себе говорит тот, кто прежде сам приносил эти жертвы с чистым сердцем. Однако же, по его словам, они не угодны Богу. Если же кто возразит, что жертвы понимаются здесь не сами по себе, не в собственном достоинстве, но как относящиеся к другой цели, я снова повторю: в данном случае неуместно вести об этом речь. Ибо людей призывают к духовному культу тогда, когда они приписывают внешним обрядам больше положенного. И Святой Дух говорит, что обряды – ничто в глазах Бога, если они превносятся сверх меры по людскому заблуждению.

Несомненно, что Давид, будучи подчинен закону, не должен был пренебрегать обычаем жертвоприношения. Признаю, что он должен был почитать Бога внутренним сердечным чувством. Но ему не подобало упускать и заповеданные Богом действия. Значит, и Давид, и другие были связаны общей заповедью приносить жертвы. Так мы заключаем, что Давид, сказав о нежелании Богом жертвы, превзошел собственную эпоху. Даже во времена Давида отчасти правильным было, что Бог не смотрит на жертвоприношения. Но поскольку все еще находились под детоводительством закона, Давид не мог правильно почитать Бога, не соблюдая предписанную им форму поклонения. Значит, необходимо было наступить Христову Царству, дабы фраза: Бог не хочет, – стала истинной полностью.

Подобное место имеется и в Пс.15:10: не дашь святому твоему увидеть тление. Ведь если Бог до какой-то степени и избавил Давида от тления, полностью сказанное исполнилось только в Иисусе Христе. Весьма многозначительно, что Давид, исповедуя, что исполнит волю Господа, не отводит никакого места жертвоприношениям. Отсюда мы заключаем: жертвы находятся вне того послушания, которое надо выказывать Богу. А это истинно только при отмене закона. Я не отрицаю, что Давид, как в этом месте, так и в Пс.50:18, умаляет внешние жертвы так, чтобы предпочесть им главное. Однако нет сомнения, что в обоих случаях он взирает на Царство Христово. Посему апостол по праву выводит, что в этом псалме говорящим представляется Сам Христос. Ведь среди божественных заповедей не последнее место занимали жертвы, которые Бог столь сурово требовал во времена закона.

Тело уготовал Мне. Слова Давида звучат иначе: продырявил мне ухо. Некоторые думают, что это выражение заимствовано от древнего законнического обряда. Ведь если кто-то, презрев юбилейное отпущение рабов на свободу, хотел навеки остаться в рабстве, ему продырявливали шилом ухо. Они видят в сказанном следующий смысл: Господи, я – Твой раб навеки Тебе преданный. Однако я понимаю сказанное по-другому: в смысле сделать человека обучаемым и послушным. Ибо мы глухи, доколе Бог не отверит нам слух, то есть, не устранил присущее нам упорство. Хотя здесь присутствует скрытый антитезис между грубым народом (для которого жертвы были лишь зрелищем без всякой силы) и Давидом, которому Бог тонко указывал на духовное и законное употребление жертв. Апостол же говорит, следуя греческому переводу: уготовал Мне тело. Ибо апостолы не были настолько щепетильны в цитировании и следили лишь за тем, чтобы не злоупотребить Писанием для своей пользы. Всегда надо обращать внимание, для какой

цели они приносят в жертву точность цитат. В отношении общего смысла апостолы прилежно остерегаются исказить содержание Писания, но в отношении слов и всего прочего, не служащего их настоящему намерению, они дают себе больше свободы.

7) *В начале книги.* Еврейское слово в собственном смысле обозначает свиток. Мы знаем, что в древности книги сворачивали, придавая им цилиндрическую форму. Далее, вовсе не глупо понимать под книгою закон, предписывающий всем детям Божиим правило святой жизни. Хотя на мой взгляд больше подходит другое объяснение: Давид говорит, что находится среди тех, кто выказывает повиновение Богу. Закон приказывает всем нам слушаться Бога. И Давид хочет сказать, что входит в число тех, кто призван быть Ему послушным. Затем он свидетельствует о повиновении этому призванию, говоря: я восхотел, – что в особенности подходит личности Христа. Ведь как бы ни воздыхали святые по праведности Божией, один лишь Христос способен правильно исполнить божественную волю. Но данный отрывок должен побуждать к послушанию и всех нас. Ибо Христос для того является примером совершенного послушания, чтобы все принадлежащие Ему люди усиленно стремились Ему же подражать. Дабы соответствовали они призванию Божию, и вся их жизнь удостоверять возглас: вот, иду. Сюда же относится и последующая фраза: в книге написано, чтобы мы исполняли волю Божию. Подобно тому, как в другом месте сказано: цель нашего избрания в том, чтобы быть перед Ним святыми и непорочными (Кол.1:22).

9) *Отменяет первое.* Вот – почему и зачем цитируется это место. А именно, чтобы мы знали: полная и надежная праведность в Царстве Христовом не нуждается в законнических жертвах. Ведь воля Божия в отношении правила совершенства установлена после их упразднения. Отсюда следует: от Христова священства надобно удалить животные жертвоприношения, поскольку у него нет с ними ничего общего. Ибо причина отвержения жертв была не в их приводящем пороке. Действительно, речь здесь обращается не к лицемерам. И Давид упрекает не в суеверии и порочном культе, но отрицает, что от благочестиво и правильно воспитанного человека требуются обычные жертвы, утверждая, что он и помимо них совершенно послушен Богу.

10) *По сей-то воле.* Приспособив свидетельство Давида к собственной цели, апостол, пользуясь случаем, переиначивает на свой лад определенные слова, причем, больше ради украшения, чем истолкования. Давид, не столько в своем лице, сколько от имени Христа, исповедует, что готов исполнить божественную волю. Это относится ко всем членам тела Христова, ибо Павел, высказал общее учение, говоря (1Фес.4:3): такова воля Христова – освящение ваше, дабы каждый воздерживался от нечистоты. Но поскольку во Христе имелся более яркий по сравнению с прочими пример послушания, ибо Он пошел на крестную смерть, и именно по этой причине облекся в образ раба, апостол и говорит, что Христос, принеся Себя, исполнил заповедь Отца и таким образом освятит нас всех. Добавляя же: *принесением тела*, – апостол намекает на ту часть псалма, где, по крайней мере, в греческом тексте сказано: тело уготовал Мне. Таким образом, он хочет сказать, что Христос в Самом Себе нашел то, чем мог бы угодить Богу, и совершенно не нуждался во внешних вспомоществованиях. Ведь если бы левитский священник тоже имел бы уготованное тело, жертвы животных оказались бы излишними. Христос же один достаточен и Сам по Себе пригоден к предьявлению всего, что только требует Бог.

11. И всякий священник ежедневно стоит в служении, и многократно приносит одни и те же жертвы, которые никогда не могут истребить грехов. 12. Он же, принесши одну жертву за грехи, навсегда воссел одесную Бога, 13. ожидая затем, доколе враги Его будут положены в подножие ног Его. 14. Ибо Он одним приношением навсегда сделал совершенными освящаемых. 15. О сем свидетельствует нам и Дух Святой; ибо сказано: 16. «Вот завет, который завещаю им после тех дней, говорит Господь: вложу законы Мои в сердца их, и в мыслях их напишу их, 17. и грехов их и беззаконий их не воспомяну более». 18. А где прощение грехов, там не нужно приношение за них.

(11. И всякий священник ежедневно стоит в служении, и многократно приносит одни и те же жертвы, которые никогда не могут истребить грехов. 12. Он же, принеся одну жертву за грехи, навсегда воссел одесную Бога, 13. ожидая остальное, доколе враги Его будут положены в подножие ног Его. 14. Ибо Он одним приношением навсегда освятит тех, кто освящается. 15. Свидетельствует же нам и Дух Святой; ибо ранее предсказал: 16. «Вот завет, который завещаю им после тех дней, говорит Господь: вложу законы Мои в сердца их, и в мыслях их напишу их, 17. и грехов их и беззаконий их не воспомяну более». 18. А где прощение всего этого, там не нужно больше приношение за грех.)

11) *И всякий священник.* Вывод, сделанный из всего рассуждения: священству Христову чужд обычай ежедневного приношения. Посему после Его пришествия утратили полномочия левитские священники, причина поставления которых заключалась в ежедневных приношениях. Такова природа взаимно исключających друг друга вещей: при поставлении одного уничтожается другое. До сих пор апостол усердно старался утвердить священство Христово, значит, древнему священству, которое не соответствует новому, остается лишь исчезнуть. Ибо все святые обрели полное освящение в единственном приношении Христовом. Хотя слово *τετελείωκε*, переведенное мною «освятит», можно перевести и «усовершеншил». Но мне больше нравится первый перевод, поскольку сейчас речь идет о жертве. Говоря же: *тех, кто освящается*, – апостол имеет в виду всех детей Божиих и увещевает, что напрасно просить благодать освящения откуда-то

еще. Но чтобы люди не воображали, будто Христос сидит на небесах праздным, апостол снова повторяет: *Он сидит одесную Отца*. Этим выражением (как видно из другого места) означаются власть и могущество. Посему не надо бояться, что Тот, кто живет для того, чтобы силой Своей наполнить небо и землю, позволит Своей смерти утратить действенность и оставаться бесплодной. Затем апостол поучает из слов псалма, сколь долго должно длиться это состояние. А именно: доколе Христос не повергнет всех Своих врагов. Значит, если вера наша ищет Христа одесную Бога, и спокойно уповает на это Его восседание, мы в конце концов обретем плод Его победы, когда в единстве с нашим Главой, ниспровергнув врагов, сатану, грех, смерть и весь мир, восторжествуем, совлекишись плотского тления.

15) *Свидетельствует Дух*. Апостол не без причины, не излишне повторно приводит свидетельство Иеремии. Прежде он цитировал его для другой цели. Он хотел показать, что ветхий завет подлежал упразднению, поскольку был обещан новый, причем для исправления немощи прежнего. Теперь же цель его иная. Апостол настаивает на следующей фразе: *беззаконий их не воспоминаю*. Из нее он выводит, что после упразднения грехов нет больше употребления жертвам. Вывод этот может показаться малообоснованным. Ведь некогда в законе и пророках имелись бесчисленные обетования об отпущении грехов. Однако церковь не переставала приносить за них жертвы. Посему отпущение грехов не исключает жертвоприношения. Однако если тщательно обдумать отдельные положения, то можно заключить, что отцы во времена закона имели те же обетования об отпущении грехов, которые имеем сегодня и мы. Упоывая на них, они призывали Бога и хвалились полученным от Него отпущением. Однако пророк, словно нечто новое и неслыханное, обещает, что при новом завете Бог больше не будет вспоминать о грехах. Отсюда заключаем: тогда грехи отпускались иначе, нежели теперь. И разница эта содержится не в слове, не в вере, а в самой цене отпущения. Значит теперь Бог не воспоминает грехи именно потому, что однажды все они были изглажены. Иначе напрасно говорил бы пророк о том, что благодеяние нового завета состоит в забвении Богом всех грехов.

Далее, когда мы подошли к концу всего рассуждения о священстве Христовом, следует коротко уведомить читателей о том, что сказанное не больше упраздняет жертвоприношения закона, чем опровергает папистское измышление о жертвоприношении мессы. Паписты утверждают, что их месса – это жертва, отпускающая грехи мертвых и живых. Но апостол отрицает, что с момента исполнения пророчества Иеремии остается место для жертвы. Паписты увертываются и говорят, что месса не другая, а та же самая жертва, которую принес Христос. Но апостол, напротив, настаивает на том, что то же самое не следует повторять многократно. Он возвещает не только то, что жертва Христова одна, но и то, что совершилась она единожды. Добавь к этому, что апостол часто отстаивает за одним Христом священническую честь, заявляя, что никто кроме Христа не пригоден к приношению Его же Самого. Паписты прибегают и к другой уловке, называя жертву мессы *ἀναίματον*. Однако апостол без исключения утверждает, что для принесения жертвы нужна смерть. Паписты снова увертываются, возражая, что месса – это приложение единственной жертвы, совершенной Христом. Но апостол, напротив, учит: смерть Христова потому упразднила жертвы закона, что ими совершалось воспоминание грехов. Отсюда явствует: тот род приложения, который воображают себе паписты, теперь прекратился и не имеет места.

Наконец, паписты, к каким бы уловкам ни прибегали, никогда не смогут устранить ту ясность, с которой настоящее рассуждение апостола показывает, какими богохульствами кишит их месса. Во-первых, по свидетельству апостола: один лишь Христос пригоден к принесению Самого Себя. На мессе же Он приносится руками других. Во-вторых, апостол говорит не только о единственной жертве, но и о жертве, единожды совершенной, которую не подобает повторять. На мессе же, как бы ни болтали паписты о том же самом приношении, все же, по их собственному признанию, жертва совершается ежедневно. Апостол не признает никакой жертвы без крови и смерти, паписты же напрасно твердят, что жертва, приносимая ими, бескровна. Апостол, ведя речь о выпрашивании отпущения грехов, велит нам прибегать к единой жертве, совершенной на кресте Христом, отличая нас отцов тем, что обряд постоянного жертвоприношения упразднился с пришествием Христа. Паписты же, дабы смерть Христова стала для нас недейственной, требуют ежедневного ее приложения через жертву мессы, ничем не отличая христиан от иудеев кроме внешнего символа.

19. Итак, братия, имея дерзновение входить во святилище посредством Крови Иисуса Христа, путем новым и живым, 20. который Он вновь открыл нам чрез завесу, то есть, плоть Свою, 21. и имея великого Священника над домом Божиим, 22. да приступаем с искренним сердцем, с полною верою, кроплением очистив сердца от порочной совести, и омыв тело водою чистою, 23. будем держаться исповедания упования неуклонно, ибо верен Обещавший;

(19. Итак, братия, имея упование входить во святилище посредством Крови Иисуса, путем новым и живым, 20. который Он вновь открыл нам чрез завесу, то есть, плоть Свою, 21. и великого Священника над домом Божиим, 22. да приступаем с искренним сердцем, с убежденностью веры, кроплением очищенные в сердцах от порочной совести, и омытые в теле водою чистою, 23. будем держаться исповедания упования неуклонного, ибо верен Обещавший;)

19) *Итак, братия, имея.* Апостол подводит эпилог или итог предыдущего учения, к которому своевременно добавляет весомое увещание и суровую угрозу тем, кто отвергает благодать Христову. Итог таков: все обряды, открывавшие во времена закона доступ в святилище Божие, во Христе обрели твердую истину. Так что тем, кто имеет Христа, излишне и бесполезно их использование. И чтобы лучше это пояснить, апостол аллегорически описывает доступ во святилище, который открыл нам Иисус Христос. Небо он сравнивает с ветхим святилищем, а то, что духовно исполнилось во Христе, излагает иносказательным образом. Аллегии порой скорее затемняют, нежели проясняют означаемую вещь. Однако то, что апостол переносит на Христа образы ветхого закона, доставляет нам немало удобства и ясности. Он делает это, чтобы мы признали: сейчас воистину исполнено то, что оттенялось в законе. И как почти в каждом слове апостола содержится особый смысл, так и мы будем помнить про антитезис: истина, наблюдаемая во Христе, упраздняет ветхие образы. Во-первых, апостол говорит, что мы *имеем упование входить во святилище*. Это право никогда не давалось отцам во времена закона. Ибо вход во святилище воспрещался всем кроме священника, носившего на плечах имени двенадцати колен и на груди столько же камней для их памятования. Теперь же ситуация совсем иная. Не только символически, но и на самом деле благодетельное Христово открыло нам вход на небеса. Ибо Христос сделал нас царственным священством.

Апостол говорит: *посредством крови Иисуса*, поскольку для торжественного входа первосвященника дверь святилища открывалась только после окропления кровью. Но затем апостол указывает на различие между этой кровью и кровью животных. Ведь кровь животных, тут же загнивая, не могла долго удерживать свою силу. Кровь же Христова не портится никаким гниением, но всегда чиста и действительна для нас вплоть до конца света. Ничего удивительного в том, что закланные жертвы, будучи мертвыми, не обладают способностью животворить. Но Христос, воскресший из мертвых для нашего оживотворения, изливает в нас Собственную жизнь. Таково вечное освящение нашего пути. Оно в том, что кровь Христова всегда неким образом каплет перед лицом Отца, орошая небо и землю.

20) *Через завесу.* Как завеса закрывала тайны святилища, и однако же открывала туда вход, так и божество, скрывающееся во плоти Христовой, приводит нас на небеса. И Бога найдет лишь тот, для кого человек Христос станет путем и дверью. Так мы познаем, что не следует ни оценивать славу Христову по внешнему виду плоти, ни презирать его плоть, коль скоро она скрывает, подобно завесе, величие Божие. Ведь та же самая плоть приводит нас к наслаждению всеми божественными благами.

21) *И имея великого Священника.* Апостол призывает читателей вспомнить все, что он прежде говорил об отмене ветхого священства. Ведь Христос может быть священником только тогда, когда прежние священники подадут в отставку, поскольку Его чин совсем иной. Итак, он хочет сказать, что все, отмененное Христом во время Его пришествия, подлежит оставлению. Поэтому он ставит Христа во главе всего дома Божия, дабы всякий, желающий вступить в Церковь, покорился Христу, избрав Его, и никого другого, своим вождем и начальником.

22) *Да приступаем с искренним сердцем.* Поскольку в священстве Христовом, по словам апостола, нет ничего кроме духовного и небесного, то что мы приносим Христу с нашей стороны должно, по его мнению, этому соответствовать. Некогда иудеи очищали себя разными окроплениями, дабы подготовиться к почитанию Бога. Не удивительно, что обряды очищения были плотскими. Ведь сам культ Божий, облаченный в тени, еще отдавал неким образом плотью. Смертный священник избирался из грешников для временного совершения священнодействий. Он украшался драгоценными, но мирскими одеяниями, дабы предстать перед Богом. Он подходил к ковчегу завета лишь затем, чтобы освятить вход. В жертву он приносил бессловесное животное, взятое из обычного стада.

Во Христе же все много возвышеннее. Сам Он не только чист и невинен, но и поставляется священником небесным речением, как источник всякой святости и праведности, причем не на краткое время смертной жизни, но навечно. Ради удостоверения Его постановления прилагается клятва. Он выходит вперед в наивысшей степени украшенный всеми дарами Святого Духа. Кровью Своей Он умиляет Бога, примиряя Его с людьми. Он восходит выше небес, дабы являться за нас Посредником перед Богом. Посему и мы в свою очередь должны приносить Ему только подобающее. Ведь между священником и народом следует быть взаимному согласию. Посему да прекратятся внешние омовения плоти со всей этой кучей обрядов. Ведь апостол противопоставляет этим внешним образам искреннее сердце, убежденность веры и очищение от всех пороков. Отсюда мы выводим, сколь сильно мы должны быть подготовлены к тому, чтобы наслаждаться Христовыми благодеяниями. Ибо ко Христу приходят только с целомудренным и правдивым сердцем, твердой верой и чистой совестью.

Далее, искреннее или правдивое сердце противопоставляется притворному и двуличному. В слове *πληροφορίας* апостол обрисовывает природу веры, одновременно увещая нас: благодать Христову могут принять лишь те, кто преподносит Ему твердую и несомненную убежденность. Очищением сердца от злой совести апостол называет или то состояние, когда, получив прощение грехов, мы считаемся чистыми перед Богом, или же то, когда сердце, очищенное от всех дурных чувствований, больше не колет нас жалом плоти. Я охотно принимаю оба толкования.

То же, что следует о теле, омытом чистой водою, многие относят к крещению. Но мне кажется более вероятным, что апостол намекает здесь на обряды ветхого закона. Таким образом, под словом «вода» он понимает Дух Божий, согласно отрывку из Иезекииля (36:25): излию на вас воды чистые, и т.д. Итог таков: мы становимся причастниками Христу, если приходим к Нему, освященные телом и душою. Таково освящение, состоящее не в видимой помпе обрядов, но твердой вере, чистой совести, чистоте тела и души, исходящей и усовершенствующейся в Духе Божиим. Так и Павел во 2Кор.7:1 увещевает верующих очиститься от всякой скверны плоти и духа, поскольку они усыновлены Богом.

23) *Будем держаться исповедания упования.* Поскольку здесь апостол увещевает иудеев к стойкости, он скорее говорит о надежде, нежели о вере. Ведь надежда как рождается от веры, так же до последнего лелеет ее и поддерживает. Кроме того, апостол требует исповедания, поскольку истинна лишь та вера, которая показывает себя перед людьми. Кажется, что апостол косвенно попрекает притворство тех, кто ради угождения своему народу чрезмерно щепетильно соблюдал законнические обряды. Итак, он приказывает им не только верить сердцем, но и на деле показывать и исповедывать, насколько ценен для них Христос.

Следует тщательно отметить указанную им причину: Бог, обещавший это, верен. Отсюда мы, прежде всего, познаем, что вера наша опирается на фундамент божественной верности. Далее, истина эта содержится в обетовании. Ведь, чтобы мы верили, должно предшествовать Божие слово. Причем не любое слово пригодно для порождения веры. Вера успокаивается лишь в обетовании. Значит, из данного отрывка можно вывести взаимосвязь между верой человека и божественным обетованием: если не пообещает Бог, никто не сможет во что-либо уверовать.

24. *Будем внимательны друг ко другу, поощряя к любви и добрым делам; 25. Не будем оставлять собрания своего, как есть у некоторых обычай; но будем увещевать друг друга, и тем более, чем более усматриваете приближение дня оного. 26. Ибо если мы, получив познание истины, произвольно грешим, то не остается более жертвы за грехи, 27. но некоторое страшное ожидание суда и ярость огня, готового пожрать противников.*

(24. Будем смотреть друг за другом взаимно в ревности к любви и добрым делам; 25. Не будем оставлять собрания своего, как есть у некоторых обычай; но будем увещевать друг друга, и тем более, поскольку видите вы приближение дня оного. 26. Ибо нам произвольно грешащим после получения познания истины не остается более жертвы за грехи, 27. но страшное ожидание суда и ярость огня, который пожрет противников.)

24) *Будем внимательны друг ко другу.* Не сомневаюсь в том, что апостол особо адресует увещевание иудеям. Известно, сколь сильным было превозношение этого народа. Поскольку иудеи были потомками Авраама, они хвалились, что одни, исключая всех прочих, усыновлены Господом в завет вечной жизни. Надмеваясь такой прерогативой и презирая все народы по сравнению с собой, они хотели одни числиться в божественном собрании. Больше того, они надменно отстаивали за собой название церкви. Так что апостолам надлежало приложить немало усилий для исправления подобной гордыни. На мой взгляд, именно этим и занят сейчас автор послания, дабы иудеи не относились болезненно к соединению с язычниками, и к тому, что образуют с ними одно церковное тело.

Во-первых, апостол говорит: будем взаимно смотреть друг за другом. Ибо Бог собирал тогда Церковь из иудеев и язычников, между которыми всегда имелось большое разногласие. Так что подобное сообщество являлось как бы соединением воды и огня. Посему иудеи и противились, что думали, будто им недостойно уравниваться с язычниками. И апостол этому подстегивавшему иудеев мотиву ложного рвения противопоставляет другой, а именно: мотив любви. Ведь используемое им слово *παροξυσμός* означает жаркий спор. Значит, дабы иудеи, воспламененные завистью, не кидались в бой, апостол увещевает их к благочестивой ревности. А именно: к тому, чтобы они взаимно побуждали друг друга к любви.

Такое толкование подтверждается следующей за тем фразой: *не будем оставлять собрания.* Следует отметить строение греческого слова. Ведь *ἐπι* означает добавление. Поэтому *ἐπισυναγωγή* значит то же, что и собрание, увеличенное новыми добавлениями. Тогда после разрушение преграды Бог присоединял к числу детей Своих тех, кто ранее был чужд церкви. Таким образом, язычники представляли собой новый и необычный церковный прирост. Именно это иудеи и считали для себя оскорбительным. Так что многие из них уходили из Церкви, думая, что подобное смешение с язычниками дает им справедливый для этого предлог. Поэтому их нелегко было привести назад, заставив отказаться от собственных мнимых прав. Далее, иудеи думали, будто право усыновления особо и исключительно принадлежит им. Так что апостол увещевает их, чтобы равенство с язычниками не подвигло их покинуть Церковь. И дабы увещевания его не показались напрасными, упоминает, что этот порок свойствен весьма многим.

Теперь мы видим намерение апостола, и то, какая необходимость подтолкнула его на это увещевание. Но отсюда нам следует вывести общее учение. Ибо в роде человеческом повсеместно встречается болезнь, состоящая в том, что кто-то превозносится над другими. И те, которые кажутся себе в чем-то превосходящими других, особенно болезненно переносят уравнивание с низшими. Затем почти во всех имеется такая неуживчивость, что если бы было позволено, каждый для себя охотно создал бы собственную

церковь, поскольку трудно приспособляться к нравам других. Богатые завидуют друг другу. Из ста богатых едва ли найдется один, кто захотел бы быть или называться братом нищих. Если бы нас не привлекали схожесть нравов и другие выгоды и удобства, нам было бы весьма трудно хранить между собой постоянно согласие. Посему нам всем более чем необходимо это увещание, дабы мы, больше побуждаясь к любви, нежели к зависти, не отделялись от тех, кого соединил с нами Бог, но с братским благоволением обнимали всех, имеющих общую с нами веру. Действительно, нам тем усерднее надо стремиться к единству, чем яростнее пытается сатана любым способом оторвать или увести нас от Церкви. И единство сохранится тогда, когда никто не будет угождать себе сверх положенного, но все мы будем иметь одно намерение: поощрять друг друга к любви и ревновать друг друга только к добрым делам. Ибо презрение к братьям, ворчливость, зависть, неумеренная самооценка и прочие дурные привычки несомненно свидетельствуют о том, что среди нас охладела или совсем исчезла любовь.

Говоря же: *не будем оставлять собрания*, апостол добавляет: *но будем увещевать*. Этим он хочет сказать, что все благочестивые должны любыми возможными способами стараться привести церковь к единству. Ведь Господь призывает нас с тем условием, чтобы затем каждый из нас старался привести других, вернуть заблуждающихся на правильный путь, протягивать руку падшим, приобретать чужих. Если же мы должны столько трудиться ради тех, кто еще чужд стада Христова, то сколь большее усердие требуется проявлять при увещании братьев, которых Бог уже соединил с церковью?

25) *Как есть у некоторых*. Отсюда явствует: первое начало всякой схизмы состоит в том, что гордые люди больше дозволенного угождают себе, презирая остальных. Но, слыша, что уже в апостольские времена существовали превратные люди, отделившиеся от Церкви, мы меньше должны тревожиться и смущаться, видя примеры таких же отпадений, наблюдаемые и сегодня. Весьма тяжкий соблазн, когда люди, ранее выказывавшие признаки благочестия, исповедовавшие одинаковую с нами веру, отходят от живого Бога. Но поскольку в этом случае не происходит ничего нового, нам следует меньше об этом тревожиться. Далее, апостол вставил эту фразу, чтобы показать, что говорит не без причины, но хочет уврачевать уже свирепствующую болезнь.

Тем более. Некоторые думают, что это место соответствует фразе Павла (Рим.13:11): настал час пробудиться от сна. Ибо ныне ближе к нам спасение, нежели когда мы уверовали. Я же считаю, что здесь скорее упоминается последнее пришествие Иисуса Христа, ожидание которого должно максимально побудить нас и к размышлениям о святости нашей жизни, и к пылкому стремлению по собиранию воедино церкви. Ибо зачем еще придет Христос, если не для того, чтобы собрать воедино нас всех из того рассеяния, в котором ныне мы находимся? Посему, чем ближе Его приход, тем больше надо трудиться для того, чтобы находящиеся в рассеянии сошлись и объединились, так чтобы было одно стадо и один Пастырь.

Если же кто спросит, как же апостол говорит, что люди, жившие еще задолго до второго пришествия Христова, видели приближение и даже наступление этого дня, отвечаю: с самого начала Царства Христова Церковь была устроена так, что верующие должны были видеть во Христе как бы скоро грядущего Судию. И они не обманывались ложным представлением, будучи готовы встретить Христа в любой момент своей жизни. Ибо со времени провозглашения Евангелия положение Церкви было таким, что все то время собственно и истинно называлось последним. Посему те, кто умер уже много лет назад, жили в эти новейшие дни не меньше, чем живем в них мы. Лукавые и насмешливые люди высмеивают в этом отношении нашу простоту. Для них басня все, во что мы верим касательно воскресения плоти и последнего суда. Но, дабы они не ослабили нашу веру своими насмешками, Дух Святой, напротив, увещевает нас, во-первых, о том, что тысяча лет пред Богом как один день, так что всякий раз как мы думаем о вечности Царства Небесного, никакое время не должно казаться нам слишком долгим. А во-вторых, о том, что с того времени, как Христос, усовершенствовав дело нашего спасения, взшел на небеса, нам подобает пребывать в постоянном ожидании Его второго пришествия, считая как бы последним каждый день нашей жизни.

26) *Ибо если ... произвольно*. Апостол показывает, сколь суровое божественное мщение ожидает тех, кто отходит от благодати Христовой. Ведь лишенные единственного спасения, они уже как бы пожраны вечной погибелью. Новат со своей сектой некогда вооружался этим свидетельством, чтобы лишить надежды на прощение всех без исключения павших после крещения. И те, кто не мог опровергнуть его клевету, предпочитали отказывать в доверии данному посланию, нежели соглашаться с подобным абсурдом. Однако правильное толкование этого места, пусть и не подкрепленное иным свидетельством, достаточно само по себе для опровержения бесстыдства Новата.

Согрешающими апостол называет не тех, кто грешит любым родом проступков, но тех, кто полностью отчуждает себя от Христовой Церкви. Ибо он рассуждает здесь не о том или ином роде грехов, а особо обличает тех, кто добровольно уходит из церковного сообщества. Далее, имеется большое различие между частными падениями и полным отпадением, из-за которого мы полностью отходим от благодати Христовой. Поскольку это может произойти лишь с тем, кто уже был просвещен, апостол говорит о людях, добровольно грешащих после познания истины, имея в виду тех, кто сознательно и охотно отверг уже принятую благодать. Теперь мы видим, сколь отличается это учение от заблуждения Новата.

То же, что апостол имеет в виду одних отступников, явствует из контекста. Ибо он ведет речь о том, чтобы люди, единожды войдя в церковь, больше не покидали ее, как есть обычай у некоторых. Теперь он возвещает, что для таких уже не остается никакой жертвы, ибо они грешат добровольно после познания истины. Однако Христос ежедневно предлагает Себя грешникам, согрешающим каким-либо определенным видом грехов. Так что для изглаживания их проступков не следует искать другую жертву. Значит, апостол отрицает, что отрекающимся от смерти Христовой остается какая-либо жертва. И это происходит вследствие не какого угодно проступка, а лишь при полном отвержении веры.

И хотя подобная суровость Божия устрашающа и проповедуется для того, чтобы внушить страх, ее никак нельзя назвать жестокостью. Ибо смерть Христова – единственное средство, избавляющее нас от вечной смерти. И разве те, кто, по мере собственных сил, упраздняет ее силу, не достойны того, чтобы им осталось одно лишь отчаяние? Пребывающих во Христе Бог ежедневно приглашает к примирению. Они ежедневно орошаются Христовой кровью, и грехи их ежедневно изглаживаются вечной Христовой жертвой. Если же вне Христа спасения найти нельзя, не будем удивляться тому, что добровольно Его покинувшие лишаются всякой надежды. Именно на это указывает наречие *ἔτι*, означающее «более». Ведь жертва Христова действительна для благочестивых до самой их смерти, даже если они время от времени грешат. Больше того, она потому и сохраняет всегда свою силу, что они не могут оставаться без греха, доколе живут во плоти. Поэтому апостол имеет в виду только тех, кто, нечестиво отрехшись от Христа, лишает себя благоденствия Его смерти.

Фраза же «после познания истины» вставлена, чтобы подчеркнуть неблагодарность. Ведь те, кто по сознательной злобе гасит в своем сердце воженный Богом свет, не имеют перед Ним никаких предлогов для извинения. Посему, чтобы не понести заслуженной кары презрителей благодати, научимся не только почтительно и с готовностью принимать ее, нам предложенную, но и постоянно пребывать в ее познании.

27) *Но некое страшное ожидание.* Апостол имеет в виду мучение злой совести, ощущаемое нечестивыми, которые не только не вкушают никакой благодати, но и, однажды ее вкусив, знают, что по собственной вине навеки от нее отлучены. Такие с необходимостью не только ощущают уколы и укусы совести, но и ужасно мучаются, терзаясь ее обличениями. Потому они и ропщут на Бога, что не могут выносить Его сурового суда. Они пробуют все, чтобы лишиться себя ощущения гнева Божия. Но напрасно. Ибо, на краткое время сделав им поблажку, Бог тут же вновь призывает их на Свое судилище и мучает теми видами страданий, которых они больше всего страшатся.

Апостол говорит о ярости огня, означая этой фразой яростный напор или (на мой взгляд) пылающее жжение. В слове «огонь» содержится общеупотребительная метафора. Подобно тому, как теперь нечестивых жжет страх перед будущим гневом Божиим, так же их будет опалять и присутствие этого гнева. Мне известно, что софисты утонченно философствуют по поводу этого огня. Но мне нет дела до их измышлений. Ибо ясно: Писание, соединяя огонь с червем (Сир.7:19), пользуется тем же самым способом выражения. Однако никто не сомневается в том, что метафорически червем называется жестокое терзание совести, мучающее нечестивых.

Готового пожрать противников. Огонь будет пожирать так, чтобы губить, но не истреблять, поскольку будет неугасимым. Так апостол научает нас: в числе врагов Христовых числятся все отказавшиеся сохранить данное им место среди верующих. Потому что нет среднего состояния. И те, кто покинул Церковь, неминуемо приходят к сатане.

28. *Если отвергшийся закона Моисеева, при двух или трех свидетелях, без милосердия наказывается смертью, 29. то сколь тяжчайшему, думаете, наказанию повинен будет тот, кто попирает Сына Божия и не почитает за святыню Кровь завета, которою освящен, и Духа благодати оскорбляет? 30. Мы знаем Того, Кто сказал: «у Меня отмщение, Я воздам, говорит Господь». И еще: «Господь будет судить народ Свой». 31. Страшно впасть с руки Бога живого!*

(28. *Если отвергшийся закона Моисеева, при двух или трех свидетелях, без милосердия умирает, 29. то сколь тяжчайшему, думаете, наказанию повинен будет тот, кто попирает Сына Божия и не почитает за святыню Кровь завета, которою освящен, и Духа благодати оскорбляет? 30. Мы знаем Того, Кто сказал: «у Меня отмщение, Я воздам, говорит Господь». И еще: «Господь будет судить народ Свой». 31. Страшно впасть с руки Бога живого!)*

28) *Если отвергшийся.* Доказательство от меньшего к большему. Ведь если смертное преступление – нарушение Моисеева закона, то сколь более тяжкое наказание заслуживает отвержение Евангелия, сопровождающееся столь ужасным святотатством? Это рассуждение в наибольшей степени пригодно к вразумлению иудеев. Столь суровая угроза отступникам от закона не могла показаться им ни новой, ни чрезмерно жесткой. Значит, они должны признать справедливым сколь угодно суровое мщение, коим Бог ограждает сегодня честь своего Евангелия. Впрочем, здесь подтверждается сказанное мною прежде: апостол ведет речь не о частных грехах, а о полном отречении от Христа. Ибо закон карал смертью не любых грешников, а отступников, тех, кто полностью отошел от религии. Апостол имеет в виду приговор, содержащийся во Втор.17:2: если кто нарушит завет Бога твоего, выведи его за ворота и побей камнями.

Хотя закон этот происходил от Бога, и Моисей не был его автором, но лишь служителем, апостол называет его законом Моисея, поскольку он был передан через последнего. И делает это, чтобы еще больше подчеркнуть достоинство Евангелия, преданного через Сына Божия.

При двух или трех. К настоящей теме не имеет отношения особенность Моисеева общественного устройства, состоящая в том, что для обвинения нужны были два или три свидетеля. Однако отсюда мы еще тверже заключаем, какое именно преступление имел в виду апостол. Если бы это не было добавлено, открылась бы дверь для многочисленных ложных предположений. Теперь же не подлежит спору, что речь идет об отступничестве. Между тем, следует отметить справедливость, соблюдаемую почти всеми гражданскими властями, чтобы никто не осуждался без свидетельства хотя бы двух человек.

29) *Кто попирает Сына Божия.* Отступники от закона и отступники от Евангелия схожи в том, что и те, и другие должны погибнуть без всякого милосердия. Однако вид этой гибели различен. Ибо презрителям Христовым апостол грозит не только телесной смертью, но и вечным осуждением. Посему он говорит, что последних ожидает худшая казнь. Он изображает отрекшегося от христианства тремя фразами: отступник попирает Сына Божия, профанирует Его кровь и *оскорбляет Духа благодати*. Попираť же – более тяжкое преступление, чем отвергать. И достоинство Христово много превышает достоинство Моисея. Добавь к этому, что апостол противопоставляет не просто Евангелие закону, но Христа и Святого Духа – Моисею.

Кровь завета. Апостол подчеркивает неблагодарность отступников, сравнивая два вида благодеяний. Весьма преступно профанировать кровь Христову, средство нашего освящения. Но это делают те, кто отходит от веры. Ведь вера наша взирает не на голое учение, но на кровь, узаконившую наше спасение. Посему апостол называет ее кровью завета. Ибо обетования становятся действительными для нас лишь тогда, когда добавляется этот залог. Говоря же о нашем освящении, апостол имеет в виду способ подтверждения завета. Ведь пролитая кровь не принесла бы никакой пользы, если бы не оросила нас через Святой Дух. Отсюда проистекает и прощение грехов, и святость. Одновременно апостол намекает на древний обряд окропления, неспособный произвести истинное освящение, но являющийся его образом или тенью.

Духа благодати. Апостол называет Дух Духом благодати, исходя из Его воздействия, в силу которого мы принимаем предложенную нам во Христе благодать. Ведь именно Дух просвещает наш разум верою, запечатлевает усыновление Божие в наших сердцах, возрождает нас к новой жизни, прививает нас к телу Христову, дабы Он жил в нас, и мы жили в Нем. Посему заслуженно зовется Духом благодати тот Дух, через Которого Христос становится нашим со всеми Своими благами. Значит, оскорблять Того, от Кого мы получаем столькие и столь великие благодеяния, – весьма преступное нечестие. Отсюда вывод: Духа Святого оскорбляют все те, кто сознательно делает напрасной полученную от Него благодать. Так что ничего удивительного в том, что Бог столь сурово карает подобное святотатство. Ничего удивительного, если Он выказывает Себя неумолимым к тем, кто попирает ногами Посредника Христа, единственного Просителя за нас перед Богом. Ничего удивительного, если Бог закрывает путь спасения перед теми, кто отталкивает Духа Святого, единственного вождя на этом пути.

30) *Мы знаем Того, Кто сказал.* Оба отрывка взяты из Втор.23:35. Поскольку Моисей обещает там, что Бог отомстит за нанесенные народу оскорбления, кажется, что апостол неуместно приспособляет отрывок к своей теме. Ведь о чем ведет апостол речь? О том, что нечестие насмехающихся над Богом не останется безнаказанным. Но Павел (Рим.12:19), следуя подлинному смыслу данного отрывка, использует его, однако, для другой цели. Ведь, желая поощрить нас к терпению, он велит нам предоставлять месть Богу, поскольку это – Его прерогатива. Причем, доказывает сказанное свидетельством Моисея. Однако ничто не мешает отнести эти частные положения к общему учению. Хотя замысел Моисея и состоял в утешении верующих, поскольку в этом случае Бог выступал бы в качестве мстителя за их обиды, все же из слов его также можно заключить: наказывать нечестивых – служение, присущее именно Богу. И этим свидетельством не злоупотребит тот, кто докажет из него, что презрение к Богу не останется безнаказанным, поскольку Он – праведный судья, утверждающий за Собой служение мстителя. Хотя апостол мог бы рассуждать здесь от большего к меньшему следующим образом: Бог говорит, что не потерпит безнаказанно вредить своему народу, провозглашая, что непременно за него отомстит. Но если Бог не оставляет неотмщенными обиды, нанесенные людям, разве Он не станет мстить за обиды, нанесенные Ему Самому. Разве Бог столь мало заботится о Собственной славе, что притворится незамечающим, когда ее станут поносить? Но проще и менее натянуто такое толкование: апостол показывает только то, что над Богом невозможно безнаказанно насмехаться, ибо отплачивать нечестивым по заслугам присуще именно Ему.

Будет судить народ Свой. Здесь возникает та же самая или даже большая трудность. Ведь кажется, что смысл Моисея никак не отвечает настоящему намерению апостола. Кажется, что апостол цитирует это место так, будто «судить» значит у Моисея «наказывать». Однако, поскольку Моисей ради истолкования тут же добавляет: ради святых Своих будет милосердным, – отсюда явствует: слово «судить» означает здесь осуществлять обязанности правителя, что в еврейском языке встречается весьма часто. Кажется, что этот смысл мало подходит замыслу апостола. Однако тот, кто все тщательно взвесит, признает, что данное место приведено вполне уместно и подходяще. Ибо Бог не может управлять Своей Церковью, одновременно ее не

очищая и не приводя в порядок то, что подвергается в ней расстройству. Посему правление Его заслуженно внушает страх лицемерам, которым предстоит ответить за присвоение себе места среди благочестивых и вероломное злоупотребление священным божественным именем. Ответить тогда, когда Сам Отец семейства возьмет под опеку сооружение Собственного дома. В этом смысле говорится, что Бог восстает судить Свой народ, когда истинно отделяет благочестивых от лицемеров (Пс.49:1). И в Пс.124:3, где пророк, говоря об истреблении лицемеров (дабы те из-за терпения к ним Бога больше не дерзали хвалиться принадлежностью к Церкви), возвещает мир Израилю после того, как этот суд завершится.

Итак, апостол вполне уместно говорит, что Бог предводительствует Своей Церковью, не упуская ничего, что способствует законному правлению над ней, дабы все научились находиться под Его властью и помнили, что дадут отчет своему судье. Отсюда он выводит: *страшно впасть в руки Бога живого*, – поскольку смертный человек, даже самый разгневанный, не может свирепствовать после смерти, а сила Божия не ограничена столь узкими рамками. Кроме того, мы часто избегаем суда людей, но не сможем избежать суда Божия. Посему всякий, думающий о том, что имеет дело с Богом, с необходимостью (если он не совершенно глуп) будет трепетать и бояться. Больше того, предвкушение Бога неизбежно поглотит всего человека, так что с ним не сравнятся никакие страдания и мучения. Наконец, всякий раз как наша плоть доставляет нам наслаждение, и мы каким-либо образом потакаем себе в грехах, нам должно быть достаточно и того увещевания, что страшно впасть в руки живого Бога, гнев Которого сопровождается столькими жуткими карами вечной смерти.

Но кажется, что сказанному противоречит фраза Давида, говорящего, что лучше впасть в руки Божии, чем в руки человеческие (2Цар.24:14). Ответ на этот вопрос довольно прост, если вспомнить о том, что Давид избирал в судьи не людей, а Бога, уповав на Его божественное милосердие. Хотя Давид и знал, что Бог по праву на него сердится, но все же надеялся на Его умиловать Его. Ведь, будучи простертым в самом себе, Давид, тем не менее, поддерживался обетованием милости. Значит, если Давид думал, что может умоливать Бога, нет ничего удивительного в том, что он боялся Его гнева меньше, чем гнева людей. Здесь же апостол возвещает гнев Божий страшным для отверженных, которые, лишённые надежды на получение прощения, ожидают одну лишь крайнюю суровость, ибо ранее закрыли себе доступ к божественной благодати. Мы знаем, что Бог изображается по-разному в зависимости от тех людей, к которым обращается речь. Именно это имеет в виду Давид, Пс.17:27: с милостивым Ты будешь милостив, а со злым – суровым.

32. Вспомните прежние дни ваши, когда вы, бывши просвещены, выдержали великий подвиг страданий, 33. то сами среди поношений и скорбей служите зрелищем для других, то принимая участие в других, находившихся в таком же состоянии; 34. ибо вы и моим узам сострадали и расхищение имени вашего приняли с радостью, зная, что есть у вас на небесах имущество лучшее и непреходящее. 35. Итак не оставляйте упования вашего, которому предстоит великое воздаяние.

(32. Вспомните прежние дни ваши, когда вы, быв просвещены, выдержали великий подвиг страданий, 33. отчасти сами преданные скорбям и поношениям, а отчасти, будучи соучастниками тех, кто жил так же; 34. ибо вы и моим узам сострадали, и расхищение имени вашего приняли с радостью, зная, что есть у вас на небесах имущество лучшее и пребывающее. 35. Итак не оставляйте упования вашего, которому предстоит великое воздаяние.)

32) *Вспомните.* Дабы воодушевить читателей и внушить окрыленность в делании, апостол приводит на память выказанные ими ранее образцы благочестия. Ибо стыдно, хорошо начав, ослабеть посредине, но еще постыднее повернуть вспять, уже пройдя значительную часть пути. Полезно вспомнить о ранее выдержанной брани, если мы верно и мужественно провели ее под руководством Христа. Не для того, чтобы найти повод для расслабленности, словно мы уже отслужили, но для того, чтобы лучше подготовиться к прохождению остающегося пути. Ибо Христос взял нас к Себе не для того, чтобы по истечении нескольких лет мы, словно отслужившие солдаты, попросили увольнения, но для того, чтобы мы до самого конца отрабатывали собственное жалование.

Далее, апостол усиливает поощрение, говоря, что евреи уже выказали выдающиеся подвиги в то время, когда были новичками. Тем более стыдно, если теперь после долгого обучения они все-таки покинут войско. Ведь причастие «просвещены» относится к тому времени, когда они впервые стали называть себя христианами. Апостол как бы говорит: как только вы приняли Христову веру, вам сразу же пришлось вступить в жестокую и трудную брань; теперь же сам опыт должен укреплять вас, внушая окрыленность. Но одновременно апостол учит, что уверовали они не своими силами, а по благодетельству Божию. Ибо просвещаются те, кто ранее находился в потемках, не имел глаз и не узрел бы, если бы извне не воссиял свет. Значит, всякое воспоминание о том, что мы сделали или выстрадали за Христа, должно служить нам стимулом к дальнейшему преуспеванию.

33) *То сами среди поношений.* Мы видим, кого понукает апостол. А именно: тех, чья вера была испытана в особых жизненных ситуациях. Однако же он не перестает увещевать их к еще большим делам. Посему никто не должен обманывать себя превратной лестью, словно он уже достиг цели и больше не нуждается в стимулах. Апостол говорит, что евреи *были преданы скорбям и поношениям*, будто их вывели на

театральную сцену. Отсюда заключаем, что выдержанные ими гонения были весьма значительны. Но следует тщательно отметить вторую фразу, где апостол говорит, что евреи соучаствовали благочестивым в гонениях. Поскольку дело Христово, за которое сражаются благочестивые, обще для них всех, все, что терпит один из них, остальные должны переносить как бы на самих себя. Таким образом и надо всегда действовать, если мы не желаем отделиться от Иисуса Христа.

34) *Приняли с радостью.* Нет сомнения, что евреи, подверженные слабостям, как и все люди, испытали скорбь от потери собственного имущества. Однако грусть их была такова, что не мешала упоминаемой апостолом радости. Поскольку нищета считается одним из видов несчастья, расхищение имущества само по себе причинило им страдание. Но, поскольку они взирали ввысь, то черпали из этого повод для радости, смягчавшей вышеупомянутую скорбь. Ибо именно так лицемерие небесного воздаяния должно отвлекать наши чувства от мира сего. Я говорю лишь о том, что испытывают все благочестивые. Действительно, мы радостно принимаем то, что по нашему убеждению пойдет нам на благо. Но именно это и думают все дети Божии о сражениях, которые принимают ради Христовой славы. Посему в них, обуреваемых невзгодами, плотские чувства никогда не преобладают настолько, чтобы мешать возноситься умом к небесам и духовной радости.

Именно на это указывает, приведенная апостолом причина: *зная, что у вас на небесах имущество лучшее и пребывающее.* Итак, евреи в радости переносили расхищение своих благ. И не потому, что расставались с ними охотно, но потому, что, взирая в душе на воздаяние, легко забывали о страдании, внушаемом ощущением настоящего зла. Действительно, везде, где имеется вкушение небесных благ, мир со всеми своими соблазнами приятен не настолько, чтобы чувство нищеты и позора повергало душу в пучину скорби. Значит, если мы хотим терпеливо сносить ради Христа все злоключения, то давайте же привыкнем к частым размышлениям о том блаженстве, по сравнению с которым все блага мира кажутся отбросами. Не стоит пропускать и слова апостола о знании. Ибо без твердого убеждения в том, что обещанное Богом наследие относится именно к тебе, все прочее знание станет весьма холодным.

35) *Итак не оставляйте.* Апостол указывает на то, что в наибольшей степени должно поощрить нас к стойкости. А именно: нам следует сохранить упование. Ведь, отбросив его, мы сами лишим себя предложенной награды. Отсюда явствует, что упование – фундамент для святого и благочестивого жития. То же, что апостол пользуется словом «воздаяние» ни в чем не уменьшает незаслуженность обещанного спасения. Ибо верные знают, что их труд в Господе не будет напрасным, но знают так, что уповают на одно божественное милосердие. Однако по этому вопросу было много сказано в другом месте. А именно: каким образом понятие награды не противоречит незаслуженному вменению праведности.

36. *Терпение нужно вам, чтобы, исполнивши волю Божию, получить обещанное; 37. ибо еще немного, очень немного, и Грядущий придет и не умедлит. 38. Праведный верою жив будет; а если кто поколеблется, не благоволит к тому душа Моя. 39. Мы же не из колеблющихся на погибель, но стоим в вере к спасению души.*

(36. *Терпение нужно вам, чтобы, исполнив волю Божию, получить обетование; 37. ибо еще очень немного, и Грядущий придет и не умедлит. 38. Праведный верою жив будет; а если кто заблудится, не благоволит к тому душа Моя. 39. Мы же принадлежим не заблуждению на погибель, но вере к спасению души.*)

Глава 11

1. *Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом.*

(1. *Вера же есть уверенность в вещах, на которые надеются, доказательство того, чего не видно.*)

36) *Терпение нужно вам.* Терпение апостол называет необходимым не только потому, что оно должно продолжаться до самого конца, но и потому, что у сатаны имеется множество способов внушить нам тревогу. Посему, если мы не наделены чудесным терпением, то тысячу раз сломаемся прежде, чем пройдем даже половину пути. Наследие вечной жизни для нас уже несомненно, но поскольку жизнь эта подобна ристалищу, следует непрестанно стремиться к достижению цели. На самом же пути встречается множество препятствий и трудностей, которые не только задерживают нас, но и полностью прекратили бы наше продвижение вперед, если бы в душе не имелось великого мужества к продолжению брани. И сатана в качестве проверки насылает на нас всякого рода скорби. Наконец, христиане никогда не сделают и двух шагов без крайнего измождения, если не будут укрепляться терпением. Посему единственная причина, по которой мы стойко продолжаем путь, состоит в том, что иначе мы не будем послушны Богу, и никогда не получим обещанного наследия, метонимически называемого здесь «обетованием».

37) *Ибо еще немного.* Дабы терпение не стало для нас тягостным, апостол говорит, что ждать осталось недолго. Далее, поникшие души больше всего способна воодушевить надежда на быстрый и близкий исход дела. Подобно тому, как император говорит солдатам о скором окончании войны, лишь бы они еще немного потерпели. Так и апостол, чтобы наши души не поддались расслаблению, учит о скором пришествии Господа, Который избавит нас от всех зол. И чтобы утешение это вызывало большее доверие и пользовалось большим авторитетом, апостол приводит свидетельство из Аввакума, 2:4. Однако поскольку, следуя

греческому переводу, он несколько отходит от слов пророка, то я сначала кратко изложу то, что действительно говорит пророк, а затем сравню с тем, что цитирует здесь апостол.

Аввакуму, рассуждавшему об ужасном поражении своего народа и напуганному собственным видением, ничего не оставалось как выйти из мира и подняться на обзорную башню. Башней же нашей является Слово Божие, с помощью которого мы восходим до самого неба. И во время нахождения на башне пророку приказали написать другое пророчество, внушающее благочестивым надежду на спасение. Однако, поскольку люди по природе слишком торопливы и в желаниях своих спешат настолько, что, как бы Бог ни спешил исполнить обещанное, всегда считают Его медлящим, пророк говорит, что обещанное последует без промедления. Хотя тут же добавляет: если же промедлит, то подожди его. Этим он хочет сказать, что обещанное Богом приходит не столь быстро и кажется нам наступающим поздно, согласно пословице: для желания даже быстрота превращается в медлительность. Затем следует: вот, тот, кто укрепляет сам себя, не будет стойкой в нем душа его, а праведный верою жив будет. Коими словами пророк возвещает: нечестивые, какой бы защитой ни пользовались и как бы ни уповали, не устоят, поскольку прочность жизни заключается в одной лишь вере. Итак, пусть неверующие укрепляются, как хотят, во всем мире они найдут лишь тление и с необходимостью должны поколебаться. Но благочестивых никогда не разочарует их вера, опирающаяся на Бога. Таков смысл сказанного пророком.

Так вот, апостол сказанное Аввакумом об обетовании переносит на Самого Бога. Но поскольку Бог, исполняя Свои обетования, неким образом показывает Самого Себя, относительно сути различия довольно мало. Господь приходит к нам всякий раз, когда простирает руку помощи. И апостол, следуя пророку, говорит, что это вскоре исполнится. Ибо Бог не станет откладывать помощь долее необходимого. Да и продлевая время ожидания, Он не кормит нас пустыми надеждами, как это делают люди, но знает подходящий момент, в который больше не потерпит промедления и непременно придет на выручку. Апостол говорит, что *Грядущий придет и не замедлит*. И предложение это состоит из двух частей. В первой нас учат, что Бог будет с нами, как и обещал, а во второй – что сделает это своевременно, не позднее нужного момента.

38) *Праведный верою*. Апостол хочет сказать, что терпение рождается от веры. И это правильно. Ибо мы никогда не сможем выдержать выпадающие нам сражения, если нас не подкрепит вера. И наоборот, Иоанн (1Ин.5:4) называет веру нашей истинною победою, побеждающей мир. С помощью веры мы устремляемся ввысь, с помощью веры мы одолеваем все трудности настоящей жизни, все несчастья и невзгоды. Вера – наша мирная стоянка посреди бурь и опасностей. Значит, апостол хотел сказать следующее: все, считающиеся перед Богом праведными, живут не иначе как верою. Впрочем, во фразе «будет жить» будущее время означает нескончаемость жизни. Остальное пусть читатели найдут в Послании к Римлянам, 1:17 и к Галатам, 3:11, где цитируется то же самое место.

А кто поколеблется. Вместо сказанного у пророка **עפלה**, то есть: где будет возношение и самоукрепление, не пребудет в том душа человека. Греки же перевели так, как здесь цитирует апостол. Отчасти это согласуется с мыслью пророка, а отчасти – нет. Ведь заблуждение ничем или лишь малым отличается от возношения, надмевающего нечестивых. Упорство же их в восстании против Бога происходит по причине того, что, опьяняясь извращенным самоупованием, нечестивые изымают себя из под Его власти, обещая себе спокойную и безмятежную жизнь. Итак, они зовутся заблуждающимися, поскольку противопоставляют Богу ложную защиту, с помощью которой отгоняют от себя всякий Его страх. Посему этим словом не меньше выражается сила веры, чем образ мысли нечестивых. Ибо нечестие горделиво потому, что, не воздавая нужную честь Богу, присваивает ее человеку. Из этой беспечности, необузданности и презрения и происходит так, что, доколе нечестивым хорошо, они готовы попираť ногами облака. Если же вере более всего противоположно заблуждение, то природа ее в том, чтобы обманувшего себя человека привести в повиновение Богу.

Фраза же: не благоволит душа Моя, или (как звучит более полный перевод): *не будет довольна им душа Моя*, – означает то же, как если бы апостол высказал это, исходя из своего смысла. Ибо в намерение его не входило точно цитировать слова пророка, но лишь отметить данное место, приглашая читателей к более пристальному рассмотрению.

39) *Мы же не из колеблющихся*. Апостол свободно пользуется греческим переводом, наилучшим образом отвечающим вышеизложенному учению. Также и здесь он весьма изящно приспособливает его к своему замыслу. Прежде он учил евреев не становиться чуждыми вере и благодати Христовой через оставление Церкви. Теперь же учит, что они призваны никогда не поддаваться самообману. Он снова противопоставляет веру и заблуждение, как и обретение души – ее гибели. Отметим, что данное положение относится также и к нам. Ибо мы, которых Бог однажды удостоил света Своего Евангелия, поскольку призваны ко спасению, цель призвания своего должны видеть в том, чтобы все более и более преуспевать в послушании Богу, стараясь все больше к Нему приблизиться. Таково истинное обретение нашей души, ибо, поступая так, мы избегаем вечной гибели.

1) *Вера же есть.* Тот, кто придумал начать с этого стиха одиннадцатую главу, самым дурным образом разорвал контекст речи. Ибо цель апостола состояла в том, чтобы доказать сказанное ранее, а именно: верующим весьма необходимо терпение. Он уже процитировал свидетельство Аввакума, сказавшего, что праведный будет жить своей верою. Теперь же доказывает остальное: веру нельзя отрывать от терпения больше, чем от самой себя. Посему порядок его речи таков: мы никогда не достигнем спасения, не будучи наделены терпением. Ибо пророк утверждает, что праведный будет жить верой. Но вера призывает нас к весьма отдаленным вещам, коими мы еще не владеем. Значит, она с необходимостью содержит в себе терпение. В этом силлогизме меньшая посылка такова: вера есть убежденность, и т.д. Отсюда явствует, сколь сильно заблуждаются те, кто думает, будто здесь помещено точное определение веры. Ведь апостол рассуждает не обо всей природе веры, но выбирает ту ее часть, которая соответствует его замыслу. А именно: то, что вера всегда соединена с терпением.

Теперь обдумаем отдельные слова. Убежденность апостол относит к *вещам, на которые надеются*. Мы же знаем, что надеемся не на то, что у нас под рукой, а на то, что еще сокрыто, или же на то, обладание чем перенесено на другое время. Апостол учит здесь тому же, чему и Павел в Послании к Римлянам, 8:24. Ибо сказав: то, на что надеются, не видят, — он тут же выводит: но ожидают в терпении. Здесь апостол учит, что Богу верят не в том, что уже есть, но в том, ожидание чего еще продолжается. И данный вид антилогии не лишен преимуществ. Вера, — говорит апостол, — это убежденность, то есть опора и обладание, на котором мы прочно стоим. Но обладание какими вещами? Отсутствующими, которые не только не лежат у нас под ногами, но и сильно превосходят способности нашей природы.

Такое же содержание и у второй части, где апостол зовет веру обличением, то есть доказательством невидимых вещей. Ибо доказательство заставляет вещи стать видимыми и обычно относится лишь к тому, что доступно нашим чувствам. Посему с виду эти два качества противоречат друг другу, но наилучшим образом согласуются, когда речь заходит о вере. Ибо Дух Божий показывает нам сокрытые вещи, из которых ни одна не может быть воспринята нашими чувствами. Нам обещается вечная жизнь, но обещается смертным. Нам говорят о блаженном воскресении, но между тем мы окружены тлением. Нас провозглашают праведными, однако же в нас живет грех. Мы слышим о том, что блаженны, но между тем тяготимся разными скорбями. Нам обещается обилие всех благ, но мы сильно алчем и жаждем. Бог восклицает, что сразу придет на помощь, но, кажется, глух к нашим молениям. Что же будет с нами, если мы не обопремся на надежду, а разум наш сквозь мрак не вознесется над миром, двигаясь путем, озаряемым Словом и Духом Божиим? Посему вера заслуженно зовется убежденностью в вещах, которые еще невидны ясно, а помещены в надежде. То же, что Августин вместо «доказательство» несколько раз перевел «соединение» (*coniunctionem*), меня вполне устраивает. Ибо он верно выразил смысл апостола. Но я предпочитаю переводить «доказательство» или «очевидность», поскольку это менее натянуто.

2. *В ней свидетельствованы древние.* 3. *Верую познаём, что веки устроены словом Божиим, так что из невидимого произошло видимое.* 4. *Верую Авель принес Богу жертву лучшую, нежели Каин; ею получил свидетельство, что он праведен, как засвидетельствовал Бог о дарах его; ею он и по смерти говорит еще.*

(2. *Через нее обрели свидетельство древние.* 3. *Верую познаём, что веки устроены словом Божиим, так чтобы стать лицезрением невидимого.* 4. *Верую Авель принес Богу жертву лучшую, нежели Каин; ею получил свидетельство, что он праведен, как засвидетельствовал Бог о дарах его; ею он и по смерти говорит еще.*)

2) *В ней свидетельствованы.* Апостол развивает этот довод вплоть до конца главы: отцы обрели спасение и стали угодными Богу не иначе как через веру. У иудеев была определенная причина почтительного отношения к отцам, но превратное восхищение отцами настолько удерживало их, что сильно мешало всецело отдаться водительству Христову. Неважно, происходило ли это от самомнения или суеверия, или от того и другого. Ведь, слыша, что семья Авраама благословенно и свято, они, надмеваясь этой похвалою, больше смотрели на людей, нежели на Бога. Затем сюда же добавлялась извращенная ревность, поскольку они не думали о том, что более всего достойно подражания в отцах. Так и выходило, что они полностью основывались на обрядах закона, будто в них состояла вся религия и совершенная святость. И апостол отвергает это заблуждение, уча тому главному, что было в отцах, дабы потомки поняли, как нужно правильно им подражать. Итак, будем помнить про этот главный пункт, вокруг которого вращается вся проповедь апостола. Все отцы, угодившие Богу от начала мира, соединились с Ним не иначе как верою. Дабы иудеи знали, что только вера соединяет их с отцами в священном единстве. Но как только они отходят от веры, отрекаются от Церкви, то больше уже не являются законными детьми Авраама, становясь вырожденцами и незаконнорожденными.

3) *Верую познаём.* Наилучшее доказательство предыдущей мысли. Ибо мы ничем не отличаемся от животных, если не верим в то, что мир сотворен Богом. Зачем еще люди наделены разумом и пониманием, если не для того, чтобы признать Своего Создателя. Однако одной лишь верой разумеем мы, что мир сотворен Богом. Значит, нет ничего удивительного, если вера выделялась в отцах перед другими добродетелями.

Но здесь можно спросить, почему апостол говорит о понимании верою того, что знают и неверующие. Ведь нечестивых вид неба и земли также вынуждает признать какого-то Создателя. Но Павел выводит отсюда всеобщую вину неблагодарности. Ибо, познав Бога, люди не воздали Ему должной чести (Рим.1:21). Действительно, религия не настолько процветала бы всегда и среди всех народов, если бы умы людей не занимала мысль о том, что Бог является Творцом этого мира. Посему кажется, что такое познание, помещаемое апостолом в веру, на самом деле находится вне нее.

Отвечаю: среди язычников всегда бытовало определенное мнение о том, что мир сотворен Богом. Однако мнение это было нетвердым. Ибо как только они воображали себе какого-нибудь Бога, как тут же ослабевали в своих умствованиях, скорее представляя себе тень неопределенного божества, нежели истинного Бога. Кроме того, поскольку мнение это, парящее в их разуме, было весьма непрочным, оно сильно отличалось от ясного понимания. Добавь к этому, что в управлении миром они видели царство случая, ничего не зная о провидении Божиим, единственном мировом правителе. Итак, людские умы слепы от сияющего во всех творениях природного света, доколе просвещенные Духом Божиим не начинают понимать того, что иначе никак бы не постигли. Посему апостол, самым что ни на есть истинным образом, приписывает такое понимание вере. Ибо верующие не только поверхностно соглашались с тем, что Бог – Управитель мира, но и убеждены в этом в своих душах так, словно видят Его Самого. Затем, они видят Его силу, но не ту, которая лишь на мгновение явила себя в сотворении мира, а ту, которая вечно выказывает себя в его сохранении. Они имеют понятие не только о Его могуществе, но также о благодати, премудрости и справедливости, и из этого побуждаются к поклонению, любви и почитанию Бога.

Так что из невидимого. По поводу этой фразы все переводчики, на мой взгляд, сильно обманулись. Заблуждение их в том, что предлог **ἐκ** они отделяют от причастия **φαίνομεν**. И переводят так: чтобы из невидимого произошло видимое. Однако такие слова едва ли несут в себе какой-нибудь смысл, а если несут, то, по крайней мере, весьма поверхностный. Кроме того, такого перевода не терпит контекст апостольской речи. Ибо апостолу следовало бы сказать **ἐκ μὴ φαίνομεν**, однако он выражается иначе. Посему, если кто захочет перевести дословно, то должен изложить сказанное только так: чтобы из невидимых стать видимостью, – то есть лицемерием, так чтобы предлог **ἐκ** соединялся с причастием. Далее, эти слова содержат в себе превосходное учение: в этом мире мы лицемерим наияснейший божественный образ. Таким образом, здесь наш апостол учит тому же, чему и Павел в Послании к Римлянам, 1:20, говоря, что невидимое Божие явствует от сотворения мира, когда лицемерится в делах. Ибо Бог во всем мироустройстве выказал ясное свидетельство Своей вечной премудрости, благодати и силы. И, будучи невидимым Сам по Себе, неким образом явился перед нами в Своих делах. Посему этот мир изящно называется зеркалом божества. Не потому, что люди, рассматривая мир, с полной прозрачностью видят в нем Бога, а потому, что нечестивым Бог является так, что неведение их лишается всяких извинений. Верующие же, которым Бог дал проницательность в отношении всех тварей, лицемерят в них как бы искорки Его славы. Действительно, мир создан для той цели, чтобы стать театром божественного величия.

4) *Верою Авель.* После сего апостол станет рассуждать о том, что какими бы великими ни были дела святых, каким бы превосходством они ни отличались, все это заимствовано от их веры. Отсюда выводится то, о чем он сказал ранее: отцы одной лишь верой угодили Богу. Далее, веру он украшает здесь двойной похвалой. Из-за послушания, поскольку она принимается за что-то только по предписанию Слова Божия. И потом, из-за того, что, опираясь на обетования Божии, вера придает цену и достоинство делам только по божественной благодати. Таким образом, всякий раз как в этой главе произносится слово «вера», будем помнить: апостол стремится к тому, чтобы правилом для иудеев стало лишь Слово Божие, чтобы полагались они лишь на его обетования.

Прежде всего он говорит, что жертва Авеля стала лучшей только по той причине, что была освящена верою. Действительно, тук животных пахнет не столь приятно, чтобы умиловить Бога собственным благоуханием. И Писание прямо говорит о том, почему Богу стала угодной его жертва. Слова Моисея таковы: призрел Бог на Авеля и на приношение его. Из этого можно заключить, что жертва Авеля понравилась Богу потому, что сам он обрел перед Ним милость. Но откуда же эта милость, если не оттого, что сердце Авеля очистила вера?

Получил свидетельство. Апостол подтверждает сказанное: от нас не исходят дела, угождающие Богу, доколе мы сами не будем приняты в Его благодать. Или же (говоря короче): праведные дела принадлежат лишь праведному человеку. Ибо апостол рассуждает так: Бог засвидетельствовал приношение Авеля. Следовательно, он обретает похвалу праведности перед Богом. Весьма полезный урок, который следует отметить тем тщательнее, что мы усваиваем его довольно трудно. Ибо как только в каком-либо деле замечен некоторый блеск, нас сразу же охватывает восхищение, и мы не думаем о том, что Бог может справедливо его отвергнуть. Но Бог, взирающий лишь на внутреннюю чистоту сердца, не забавляется внешними прикрасами. Итак, осознаем, что до нашего оправдания перед Богом от нас не будет исходить ни одного доброго дела.

И по смерти. Вере Авеля апостол приписывает также и то, что Бог и при жизни его и после смерти засвидетельствовал о нем Свое попечение. Ибо, говоря, что Авель вопиет и после смерти, апостол имеет в

виду слова Моисея о том, что нечестивое убийство Авеля подвигло Бога на мщение. И так, говорится ли о вопле самого Авеля или его крови, и то, и другое сказано в образном смысле. Далее, забота Бога о мертвом Авеле свидетельствовала об особой к нему любви. Откуда явствует, что Абель находится среди святых Божиих, смерть которых для Него драгоценна.

5. Верую Енох переселен был так, что не видел смерти; и не стало его, потому что Бог переселил его. Ибо прежде переселения своего получил он свидетельство, что угодил Богу. 6. А без веры угодить Богу невозможно; ибо надобно, чтобы приходящий к Богу веровал, что Он есть, и ищущим Его воздает.

(5. Верую Енох переселен был так, что не видел смерти; и не был найден, потому что Бог переселил его. Ибо прежде переселения своего получил он свидетельство, что угодил Богу. 6. А без веры угодить Богу невозможно; ибо надобно, чтобы приходящий к Богу веровал, что Он есть, и что Он – воздаятель тем, кто Его ищет.)

5) *Верую Енох.* Из древних отцов апостол выбирает немногих представителей с целью перейти затем к Аврааму и его потомству. Он учит, что по благоденствию веры Енох удостоился переселения. Во-первых, надо понять причину, по которой Бог забрал его с земли таким необычным способом. Это было ярким свидетельством того, сколь дорог Енох Богу. В те времена повсюду царили нечестие и всяческая порча. Если бы Енох умер обычным человеческим способом, никому не пришло бы на ум, что провидение Божие сохранило его через это, не позволив подвергнуться осквернению. Но когда Еноха восхищают еще живым, с небес ясно видна десница Божия, как бы вырывающая его из бушующего пламени. Поэтому честь, которой удостоил Бог Еноха, действительно, весьма необычна. И апостол утверждает, что Енох достиг этого верою. Моисей сообщает, что он был праведником и ходил перед Богом. Но поскольку праведность начинается с веры, ей заслуженно приписывается выказанная Еноху божественная любовь.

Утонченные же вопросы, коими обычно мучают себя любопытные, вполне уместно опустить. Сначала они спрашивают, что произошло с двумя людьми: Енохом и Илией. Затем, чтобы не показаться вопрошающими напрасно, воображают, будто их сохраняют до последнего времени существования Церкви, дабы тогда неожиданно показать миру. Для этой цели цитируется Апокалипсис Иоанна. Но оставим пустую философию легковесным умам, неспособным стоять на твердой почве. Нам достаточно и того, что восхищение этих людей будет каким-то необычным видом смерти. И не будем сомневаться, что они совлекутся смертного и тленного тела, дабы вместе с другими членами тела Христова обновиться к блаженному бессмертию.

6) *А без веры.* Это положение относится ко всем примерам, которые апостол перечисляет в этой главе. Но поскольку здесь присутствует некоторая неясность, полезно глубже разобраться в его смысле. И никто не будет для нас лучшим толкователем, чем сам говорящий. Посему тут же добавленное им доказательство должно служить нам в качестве пояснения. Вот причина, по которой без веры никто не угождает Богу: потому что к Богу когда-либо приходит только тот, кто верует, что Бог есть и воздает всем Его ищущим. Если же путь к Богу открывается одной верою, отсюда следует, что без нее мы все для Бога ненавистны.

Во-первых, апостол показывает отсюда, каким образом вера обретает для нас милость. А именно: она учит нас тому, как правильно почитать Бога. Затем, поскольку вера удостоверяет для нас волю Божию, дабы мы не казались себе напрасно Его ищущими. Эти два положения не следует пробегать быстро. Первое: мы должны верить, что Бог есть. И второе: мы должны убедиться в том, что не напрасно Его ищем.

Кажется, что апостол, требуя от нас веры в бытие Божие, не говорит ничего великого. Однако если обратить более пристальное внимание, можно найти здесь богатое и возвышенное учение. Хотя то, что Бог существует, без споров принимают едва ли не все, если Господь не удержит нас в твердом познании Себя, неожиданно станут возникать разные сомнения, лишаящие нас ощущения божества. Действительно, разум человека весьма склонен к суете и легко забывает Бога. Хотя апостол хочет не только того, чтобы люди твердо верили в существовании какого-то Бога. Он говорит именно об истинном Боге. И тебе не достаточно принять какого-либо Бога, если ты не умеешь различить в Нем Бога истинного. Ибо какая польза воображать себе идола, на которого ты перенесешь божественную славу? И так, мы видим, что именно хочет здесь сказать апостол. Он отрицает, что у нас имеется доступ к Богу, если в наших душах не укоренилось убеждение, что именно Он и есть Бог, дабы нас не влекли в разные стороны ветры всевозможных мнений.

Отсюда явствует: люди напрасно утруждают себя в почитании Бога, если не придерживаются правильного пути. И не только суетны, но и порочны все виды религии, которые не несут в себе твердое познание Бога. Ибо доступ к божеству закрыт для всех, не умеющих отличить Его от идолов. Наконец, религия не является таковой, если в ней не царит истина. Но если в наших сердцах утвердилось истинное познание Бога, мы неизбежно будем почитать Его и бояться. Ибо Бог не познается правильно без Своего величия. Отсюда и происходит усердие в почитании Бога, отсюда и бывает так, что к Нему, как к некоторой цели, направляется вся наша жизнь.

Второе положение таково: мы должны быть убеждены, что ищем Бога не напрасно. А это убеждение соединяет в себе надежду на спасение и на вечную жизнь. Ибо к поиску Бога в душе готов только тот, кто, получив ощущение божественной благодати, надеется обрести от нее спасение. Ведь мы бежим от Бога и

презираем Его там, где нет никакой спасительной надежды. Будем же помнить, что речь идет о вере, а не о простом мнении. Ибо нечестивые, даже если иногда чувствуют нечто похожее, не приближаются от этого к Богу. Потому что не обладают твердой и незыблемой верой. Такова вторая часть веры, через которую мы обретаем благодать перед Богом. А именно: когда твердо верим в то, что у Бога припасено для нас спасение.

Но многие клеветнически искажают эту фразу, выводя отсюда заслуги дел и упование на эти заслуги. Они рассуждают так: если верую мы угождаем Богу потому, что веруем в Него как в Воздаятеля, то, значит, вера взирает на заслуги дел. Самый лучший способ опровержения этого заблуждения – подумать о том, каким образом мы ищем Бога. Ведь если кто блуждает вне правильного пути, о нем нельзя думать как об ищущем Бога. Далее, Писание указывает на способ искания Бога, состоящий в том, чтобы человек, сокрушившись в самом себе, осознав повинность вечной смерти, и отчаявшись в своих силах, прибегнул ко Христу как единственному спасительному прибежищу. Действительно, мы нигде не найдем, чтобы Богу надо было приносить заслуги каких-либо дел, которые помогли бы нам обрести у Него благодать. Значит, тот, кто именно так определяет способ искания Бога, будет избавлен от любых трудностей, поскольку воздаяние относится здесь не к достоинству или ценности дел, но к вере.

Таким образом, падает холодное толкование софистов: мы угождаем Богу верою, поскольку, обретая заслугу, намереваемся Ему угодить. Апостол внушает нам гораздо более возвышенную мысль. А именно: совесть должна твердо знать, что поиски Бога не будут для нее напрасны. И эта уверенность сильно превосходит наши силы, особенно, если каждый обращается к самому себе. Ибо положение: Бог воздаст ищущим Его, надо понимать не абстрактно. Каждый должен использовать это учение для себя и приспособить к себе его плод, дабы мы знали: Бог опекает нас, так сильно заботится о нашем спасении, что никогда нас не покинет, слышит наши молитвы, и будет постоянно нас избавлять. И поскольку ничто из перечисленного не доступно для нас без Христа, наша вера с необходимостью должна всегда на Него взирать и к Нему одному прилепляться.

Из этих двух положений можно заключить, как и почему человеку невозможно угодить Богу без веры. Ведь все мы заслуженно для Него ненавистны, будучи проклятыми по природе. И врачевство от этого не в нашей власти. Посему необходимо, чтобы Бог предварил нас Своей благодатью. И это происходит тогда, когда мы познаем, что именно Он есть Бог, когда никакое суеверие не уводит нас к иному божеству, и когда мы обещаем себе от Него надежное спасение.

Если же кто желает более полного рассмотрения довода, то начать надобно с того, что мы напрасно стараемся что-либо сделать, если не взираем на Бога. Ибо служить Его славе – единственная цель праведной жизни. А это произойдет лишь в том случае, если вначале придет познание Бога. Но познание – только половина веры и мало полезно, если к нему не добавляется упование. Значит, вера лишь тогда становится совершенной, обретая для нас Божию благодать, когда мы твердо уверены, что не напрасно Его ищем, обещая себе от Него неперменное спасение. Далее, никто, кроме ослепленных гордыней и извращенной любовью к себе, не станет уповать, что Бог воздаст ему за заслуги. Значит, упование, о котором мы говорим, опирается не на дела, не на собственное достоинство человека, а лишь на благодать Божию. Поскольку же благодать Божия обретается в одном Христе, только на Него и должна взирать наша вера.

7. Верою Ной, получив откровение о том, что еще не было видимо, благоговея приготовил ковчег для спасения дома своего; его осудил он (весь) мир, и сделался наследником праведности по вере.

(7. Верою Ной, божественно наставленный в том, что еще не было видимо, благоговея приготовил ковчег для спасения дома своего; им осудил он мир, и сделался наследником праведности по вере.)

7) *Верою Ной.* Удивительный пример добродетели: когда весь мир, надеясь на безнаказанность, спокойно и беззаботно предавался наслаждениям, один лишь Ной взирал на будущее, уже довольно долго откладывавшееся, мщение Божие; сто двадцать лет несчастно измождался при построении ковчега; устоял, не сломавшись, перед столькими насмешками нечестивых, не усомнился в своем спасении при гибели всего мира, более того, доверил свою жизнь могиле, то есть, сделанному им же ковчегу. Я коротко передаю суть дела. Конкретные же обстоятельства каждый может обдумать сам.

И похвалу за такую редкую добродетель апостол отдает вере. До сих пор он рассуждал о вере отцов, живших во время первой мировой эпохи. Когда же Ной со своей семьей спасся от потопа, произошло как бы второе рождение вселенной. Отсюда заключаем: во все века люди угождали Богу не иначе как чрез веру, и не делали чего-либо достойного похвалы, кроме как чрез веру.

Теперь мы видим, что именно предлагает апостол отметить в Ное. Во-первых, что он убоился, будучи наставлен в будущих еще не явных вещах, во-вторых, что построил ковчег, в-третьих, что постройкой этой осудил весь мир, в-четвертых, что наследовал праведность по вере. Из всего перечисленного первое в наибольшей степени подчеркивает силу веры. Ибо вера всегда отсылает нас к следующему принципу: она есть очевидность не явных для нас вещей. Действительно, присущее ей качество: созерцать в Слове Божиим сокрытое и удаленное от наших чувств. Поскольку же о потопе возвестили, что он произойдет через сто двадцать лет, то, во-первых, страх могла вызвать долгота этого времени, а, во-вторых, само дело было

невероятным. А между тем Ной видел, как беззаботно наслаждаются нечестивые. Наконец, жуткая весть о будущем потопе могла показаться пустым паникерством. Однако Ной настолько ценил Слово Божие, что, отведя взор от современных ему вещей, как настоящей убогости будущей гибели, возмущенной в божественной угрозе. Итак, его вера в Слово Божие привела его же в послушание Богу. Подтверждением чего и явилась впоследствии постройка ковчега.

Но здесь возникает вопрос: почему апостол делает веру причиной страха, в то время как она взирает скорее на обетования благодати, нежели на угрозы. По этой причине Павел называет Евангелие, предлагающее нам праведность Божию во спасение, словом веры (Рим.10:8). Значит, кажется, неуместно говорить, что вера внушила Ною страх. Отвечаю: в собственном смысле вера рождается от обетований, основывается на них и ими соизмеряется. Посему мы говорим, что Христос – истинная цель нашей веры, в Котором Отец Небесный к нам милостив, и в Котором запечатлены и удостоверены все обетования спасения. Однако это не мешает вере взирать на Бога, почтительно принимая все, что Он говорит. Или, если угодно, выражусь короче: присущее вере качество – слушать говорящего Бога и без сомнения принимать все, исходящее из Его священных уст. Таким образом, вера покоряется заповедям и угрозам, так же как и благодатным обетованиям. Но поскольку лишь тот, кто уже принял обетования благодати, признавая Бога благоволящим Отцом и автором спасения, когда-либо, как подобает, и насколько необходимо, побуждается заповедями Божиими к послушанию и угрозами к умиротворению Его же гнева, то и Евангелие (используя синекдоху) по своей основной части зовется словом веры. Так что между ним и ею устанавливается взаимоотношение. Но как бы правильно ни принимала вера к обетованиям Божиим, она все же внимает и Его угрозам постольку, поскольку это необходимо для наставления нас в страхе и послушании Божиим.

Приготовил ковчег. Здесь отмечается послушание, проистекающее от веры, как вода из своего источника. Постройка ковчега была долгим и трудным делом. Ною мешали ежедневные насмешки нечестивых, которые могли бы тысячу раз прервать его труд. Нет сомнения, что они отовсюду сыпались на святого мужа. Значит, стойко выдержав их наглые наскоки, Ной тем самым явил редкий пример усердного повиновения. Но откуда его столь постоянное прослушание Богу, если не оттого, что он прежде положился на обетование, дававшее ему надежду на спасение, и в этом уповании устоял до конца? Он не был бы воодушевлен на добровольное испытание стольких скорбей, не был бы готов преодолеть столько препятствий, не пребыл бы столь долго твердым в своем намерении, если бы всему этому не предшествовало упование. Итак, одна лишь вера учит нас терпению. И наоборот, отсюда можно вывести, что неверие мешает нам повиноваться Богу. Так что сегодня неверие мира жутким образом выражается в том, что лишь немногие повинуются Создателю.

Ею (им) осудил он мир. Было бы натянуто относить к спасению Ноя то, что оно осудило мир. Контекст едва ли позволяет подразумевать здесь веру. Поэтому отнесем сказанное к ковчегу. В двух смыслах говорится, что мир был осужден через ковчег. То, что Ной столь долго был занят постройкой ковчега, лишило отверженных всякого извинения. Событие же, которое последовало, подтвердило справедливость гибели мира. Ведь почему ковчег стал для одной семьи хранителем спасения, если не потому, что гнев Божий пощадил праведника, не позволив ему погибнуть с нечестивыми? Значит, если бы Ной не остался в живых, осуждение мира не было бы столь явным. Кроме того, Ной, повиновавшись заповеди Божией, своим примером осудил мир в гордыне. То же, что Ной чудесно избавляется от неминуемой смерти, свидетельствует, что мир погиб справедливо, и Бог непременно спас бы его, если бы он оказался достойным спасения.

Праведности по вере. Последнее, что апостол призывает отметить в личности Ноя. Моисей сообщает, что Ной был праведником. Поскольку же Моисей не говорит в своей истории, что причиной и корнем этой праведности была вера, апостол доказывает это из самой сути дела. Сказанное справедливо не только потому, что лишь уповающий на то, что жизнь его угодна Богу, и опирающийся на обетования отеческого Божия благоволения когда-либо искренне Ему покоряется, но и потому, что жизнь какого-либо человека, сколь бы праведным он ни был, будучи проверена по правилу Божию, не может угодить Богу без Его же снисхождения. Значит, необходимо, чтобы праведность всецело полагалась на веру.

8. Верою Авраам повиновался призыванию идти в страну, которую имел получить в наследие, и пошел, не зная, куда идет. 9. Верою обитал он на земле обетованной, как на чуждой, и жил в шатрах с Исааком и Иаковом, сонаследниками того же обетования; 10. ибо он ожидал города, имеющего основание, которого художник и строитель Бог. 11. Верою и сама Сарра (будучи неплодна) получила силу к принятию семени и не по времени возраста родила; ибо знала, что верен Обещающий. 12. И потому от одного, и притом омертвело, родилось так много, как много звезд на небе и как бесчислен песок на берегу морском.

(8. Верою Авраам повиновался, будучи призван идти в страну, которую имел получить в наследие, и пошел, не зная, куда идет. 9. Верою странствовал он на земле обетованной, как на чуждой, и жил в шатрах с Исааком и Иаковом, сонаследниками того же обетования; 10. ибо он ожидал города, имеющего основание, которого художник и строитель Бог. 11. Верою и сама Сара получила силу к принятию семени и не по времени возраста родила; ибо сочла верным Обещающего. 12. И потому от одного, и притом омертвело, родилось так много, как много звезд на небе и как бесчислен песок на берегу морском.)

8) *Верую Авраам.* Теперь апостол переходит к самому Аврааму, главному земному отцу Церкви Божией, именем которого хвалились иудеи, называя себя святым потомством Авраама, словно одного титула было достаточно, чтобы изъять их из общего человеческого порядка. Апостол учит тому, что главным образом должны иметь иудеи, чтобы считаться детьми Авраама, и, таким образом, призывает их к вере, ибо сам Авраам не имел ничего выдающегося, кроме происходящего из его же веры. Вначале апостол говорит, что вера была причиной, по которой Авраам тут же повиновался Богу, приказавшему ему покинуть родину. Затем та же самая вера привела к тому, что Авраам до конца продолжал следовать своему призванию. Эти два свидетельства красноречиво доказывают веру Авраама, готовность повиноваться и стойкость в предпринятом пути.

Повиновался призванию. Древний переводчик и Эразм относят это к имени, что весьма натянуто и холодно по смыслу. Скорее здесь имеется в виду откровение, отозвавшее Авраама с родины. Ибо он добровольно обрек себя на изгнание, но так, что все сделал только по заповеди Божией. Действительно, один из принципов веры в том, чтобы мы ни шага не делали без указания от Слова Божия, сияющего перед нами (как говорит Давид, Пс.118:105) подобно светильнику. Посему научимся всю жизнь следить за тем, чтобы делать что-либо только по призванию Божию.

Идти в страну. К заповеди добавилось обетование, состоящее в том, что Бог даст ему в наследство землю. Авраам тут же принимает данное обетование и спешит не иначе как если бы сразу вошел в обладание землею. Редкий пример веры – оставить все, что под рукой, и взыскать то, что далеко от нас и нам неизвестно. Ведь Бог, приказывая Аврааму отправиться в путь, не указал места, в котором велел бы ему жить, но оставил его душу в неопределенности и неведении. Иди, – сказал Бог, – в место, которое Я тебе укажу. Зачем Он откладывает точное определение места, если не для большего упражнения веры Авраама? И любовь к родной земле могла бы не только умерить его пыл, но и совсем помешать ему покинуть отчий дом. Итак, необычной была его вера, которая, преодолевая все препятствия, повела его туда, куда призывал Господь.

9) *Верую обитал он.* Такова вторая часть предложения: войдя в свою землю, Авраам получает прием лишь чужеземца и странника. Где же наследие, на которое он надеялся? Действительно, ему могло придти на ум, что Бог над ним подшутил. Добавь также пропущенный апостолом второй повод для отчаяния: немного спустя Авраама изгоняет с земли голод, во второй раз заставляя бежать в страну Герар. Но апостол счел достаточным коротко похвалить стойкость Авраама, сказав, что он был странником в чужой земле. Ведь положение странника противоречило сути обетования. И то, что Авраам мужественно выдержал это искушение, было символом великой добродетели, происходившей, однако, лишь от его веры.

С Исааком и Иаковом. Апостол не имеет в виду, что он обитал с ними в одних и тех же шатрах или в одинаковое время. Сына и внука он делает спутниками Авраама потому, что, будучи странниками в обещанном им наследии, они все же не пали духом, хотя Бог и надолго вывел их из обетованной земли. Ведь чем дольше было ожидание, тем больше возрастало бы искушение, если бы, противопоставив щит веры, они не отразили обуревавшие их сомнения.

10) *Ибо он ожидал.* Апостол приводит причину, по которой приписывает их терпение вере. А именно: они взирали на небеса. А это означало видеть то, что для других невидимо. Хотя великим уже было лелеять в душе данное от Бога обещание земли до тех пор, пока после стольких веков не была предъявлена она сама, – однако, не успокаиваясь даже на этом, но возносясь на сами небеса, они еще ярче доказывают этим свою веру. Небом апостол называет *город, имеющий основание*, положение которого вечно, в то время как в мире все проходит и разрушается.

Но может показаться глупым, что апостол зовет Бога основателем неба, будто землю создал кто-то помимо Него. Отвечаю: поскольку в земных постройках участвуют человеческие руки, им уместно противопоставляется божественное художество. Все, что построено людьми, шаткостью своей говорит о своих создателях. Так же как и вечность небесной жизни соответствует природе Основателя Бога. И апостол учит, что ожидание этого града облегчает всякую скорбь, дабы мы никогда не уставали в нашем следовании за Богом.

11) *Верую и сама Сарра.* Дабы женщины считали, что данное учение относится к ним не меньше, чем к мужам, апостол приводит пример Сары, которую потому помещает впереди остальных, что та является матерью всех верующих. Но удивительно, почему прославляется вера той женщины, которая открыто упрекается за неверие. Ведь она смеялась над словами ангела, словно над какой-то басней. И смех этот был вызван не удивлением. Иначе ангел не упрекнул бы ее столь сурово. Следует признать, что вера Сары была смешана с отчаянием, но поскольку, получив упрек, она оставила свое неверие, Бог все же признает и хвалит ее веру. Итак, то, что вначале Сара отвергла как невероятное, она послушно принимает, как только слышит исходящим из уст Божиих. Отсюда мы выводим полезный урок: если в какой-то части вера наша колеблется и хромает, она не перестает одобряться Богом, лишь бы мы не потакали своим сомнениям. Итог таков: чудо, произведенное Богом при рождении Исаака, было плодом веры Авраама и его жены, с помощью которой они уразумели божественную силу.

Потому что верен. Следует тщательно отметить те основания, которые выражают силу и природу веры. Если кто лишь услышит о том, что Сара родила верою, он еще не поймет, что именно это значит. Но приведенное апостолом объяснение устраняет всякую трудность. Он говорит, что вера Сары состояла в следующем: она считала Бога верным, причем именно в Его обетованиях. Предложение содержит две части. Первая учит нас, что без Слова Божия не бывает никакой веры, ибо мы не будем убеждены в Его истине, доколе Он Сам с нами не заговорит. Одного этого вполне достаточно, чтобы опровергнуть измышление софистов об имплицитной вере. Потому что всегда надо видеть взаимосвязь между Словом Божиим и нашей верой. Но поскольку вера (как уже говорилось) главным образом основана на благоволении Божиим, для нее достаточно не любое слово, даже исходящее из Его уст, но требуется обетование благодати. Посему говорится, что Сара сочла верным обещавшего Бога. Такова истинная вера, внимающая глаголющему нам Богу и опирающаяся на Его обетование.

12) *И потому от одного.* Теперь апостол учит иудеев тому, что они стали потомками Авраама благодаря вере. Авраам был к тому времени словно полумертвым. Сара, его жена, бывшая неплодной даже в цветущем возрасте, тем более не могла рожать старухой. Значит, скорее из камня могло истечь миро, нежели от них произойти какой-нибудь народ. Однако рождается великое множество людей. И если теперь иудеи надмеваются своим происхождением, то пусть обратят внимание на его причину. Действительно, все, чем бы они ни являлись, следует приписать вере Авраама и Сары. Отсюда следует: только верою они могут удержать и сохранить приобретенное положение.

13. Все сии умерли в вере, не получивши обетований, а только издали видели оные, и радовались, и говорили о себе, что они странники и пришельцы на земле; 14. ибо те, которые так говорят, показывают, что они ищут отечества. 15. И если бы они в мыслях имели то отечество, из которого вышли, то имели бы время возвратиться; 16. но они стремились к лучшему, то есть, к небесному; посему и Бог не стыдится их, называя Себя их Богом: ибо Он приготовил им город.

(13. Все сии умерли в вере, не получив обетований, но, когда издали видели оные, веровали, и радовались, и говорили о себе, что они странники и пришельцы на земле; 14. ибо те, которые так говорят, показывают, что они ищут отечества. 15. И если бы они помнили то, из которого вышли, то имели бы время возвратиться; 16. но они желают лучшего, то есть, небесного; посему и Бог не стыдится их, называя Себя их Богом: ибо Он приготовил им город.)

13) *В вере.* Апостол возвеличивает веру патриархов, прибегая к сравнению. Ведь они, лишь вкусив обетования Божии, словно насытившись их сладостью, презрели все существующее в мире, и никогда ни в жизни, ни в смерти не забывали их вкус, сколь бы ни был тот слабым и незначительным. Хотя фраза «в вере» истолковывается двояким образом. Некоторые понимают ее просто: умерли в вере, поскольку в этой жизни никогда не обретали обещанные блага. Как и сегодня спасение также сокрыто от нас в надежде. Но я скорее соглашусь с теми, кто думает, что здесь указывается на различие отцов с нами, и толкую следующим образом: хотя Бог дал отцам лишь попробовать благодать, которую ныне обильно излил на нас, показывал лишь смутный образ Христа, который ныне предлагается нашему взору для прямого лицезрения, отцы все же этим удовлетворились и никогда не отпадали от веры. Но тогда сколь больше повода для устояния имеем сегодня мы? И если отпадем, то будем дважды неизвинительны.

Итак, отцов весьма превозносит то обстоятельство, что они лишь издалека наблюдали духовное Царство Христово, вид которого сегодня столь для нас близок, что они лишь издалека приветствовали обетования, которые ныне столь для нас родственны. Ведь если отцы, тем не менее, претерпели даже до смерти, то о какой вялости будет говорить сегодня наше изнеможение в вере, когда Господь подкрепляет нас столькими вспомоществованиями?

Если же кто возразит, что отцы могли верить, только приняв обетования, на которых с необходимостью основывается вера, отвечаю: это сказано путем сравнения. Ибо отцы находились далеко от того состояния, до которого сегодня нас вознес Бог. Посему, хотя им и было обещано то же самое спасение, у них все же не было той же ясности в обетованиях, которой мы наслаждаемся в Христовом Царстве. Так что они довольствовались наблюдением их издалека.

И говорили о себе, что они странники. Так говорит Иаков, отвечая фараону, что время странствия его коротко по сравнению со временем странствия его отцов и исполнено многочисленными скорбями (Быт.47:9). Если же Иаков признает себя странником на той земле, которая обещана ему в вечное наследие, то вполне ясно, что он не был привязан к этому миру, вознося свой взор на небеса. Посему апостол выводит: отцы, выражаясь так, открыто показывали, что у них на небесах имеется лучшее отечество. Ведь если здесь проходит странствие, то родина и твердое пристанище находятся в другом месте. Если же отцы возносились душой к небесной родине даже сквозь темные облака, то что же сегодня надлежит делать нам, которым Христос, дабы взять с Собой, открыто протягивает с неба руку? Если их не удержала даже ханаанская земля, то сколь более свободными должны быть мы, которым не показано никакого надежного земного пристанища?

15) *И если бы они в мыслях.* Апостол упреждает здесь возможное возражение. А именно: отцы были пришельцами, оставившими свою родину. Он в свою очередь возражает, что, называя себя пришельцами, отцы думали не о Месопотамии. Поскольку, если бы этого хотели, то свободно могли бы в нее вернуться. Однако отцы добровольно живут вдали от нее и даже отрекаются от нее, словно ничего не имея с ней общего. Значит, они стремятся к другой родине, находящейся вне этого мира.

16) *Посему и Бог не стыдится.* Апостол имеет в виду следующую фразу: Я – Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова. Редкая честь, когда Господь обозначает Себя именами людей, как бы желая этим признаком отличаться от идолов. Апостол учит, что и эта прерогатива опирается на веру. Поскольку святые отцы воздыхали по небесному отечеству, Бог, в Свою очередь, причислил Себя к сословию Своих же граждан. Но отсюда можно вывести: нам не будет места среди детей Божиих, если мы не отречемся от мира, и не будет наследия на небесах, если мы не будем странниками на земле. Впрочем, апостол из слов: Я – Бог Авраама, Исаака и Иакова, – справедливо выводит, что все они – наследники неба. Ведь говорящий так есть Бог не мертвых, но живых.

17. Верую Авраам, будучи искушаем, принес в жертву Исаака и, имея обетование, принес едиnorodного, 18. о котором было сказано: «в Исааке наречется тебе семья». 19. Ибо он думал, что Бог силен и из мертвых воскресить, почему и получил его в предзнаменование. 20. Верую в будущее Исаак благословил Иакова и Исава. 21. Верую Иаков, умирая, благословил каждого сына Иосифова и поклонился на верх жезла своего. 22. Верую Иосиф при кончине напоминал об исходе сынов Израилевых и завещал о костях своих.

(17. Верую Авраам, будучи искушаем, принес в жертву Исаака и, имея обетование, принес едиnorodного, 18. о котором было сказано: «в Исааке наречется тебе семья». 19. Ибо он думал, что Бог силен и из мертвых воскресить, почему и получил его в предзнаменование. 20. Верую Исаак благословил о будущем Иакова и Исава. 21. Верую Иаков, умирая, благословил каждого сына Иосифа и поклонился на верх жезла своего. 22. Верую Иосиф, при кончине, напоминал об исходе сынов Израилевых и завещал о костях своих.)

17) *Верую Авраам.* Апостол переходит к личности Авраама и сообщает о том, как тот принес в жертву собственного сына. А это пример столь редкой добродетели, что едва ли можно найти другой ему подобный. Посему ради усиления смысла апостол добавляет: *будучи искушаем.* Авраам уже многими поступками показал, каков он на деле. Однако, поскольку это испытание значительно превосходит все остальные, апостол желает вознести его перед всеми прочими. Он как бы говорит: жертвоприношение сына было верхом добродетели Авраама, поскольку сказано, что Бог именно тогда максимально его испытал. Однако дело это также проистекало от веры. Значит, самым выдающимся качеством Авраама была его вера, произведшая столь преславный и замечательный плод.

Слово «искушение» означает здесь не что иное, как испытание. Фраза же Иакова, отрицающего, что Бог нас искушает (Иак.1:13), несет другой смысл. А именно: Бог не побуждает нас ко злу. Ибо он свидетельствует, что искушения воистину происходят от похоти каждого из нас. Однако Иаков не отрицает, что Бог иногда проверяет наше целомудрие и послушание, хотя и не исследует нас таким образом, словно в ином случае не будет знать, что сокрыто в нашем сердце. Бог не нуждается ни в какой проверке, чтобы обрести о нас знание. Но, когда Он выводит нас на свет, дабы мы делами засвидетельствовали то, что ранее было сокрыто, говорится, что Бог испытывает или проверяет нас. Затем, то, что выказывается делами, называется ставшим известным для Бога. Ибо обычный и весьма частый способ выражения Писания – переносить на Бога подобающее людям. Жертва Исаака оценивается здесь по душевному чувству. Ведь Авраам сделал все, чтобы заповеданное ему было исполнено. Эта воля к повиновению значит то же, как если бы он действительно принес в жертву сына.

Принес едиnorodного. Этим обстоятельством апостол хотел отметить серьезность выпавшего Аврааму испытания. Хотя надо позаимствовать у Моисея и остальную часть относящейся к этому истории. Аврааму приказано взять сына своего, едиnorodного и любимого Исаака, привести на место, которое покажут после, и там собственной рукою заколоть. Бог намеренно называл Исаака столь нежными именами, чтобы пронзить сердце святого мужа таким же количеством ран. Затем, дабы помучить его еще больше, Он приказывает Аврааму отправиться в трехдневный путь. Сколь же сильным было мучение того, кто постоянно видел перед собой сына, уже предназначенного к жестокому убийству! Когда подошли к назначенному месту, Исаак нанес ему еще одну рану, спросив, где же жертва. Любая смерть сына была бы для Авраама мучительной, еще плачевней была бы смерть кровавая. То же, что он должен был заколоть сына собственной рукою – воистину нечто более ужасное, чем может вынести сердце отца. Он мог тысячу раз пасть духом, если бы вера не вознесла его над миром. Значит, апостол справедливо говорит о том, что именно тогда произошло испытание Авраама.

Но спрашивается: почему Исаак зовется едиnorodным, если прежде него родился тогда еще живой Измаил? Отвечаю: поскольку Измаила по откровению Божию изгнали из семьи, он считается здесь как бы за мертвого, по крайней мере не числящегося среди детей Авраама.

Имея обетование. Все, о чем говорилось до этого, как бы сильно ни ранило душу Авраама, было как бы легким уколom по сравнению с этим искушением. Аврааму приказывали убить сына Исаака уже после

получения обетования. Ибо все обещания были основаны на следующем: в Исааке наречется тебе семья. И по устранении этого семени не оставалось никакой надежды на благословение и милость. Вопрос стоял здесь не о чем-то земном, но о вечном спасении Авраама и всего мира. Какими же терзаниями мучился этот святой муж, осознав, что в лице сына утрачивает надежды на вечную жизнь? И, однако, поднявшись верой над этими помыслами, он исполняет то, что ему приказано. И если чудесной была добродетель – преодолеть столь многие непосильные препятствия, то воистину заслуживает похвалы вера Авраама, единственная давшая ему непобедимую стойкость.

Но здесь возникает немалое затруднение: за что же похвывается вера Авраама, если он отходит от обетования? Ведь, как из веры рождается послушание, так же из обетования рождается вера. Итак, если Авраам лишается обетования, его вера с необходимостью должна пасть. Далее, смерть Исаака, как было уже сказано, представлялась как бы гибелью всех обетований. Ведь на него следует смотреть не как на обычного человека, но как на того, кто заключал в себе Самого Иисуса Христа. И на этот вопрос, в ином случае весьма трудный для разрешения, апостол отвечает, добавляя: Авраам воздал Богу честь за то, что Он мог бы воскресить его сына из мертвых. Значит, Авраам не отбрасывает данное ему обетование, но простирает его силу и истину за пределы жизни собственного сына, поскольку не ограничивает могущество Божие столь узкими рамками. Словно оно упразднилось бы или ограничилось со смертью Исаака. Таким образом, Авраам удержал обетование Божие, не привязывая силу Божию к жизни сына, но, будучи убежден, что и во прахе умершего она действительна так же, как и в живом.

19) *И получил его в предзнаменование.* Он как бы говорит: надежда не обманула Авраама, ибо неожиданное избавление Исаака от неминуемой смерти было определенным видом воскресения. Слово же «предзнаменование» толкователи изъясняют по-разному. Я понимаю его просто как уподобление. Хотя Исаак воскрес не воистину, он все-таки кажется неким образом воскресшим, поскольку неожиданно и чудесно избавляется от смерти по божественной милости. Однако меня устраивает и мнение других, думающих, что в агнце, заменившем собой Исаака, означает наша плоть, подверженная смерти. Признаюсь также, что истинно думают и те, кто видит в этом жертвоприношении прообраз жертвы Христовой. Однако сейчас я говорю о том, что именно имел в виду апостол, а не о том, что он мог иметь в виду. На мой взгляд, подлинный смысл таков: Авраам получил своего сына не иначе как если бы его из смерти вернули к новой жизни.

20) *Верую ... Исаак.* Благословлять о будущем – дело, также относящееся к вере. Ведь там, где нет самой вещи, но имеются одни слова, с необходимостью должна царить вера. Однако, во-первых, следует отметить, что означает упоминаемое благословение. Ведь часто слово «благословлять» понимается, как хорошо молиться. Но способ благословения Исаака был совсем иным. Оно служило как бы вручением той земли, которую Бог обещал ему и его потомкам. Однако в ней Исаак не имел ничего, кроме права на захоронение. Значит, смешными кажутся торжественные слова: да служат тебе народы, и племена да поклонятся тебе (Быт.27:29). Ибо, какую власть мог передать тот, кто сам был едва свободен? Итак, мы видим, что это благословение основано на вере, поскольку для передачи своим сыновьям Исаак не имел ничего, кроме Слова Божия.

Однако можно усомниться, имелась ли вера в благословении Исаака, который был отвержен и отторгнут от Бога. Решение весьма просто: вера преимущественно проявилась в том, что Исаак провел различие между рожденными близнецами, причем так, что младшему дал место старшего. Ведь, следуя откровению Божию, он лишил первородного обычного природного права. Положение же всего еврейского народа зависит от того, что Бог избрал именно Иакова, и избрание это было узаконено благословением отца.

21) *Верую Иаков.* Все, что происходило в этом народе достопамятного, апостол намеренно приписывает вере. Поскольку же перечислять все – весьма долго, он выбирает немногое из весьма многочисленного. Как, например, приведенный им случай. Ведь колено Ефремово превосходило остальных настолько, что все остальные как бы скрывались под его тенью. Ибо Писание часто означает этим именем сразу все десять колен. Однако Ефрем был младшим из двух сыновей Иосифа. И в то время как Иаков благословил его и его брата, оба были малышами. Что же такого увидел Иаков в младшем, что предпочел его старшему? Кроме того, совершая этот поступок, Иаков имел подслеповатое старческое зрение. Но он не случайно положил правую руку на голову Ефрема. Ибо Иаков сложил руки крестообразно, перенес правую руку на левую. Кроме того, он присваивает Ефрему сразу две доли, как если бы тот уже обладал землею, с которой его ранее согнал голод. Здесь нет ничего разумного, если не господствует вера. Значит, если иудеи хотят что-то из себя представлять, то пусть не хвалятся ничем, кроме веры.

Поклонился на верх жезла. Это одно из мест, дающих возможность предположить, что евреи когда-то не употребляли огласовку. Ведь греческие переводчики не могли бы заблуждаться настолько, чтобы вместо «кровати» перевести «жезл», если бы тогда способ написания был такой же, как сегодня. Нет сомнения, что Моисей говорит здесь об изголовьи кровати: **על ראש המטה**. Греки же, словно было написано *Matthaei*, перевели «верх жезла». И апостол без колебаний приспособливает к своей цели общепринятый перевод. Он писал иудеям, но рассеянными по разным странам и заменившим отеческий язык на греческий. Мы же знаем, что апостолы в этой части не были сильно скрупулезными и не отказывались приспособливаться к

невеждам, еще нуждавшимся в молоке. И здесь нет никакой опасности, лишь бы читатели всегда отсылались к подлинному изначальному варианту Писания. Впрочем, на деле отличие очень небольшое. Ведь поклонение Иакова было символом благодарения. Посему именно вера подвигла его покориться сыну.

22) *Верую Иосиф.* Последнее, что Моисей рассказывает из деяний патриархов, как достойное упоминания. Ведь богатство, удовольствия, почести не подвигли святого мужа забыть обетование, не задержали его в Египте. А это – свидетельство весьма сильной веры. Ибо откуда такое великодушие – презирать все высокое в этом мире, считать за ничто все драгоценное – если не от вознесения на сами небеса? Приказывая же перенести свои кости, Иосиф имел в виду не то, что ему более приятно быть похороненным в Ханаане, нежели в Египте, но лишь хотел усилить желание своего народа, дабы тот пламеннее воздыхал по искуплению. Кроме того, он хотел укрепить веру евреев, дабы те твердо надеялись на грядущее освобождение.

23. *Верую Моисей по рождении три месяца скрываем был родителями своими, ибо видели они, что дитя прекрасно, и не устрашились царского повеления. 24. Верую Моисей, пришед в возраст, отказался называться сыном дочери фараоновой, 25. и лучше захотел страдать с народом Божиим, нежели иметь временное греховное наслаждение, 26. и поношение Христово почел большим для себя богатством, нежели Египетские сокровища; ибо он взирал на воздаяние. 27. Верую оставил он Египет, не убоявшись гнева царского; ибо он, как бы видя Невидимого, был тверд.*

(23. Верую Моисей по рождении три месяца скрываем был родителями своими, ибо видели они, что дитя прекрасно, и не устрашились царского повеления. 24. Верую Моисей, придя в возраст, отказался называться сыном дочери фараоновой, 25. и лучше избрал страдать с народом Божиим, нежели иметь временное греховное наслаждение, 26. и поношение Христово почел большим для себя богатством, нежели Египетские сокровища; ибо он взирал на воздаяние. 27. Верую оставил он Египет, не убоявшись гнева царского; ибо он, как бы видя Невидимого, стал тверд.)

23) *Верую Моисей.* Были и другие, мирские люди, которые не от страха Божия, но лишь из желания сохранить потомство, с большой опасностью спасали своих детей. Однако апостол учит, что родители Моисея были движимы иной причиной к его спасению. А именно: Бог обещал, что некогда, в то время как евреи будут тяготиться рабством, Он явит Свое мщение. И, опираясь на это упование, родители предпочли спасение младенца собственной безопасности. Но, кажется, противно природе веры сказанное апостолом о том, что родителей подвигла красота младенца. Мы знаем, что Иессея упрекнули, когда он подводил своих детей к Самуилу в порядке возрастания их красоты. Действительно, Бог не привлекает нас к внешней личине. Отвечаю: родителей Моисея, когда милосердие подвигло их на спасение младенца, красота привлекла не так, как обычно привлекает других людей. Но в мальчике был запечатлен некий признак будущего превосходства, обещавший в его отношении нечто особенное. Итак, нет сомнения, что родители, лицезрея Моисея, подвиглись к надежде на скорое избавление, уповая, что мальчик предназначен к совершению великих дел.

Далее, большое значение должны иметь для иудеев слова о том, что Моисей, служитель их избавления, сам был чудесно избавлен от смерти благодеянием веры. Однако надо отметить: вера, которая здесь восхваляется, была весьма слабой. В то время как родители, отложив страх перед смертью, должны были воспитывать Моисея, они выставляют его в корзине. Итак, ясно, что их вера не только колебалась, но и вскорости пала. По крайней мере, они не исполнили свой долг, бросив младенца на берегу реки. Но мы тем более должны воодушевиться, слыша о том, что вера, хоть и немощная, настолько понравилась Богу, что сохранила Моисею жизнь, от которой зависело избавление Церкви.

24) *Верую Моисей, придя в возраст.* Пример Моисея более всех прочих достопамятен для иудеев. Ведь его рукою они были избавлены от рабства, с ними обновился завет Божий, и по обнародовании закона установлен статус их Церкви. Поскольку же в Моисее прежде всего достойна внимания вера, будет весьма глупо, если он уведет их куда-то в сторону от веры. Отсюда следует: плохо преуспевают в законе все те, кого закон не направляет к вере.

Теперь следует посмотреть, на каких именно примерах апостол проповедует веру Моисея. Первой по порядку он упоминает о той его добродетели, что, уже будучи взрослым, Моисей презрел усыновление дочерью фараона. Апостол указывает на его возраст, ибо, если бы он сделал это мальчиком, его поступок можно было бы отнести к невежеству или легкомыслию. Поскольку в мальчиках еще нет здравомыслия и разума, они необдуманно кидаются в любую сторону. Да и подростков несмысленная пылкость часто бросает туда сюда. Значит, дабы мы знали, что все было сделано обдуманно, и что Моисей размышлял об этом уже немало времени, апостол и сообщает нам о его зрелом возрасте, что также ясно из самой истории. Далее, говорится, что Моисей презрел усыновление, поскольку, посещая своих братьев, стремясь им помочь и отомстить за их обиды, он понуждался всем этим вернуться к своему народу, а не оставаться в покоях царя. Значит, все это привело к тому, что отречение Моисея было как бы добровольным. И апостол приписывает это вере. Ведь для него много выгоднее было оставаться в Египте, не будь он убежден в благословении рода Авраама, о чем свидетельствовало одно лишь божественное обетование. Глаза же его не

видели ничего похожего. Отсюда явствует: вера есть видение того, что значительно удалено от нашего зрения.

26) *И поношение Христово почел большим для себя богатством.* Это выражение следует тщательно обдумать. Оно учит нас: как от смертельного яда надо бежать от всего достижимого лишь с помощью оскорбления Бога. Ибо *греховным наслаждением* апостол называет все прельщения мира, уводящие нас от Бога и Его призвания. К их числу не относятся удобства земной жизни, коими позволительно пользоваться с доброй совестью и с разрешения Божия. Посему будем уметь всегда различать то, что нам позволил Бог. Есть вещи, позволительные сами по себе, употребление которых нам запрещают обстоятельства места, времени или чего-то еще. Посему при всех удобствах настоящей жизни надо всегда следить за тем, чтобы они помогали, а не мешали нам следовать за Богом. Временным же греховным наслаждением апостол зовет то, которое быстро исчезает одновременно с самой жизнью. Ему он противопоставляет поношение Христово, которое все благочестивые должны добровольно на себя взвалить. Ведь тех, кого Бог избрал, Он также и предопределил быть подобными образу Его Сына, не для того, чтобы упражнять их всех крестом или такими же поношениями, но потому, что все должны быть готовы не отказываться разделить со Христом Его крест. Итак, пусть каждый подумает про себя, насколько призван он к этому соучастию, дабы суметь отбросить все помехи.

Не стоит умалчивать и о том, что к поношениям Христовым апостол причисляет все оскорбления, которые верующие перенесли от начала мира. Ведь, будучи с нами членами одного тела, они не имеют ничего отдельно от нас. И как все скорби являются возмездием за грехи, так же они являются и плодами проклятия, наложенного на первого человека. Но любые беззакония, которые мы терпим от нечестивых во имя Христово, Сам Он принимает за Свои. Поэтому Павел и хвалится, что восполняет недостающее Христовым страстям. И если бы мы правильно обдумали все сказанное, то страдать за Христа не было бы для нас таким уж тягостным и скорбным делом. И апостол еще яснее говорит о том, что именно означает поношение Христово во фразе: страдать с народом Божиим. Моисей не мог бы исповедать себя одним из народа Божия, если бы не стал участвовать в его скорбях. Значит, там, где наша цель – не отдаляться от тела Церкви, все, что мы переносим, освящено именем нашего Главы. Так и напротив, сокровищами Египта апостол называет те, которыми можно завладеть, лишь отрекаясь от Церкви.

Ибо он взирал на воздаяние. То, что великодушие Моисея было следствием его веры, апостол доказывает из следующего: Моисей твердо устремил свой взор на божественные обетования. Ибо он не надеялся бы на лучшее положение с израильским народом, нежели с египтянами, если бы не опирался на одно лишь обетование. Далее, если кто-то выведет отсюда, что вера основывается не только на милосердии Божиим, поскольку взирает на воздаяние, отвечаю: здесь не идет речь о праведности или причине спасения. Но апостол обобщенно указывает на все, свойственное вере. Значит, поскольку у Бога надо искать праведности, верующие взирают не на воздаяние, а на незаслуженную благодать Божию, не на свои дела, а на одного лишь Христа. Но вера, рассматриваемая не как причина оправдания, поскольку простирается на все Слово Божие, также взирает и на обещанное воздаяние. Верую мы принимаем все обещанное Богом. Но Бог обещал воздаяние за дела. Значит, вера принимает и это обетование. Однако все это не имеет места в качестве причины незаслуженного оправдания, поскольку нельзя надеяться на воздаяние за дела, если ему не предшествует незаслуженное вменение праведности.

27) *Верую оставил он Египет.* Это можно отнести как к первому исходу, так и ко второму, когда он увел вместе с собой народ. Ибо Моисей тогда оставил Египет в собственном смысле, когда убежал из дома фараона. Сюда же относится и то, что апостол упоминает об исходе, как о предшествующем празднованию Пасхи. Итак, кажется, что говорится именно о бегстве самого Моисея. Этому не мешает фраза «не убоявшись гнева царского», поскольку сам Моисей рассказывает о том, что его подталкивал страх. Ведь если посмотреть на начало, то Моисей не испугался, объявляя себя мстителем за народ. Однако, взвесив все, я предпочел бы отнести сказанное ко второму исходу. Ибо тогда Моисей бестрепетно презрел ярость царя, вооруженный такой силою Божией, что и сам стал как бы дразнить этого свирепого зверя. Действительно, в том проявилась чудесная сила веры: влача за собой множество немощных людей, отягощенный бесчисленными помехами, Моисей надеялся на то, что десница Божия проложит ему дорогу среди стольких трудностей. Он видел бессильную ярость самого могущественного царя, знал, что тот не остановится, доколе не испробует все средства. Однако, зная, что автором его предприятия является Бог, он доверяет Ему исход дела, не сомневаясь в том, что отразит все временные нападки египтян.

Как бы видя Невидимого. Но Моисей видел Бога посреди горящего куста. Посему сказанное кажется неуместным и мало подходящим настоящему случаю. Признаюсь, что данное видение утвердило Моисея прежде, чем он приступил к славному делу освобождения народа. Но я отрицаю, что это означало лицезрение Бога, отрешившего Моисея от плотских чувств и вознесшего над опасностями мира сего. Тогда Бог показал ему лишь знак Своего присутствия, а это далеко не то же самое, что увидеть Бога так, как Он есть. Апостол же хочет сказать, что Бог укрепил Моисея не иначе как если бы, вознесшись на небо, он видел пред собой одного лишь Бога, не имел дела с людьми, не подвергал опасностям жизнь и не шел на битву с фараоном. Однако, несомненно, Моисея обступили такие трудности, что он мог бы порою думать, будто Бог

находится от него далеко, или же, что, в конце концов, победит гордыня царя, подкреплённая столь мощными средствами к противодействию.

Наконец, Бог явил Себя Моисею таким образом, что все же оставил место для его веры. И Моисей, испытывая со всех сторон многочисленные страхи, обратил все свои чувства к Богу. В упомянутом нами видении для Моисея открылся доступ к Богу, но все же он увидел в Нем много больше того, что нес в себе этот видимый символ. Ибо он постиг его силу, рассеявшую все его страхи и устранившую все колебания. И, опираясь на обетование, Моисей твердо постановил: народ будет обладать обещанной землею, хотя страдает сейчас от тирании египтян. Отсюда мы выводим: истинная природа веры – всегда иметь перед глазами Бога. Во-вторых, вера наша видит в Боге нечто более возвышенное и сокрытое, недоступное постижению посредством наших чувств. В-третьих, одного лишь взгляда на Бога достаточно, чтобы укрепить нас в наших немощах, дабы мы стали прочнее камня, отражая нападки сатаны. Отсюда следует: чем слабее и менее мужествен кто-либо, тем меньше он имеет веры.

28. Верою совершил он пасху и пролитие крови, дабы истребитель первенцев не коснулся их. 29. Верою перешли они Чермное море, как по суше, – на что покусившись, Египтяне потонули. 30. Верою пали стены Иерихонские по семидневном обхождении. 31. Верою Раав блудница, с миром принявши соглядатаев (и проводивши их другим путем), не погибла с неверными.

(28. Верою совершил он Пасху и окропление кровью, дабы истребитель первенцев не коснулся их. 29. Верою перешли они Чермное море, как по суше, – на что покусившись, Египтяне потонули. 30. Верою пали стены Иерихонские по семидневном обхождении. 31. Верою Раав блудница, с миром приняв соглядатаев, не погибла с неверными.)

28) *Верою совершил он пасху.* Это немало должно было возвеличить веру перед иудеями, для которых Пасха была главной и самой достопоклоняемой жертвой. Далее, апостол говорит, что Пасха совершалась верою не потому, что этот агнец был образом Христа, а потому что после окропления кровью еще не был виден успех предприятия. Посему там, где еще сокрыта истина, с необходимостью должно быть терпение веры. Больше того, может показаться смешным, что Моисей противопоставил мщению Божию несколько капель крови. Но, довольствуясь одним лишь Словом Божиим, он не усомнился, что народ будет избавлен от грозившей египтянам язвы. Отсюда апостол заслуженно расхваливает его веру. Те же, кто совершение Пасхи верою толкует так, словно Моисей взирал тогда на Христа, в принципе правы. Но апостол упоминает о вере просто потому, что там, где не видно самой вещи, она взирает на одного лишь Бога. Посему в этом месте неуместно пускаться в утонченные философствования. Причина же того, что апостол говорит о совершении Пасхи одним Моисеем, заключается в следующем: Бог установил Пасху именно через его служение.

29) *Верою перешли.* Несомненно, что многие в этой толпе были неверующими. Но Господь из-за веры меньшинства сделал так, что все это множество людей прошло через море словно по суше. Ведь в этом деле имеется большое различие между израильтянами и египтянами, состоящее в том, что одни прошли невредимыми, а другие потонули. Откуда же это различие, если не оттого, что первые приняли Слово Божие, которого были лишены вторые. Итак, апостол, говоря о потоплении египтян, доказывает от противного. Ибо их несчастная участь была карой за дерзость. В то время как израильтяне, наоборот, достигли спасения за то, что, опираясь на Слово Божие, не отказались пройти среди морской пучины.

30) *Верою пали стены Иерихонские.* Прежде рассказав о том, как верою было сброшено ярмо рабства, апостол упоминает теперь, что той же верою народ вошел в обладание обещанным наследием. Ибо, вступив на свою землю, первое, что встретили евреи, был город Иерихон, укрепленный, почти неприступный, мешавший их дальнейшему продвижению, в то время как не существовало способа его взять. Господь заповедал, чтобы раз в день все мужи, способные носить оружие, обходили его стены, а в седьмой день обошли бы их семь раз. Данный обход был воистину детским и издевательским предприятием. Но иудеи, тем не менее, повиновались заповеди Божией и не стали над ней шутить. И обещанное им было в точности исполнено. Несомненно, что ни людской крик, ни шум, ни трубный звук не могли сокрушить стены. Их сокрушила надежда народа на то, что Господь исполнит обещанное. Сказанное можно приспособить и к нашей пользе, поскольку только верою мы утверждаемся в свободе от тирании сатаны и той же верою сокрушаем наших врагов со всеми бастионами ада.

31) *Верою Раав.* Хотя, на первый взгляд, кажется, что этот пример не столь выразителен из-за недостойности лица, о котором идет речь, что его вовсе неуместно приводить в одном ряду с другими, все же апостол не без причины упоминает об этом случае. До сих пор он показывал, как патриархи, которым иудеи воздавали наибольший почет, делали что-либо достойное похвалы только по вере, и что все достопамятные благодеяния Божии к ним были следствием той же веры. Теперь же он учит, что чужеземная женщина, занимавшая среди своих не только низшее положение, но и являвшаяся блудницей, верою сумела привиться к телу Церкви. Отсюда следует: те, кто выделяется больше остальных, ничего не стоят в глазах Бога, если не имеют веры. И, наоборот, к сообществу ангелов причисляются те, кто едва находил место даже среди отверженных и безбожных.

Далее, веру Раав засвидетельствовал также Иаков (2:25). И из самой священной истории легко заключить, что эта женщина была наделена истинной верой. Она была твердо уверена в том, что обещал ей Бог Израиля. И словно те, кого от вхождения в пределы земли удерживал страх, уже были победителями, попросила пощадить себя и своих домашних. В этом деле она смотрела на Бога, а не на людей. И свидетельство ее веры в том, что не без угрозы для жизни она принимает в гости соглядатаев. Значит, по благодетельству веры Раав была избавлена от общей гибели всех горожан. Слово же «блудница» помещено здесь для большего подчеркивания божественной благодати. Некоторые **זונה** переводят как «странноприимца», словно она получала доход от содержания постоялого двора. Но поскольку Писание везде означает этим словом блудницу, нет причин понимать его здесь в ином смысле. Раввины сочли глупым и постыдным для собственного народа говорить, что его соглядатаи воспользовались гостеприимством блудницы. Поэтому они придумали этот натянутый перевод. Однако страх их напрасен. Ведь в истории Иисуса Навина слово **זונה** специально вставлено для того, чтобы мы знали: соглядатаи тайно проникли в город Иерихон, скрываясь там в доме блудницы. Хотя сказанное несомненно относится лишь к предшествующей жизни Раав. Ибо вера – свидетельница покаяния.

32. И что еще скажу? Недостанет мне времени, чтобы повествовать о Гедеоне, о Вараке, о Самсоне и Иеффаях, о Давиде, Самуиле и (других) пророках, 33. которые верою побеждали царства, творили правду, получали обетования, заграждали уста львов, 34. угащали силу огня, избегали острия меча, укреплялись от немощи, были крепки на войне, прогоняли полки чужих;

(32. И что еще скажу? Недостанет мне времени, чтобы повествовать о Гедеоне, о Вараке, о Самсоне и Иеффаях, о Давиде, Самуиле и пророках, 33. которые верою побеждали царства, творили правду, получали обетования, заграждали уста львов, 34. угащали силу огня, избегали острия меча, укреплялись от немощи, были стойки на войне, прогоняли полки чужих;)

32) *И что еще скажу?* Поскольку можно было опасаться, как бы, приводя отдельные примеры, не приписать похвалу за веру лишь немногим, апостол упреждает эту опасность, говоря: не будет конца его речи, если он станет рассказывать про всех. Ибо то, что сказано о немногих, относится ко всей Церкви Божией. Во-первых, он упоминает о промежуточном времени между Иисусом и Давидом, когда Господь поставлял судей для управления народом. Такими были четыре упомянутых им человека: Гедеон, Варак, Самсон и Иеффай. Действительно, смешно, что Гедеон с тремьями человек выступил против огромного войска врагов. А трясти в руках сосуды – более чем пустая угроза. Варак также имел с врагом неравные силы, и, однако, положился на совет одной женщины. Самсон – простой крестьянин, упражнявшийся ранее лишь в возделывании земли. Что же мог он противопоставить столь горделивым победителям, силе которых покорился весь народ? Кто не осудил бы за дерзость Иеффая, назвавшего себя мстителем за уже оплаканных людей? Но поскольку все они следовали за Богом и принимались за порученное им дело, воодушевленные Его обетованием, их восхваляет Сам Святой Дух. Значит, все, что они сделали похвального, апостол приписывает вере, хотя среди них не было ни одного, чья вера никогда не колебалась. Гедеон с большим промедлением, чем положено, взялся за оружие и лишь с большим трудом решился довериться Богу. Варак вначале испугался, нуждаясь в том, чтобы Девора почти что принудила его своими попреками. Самсон, побежденный лестью наложницы, необдуманно пожертвовал спасением народа и собственной жизнью. Иеффай, поспешно дав глупый обет, был слишком упорен в его исполнении, обезобразив прекрасную победу жестоким убийством дочери. Таким образом, во всех святых всегда можно найти нечто достойное упрека. Однако вера, даже половинчатая и несовершенная, не перестает нравиться Богу. Посему нас не должны ввергать в отчаяние наши пороки, если верою мы продолжаем следовать своему призванию.

О Давиде. В лице Давида разумеются все благочестивые цари, к которым апостол присоединяет Самуила и пророков. Посему в итоге он учит следующему: иудейское царство было основано на вере и верою же стояло до своего последнего дня. В народе были широко известны многочисленные победы Давида над врагами. Известным было целомудрие Самуила, его добродетель в управлении народом. Известными были благодеяния Божии, коими Он одарил святых пророков и царей. Апостол же утверждает, что все вышеперечисленное следует приписывать вере. Далее, из множества благодеяний Божиих апостол приводит лишь некоторые, дабы из них иудеи смогли сделать общий вывод: подобно тому, как Церковь всегда сохранялась десницей Божией через веру, так и сегодня лишь из-за веры мы можем ощутить Его благоволение к нам. Давид всякий раз возвращался домой победителем, Езекия поправился от болезни, Даниил спасся из ямы со львами и вышел невредимым, его спутники радостно ходили в горящем пламени, словно по орошенному лугу. И если вера была причиной всего этого, надо признать: только верою Богу дается возможность проявить к нам милосердие. Особенно надо отметить ту фразу, где говорится, что верою достигаются обетования. Хотя Бог и пребывает истинным, даже если все мы неверны, но неверие делает обетования недействительными для нас, то есть, лишенными последствий.

34) *Укреплялись от немощи.* Златоуст относит сказанное к другому: к тому, что иудеев возвратили из изгнания, где они находились как бы в безнадежном положении. Меня же вполне устраивает отнести эту фразу к Церкви. Хотя ее можно распространить и дальше: Господь Собственной десницей поднимает святых всякий раз как они оказываются ниспровергнутыми, и помогает их немощи, наделяя полнотою силы.

35. жены получали умерших своих воскресшими; иные же замучены были, не принявши освобождения, дабы получить лучшее воскресение; 36. другие испытали поругание и побои, а также узы и темницу, 37. были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке, умирали от меча, скитались в милотях и козых кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; 38. те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыне и горам, по пещерам и ущельям земли. 39. И все сии, свидетельствованные в вере, не получили обещанного, 40. потому что Бог предусмотрел о нас нечто лучшее, дабы они не без нас достигли совершенства.

(35. жены получали умерших своих через воскресение; иные же замучены были, не приняв искупления, дабы получить лучшее воскресение; 36. другие испытали поругание и побои, а также узы и темницу, 37. были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке, умирали от меча, скитались в овечьих шкурах и козых кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; 38. те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыне и горам, по пещерам и ущельям земли. 39. И все сии, свидетельствованные в вере, не получили обещанного, 40. потому что Бог предусмотрел о нас нечто лучшее, дабы они не без нас достигли совершенства.)

35) Жены получали. Недавно апостол говорил о благополучии и успехах, которыми Бог вознаграждал веру Своих людей. Теперь же он рассматривает другой довод. А именно: святые, даже испытывая любые, самые крайние скорби, продолжали бороться своей верою, оставаясь несломленными до самой смерти. На первый взгляд, то, что одни торжествуют над побежденными врагами, сохраняются Господом посредством разных чудес, избавляются новыми и необычными способами от неминуемой смерти, а другие испытывают поношения, презираются всем миром, страдают от нищеты, ненавистны для всех, вынуждены скрываться в пещерах зверей, ведомы на жестокие и зверские казни, – вещи совершенно разные. Ведь эти, последние, похоже, совершенно лишены помощи Бога, предающего их гордыне и жестокости безбожников. Итак, представляется, что они сильно отличаются от первых. Однако и в тех, и в других царит вера, будучи в них одинаково действенной. Причем, во вторых сила ее проявляется яснее. Ведь от презрения к смерти победа веры становится более яркой, чем даже, если жизнь продлевается на пять столетий. И выносить поношения, нищету, крайние скорби спокойно и с постоянством, – более величественное следствие веры, достойное большей похвалы, нежели чудесным образом обрести здоровье или получить другое благоденствие Божие. Итог таков: мужество святых, сиявшее во все века – это плод веры. И немощь наша настолько велика, что мы не смогли бы преодолевать невзгоды, если бы нас не поддерживала вера.

Отсюда мы выводим: все истинно уповающие на Бога наделены нужной силой к сопротивлению, какими бы способами на них ни нападал сатана. Если присутствует вера, терпение никогда не оставит нас, особенно при перенесении бед. Посему там, где в гонениях и несении креста мы ослабеваем, обличается наше неверие. Ведь и сегодня природа веры та же самая, как и некогда в святых отцах, которых восхваляет апостол. Так что, если бы мы подражали их вере, то никогда бы не падали столь постыдно из-за собственной вялости.

В переводе же слова *ἐτυμπαίνοντο* я следовал Эразму. Хотя другие переводят: были бросаемы в темницу. Но, на мой взгляд, проще понять так, что их растягивали, подобно тому, как кожу натягивают на тимпан. Говоря же, что их пытали, апостол, кажется, добавляет излишнее. Не сомневаюсь, что схожесть двух слов – *ἐπρίσθησαν* и *ἐτεπράσθησαν* – послужила причиной того, что второе слово, необоснованно добавленное неким неопытным читателем, постепенно вползло в сам текст. Так предполагает и сам Эразм. Под овечьими же и козьими шкурами, думаю, означаются не столько шатры, делаемые из шкур, сколько дешевые и грубые одеяния, в которые набожные облачались, убягая в пустыню.

Хотя говорят, что Иеремия был побит камнями, а Исаия распилен, и священная история рассказывает, что Илия, Елисей и прочие пророки скитались по горам и пещерам, не сомневаюсь, что апостол имеет в виду те жестокие гонения, которыми грозил народу и позже воплотил в жизнь царь Антиох.

Не получили обещанного. Уместно сказано. Ибо им, казалось, надо было продлить свою недолгую жизнь через отречение от Бога. Однако такая цена была чрезмерно высокой. Значит, дабы вечно жить на небесах, они отвергли жизнь на земле, которая стоила бы им слишком дорого. А именно: отречением от Бога и оставлением своего призвания. Мы слышим, что говорит Христос: если желаем сохранить свои души в этом мире, то навечно их погубим. Посему, если истинная любовь к будущему воскресению занимает место в наших сердцах, она легко внушит нам презрение к смерти. Действительно, жить надо не иначе как для Бога. И как только жить для Бога становится непозволительно, мы охотно, без сопротивления должны просить о смерти. Далее, этим предложением апостол подтверждает сказанное ранее: все мучения святые преодолевают верою. Ибо если бы души их не удерживала надежда на блаженное воскресение, они тут же пали бы духом. Отсюда, кроме того, можно вывести полезное увещание, укрепляющее нас в беде. Не надо отказываться от того, чтобы Господь соединил нас со столькими святыми мужами, которых, как мы знаем, упражняли и мучили многочисленные скорби. И здесь нам рассказывается не о бедствиях немногих, а о всеобщем гонении Церкви. Причем продолжающемся не один или два года, а длящемся порой от дедов до внуков. Посему ничего удивительного в том, если Богу угодно проверить сегодня нашу веру такими же

испытаниями. И не следует думать, что мы покинуты Тем, Кто заботился о святых отцах, переносивших то же самое, что и мы.

38) *Которых весь мир не был достоин.* Поскольку святые пророки, будучи изгнаны, скитались среди зверей, могло показаться, что они не были достойны ходить по этой земле. Ибо кто еще не может найти себе места среди людей? Но апостол обращает все в другую сторону: сам мир не оказался их достоин. Ведь, куда бы ни пошли рабы Божии, они несли с собой Его благословение, подобно аромату благовоний. Так дом Потифара получил благословение ради Иосифа. Да и Содом оказался бы спасенным, если бы в нем нашлось десять достойных мужей. Итак, как бы ни отвергал мир рабов Божиих, словно какие-то отбросы, то, что он не мог их выносить, надо вменить ему в наказание. Ведь вместе с ними в мире пребывало какое-то благословение Божие. Посему, всякий раз как праведники берутся из среды, будем видеть в этом дурное предвестие. Ибо мы оказались недостойны жить вместе с ними, дабы они не погибли вместе с нами.

Между тем, благочестивые черпают повод для великого утешения, когда мир отвергает их словно нечистоты. Ведь они знают, что то же самое происходило с пророками, к которым дикие звери проявили больше милосердия, чем люди. Этой мыслью подкреплял себя Иларию, видя, как над Церковью властвовали кровавые тираны, пользовавшиеся римским императором, как своим палачом. Этот святой муж вспоминал тогда о том, что говорит здесь о пророках апостол: горы и леса, озера и темницы безопаснее для меня блеска храмов; ведь пророки, живя или спасаясь среди них, пророчествовали Духом Божиим. Так и нам надлежит воодушевиться и бестрепетно презирать мир. Если же он извергает нас, будем знать, что бежим от губительного урагана, и Бог заботится о нашем спасении, не позволяя подвергнуться одинаковой с ним гибели.

39) *И все сии.* Доказательство от меньшего к большему. Ведь если те, которым еще не воссиял подобный свет благодати, отличались таким постоянством в перенесении невзгод, то что же должен сделать с нами яркий свет Евангелия? Их вела на небеса слабая искорка света. Нам же воссияло солнце праведности. И как же мы станем оправдываться, если, несмотря на это, будем прилепляться к земному? Таков подлинный смысл слов апостола.

Знаю, что Златоуст и некоторые другие толкуют сказанное иначе. Но контекст речи легко показывает: здесь отмечается различие благодати, которую Бог давал верующим во время закона, и которой удостоивает нас сейчас. Поскольку на нас благодать излита много обильнее, было бы весьма глупым, если вера наша оказалась слабее. Итак, апостол говорит: эти отцы, наделенные столь великой верой, еще не имели такой обильный повод для веры, какой имеем мы. И сразу же приводит причину: Бог восхотел соединить нас всех в одном теле. Поэтому Он и дал им небольшую толику благодати, дабы на наше время, то есть – на пришествие Христово, отложить ее полноту. Редкое свидетельство благоволения к нам Бога. Хотя Он от начала мира являл Себя щедрым к Своим детям, но все же так приспособливал Свою благодать, чтобы помогать спасению всего тела.

Чего же большего может желать каждый из нас, нежели того, чтобы во всех благодеяниях, данных Богом Аврааму, Моисею, Давиду и всем патриархам, пророкам и благочестивым царям, о нем имелось особое промышление, сочленяющее его с ними в единое тело Христово? Итак, будем знать: мы вдвойне или втройне неблагодарны по отношению к Богу, если в Царстве Христовом у нас будет меньше веры, нежели имели отцы во времена закона, доказав ее великими примерами терпения. Говоря же, что отцы еще не получили обетованного, апостол имеет в виду последний его итог, явленный нам во Христе. О чем ранее уже было кое-что сказано.

Глава 12

1. Посему и мы, имея вокруг себя такое облако свидетелей, свергнем с себя всякое бремя и запинаящий нас грех, и с терпением будем проходить предлежащее нам поприще, 2. взирая на начальника и совершителя веры, Иисуса, Который, вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление, и воссел одесную престола Божия. 3. Помыслите о Претерпевшем такое над Собою поругание от грешников, чтобы вам не изнемочь и не ослабеть душами вашими.

(1. Посему и мы, имея вокруг себя такое облако свидетелей, свергнув с себя всякое бремя и окружающий нас грех, с терпением будем проходить предлежащее нам поприще, 2. взирая на начальника и совершителя веры, Иисуса, Который, за предлежавшую Ему радость, претерпел крест, пренебрегши посрамление, и воссел одесную престола Божия. 3. Помыслите, кто был Тот, Который претерпел такое над Собою поругание от грешников, чтобы вам не изнемочь, ослабев в душах ваших.)

1) *Посему и мы.* Этот вывод – как бы эпилог предыдущей главы, где апостол показывает, зачем приводил список святых, вера которых выделялась во времена закона. А именно: чтобы каждый приготовился подражать их жизни. Их огромное множество он метафорически зовет облаком. Ибо плотное противопоставляется разреженному. Даже если бы они были немногочисленны, то, все равно, примером своим должны были нас воодушевить. Но лицезрение столь огромного их сонма должно побуждать нас еще сильнее. Кроме того, апостол говорит: нас окружает такое их множество, что, куда бы мы ни обратили взор,

везде замечаем многочисленные примеры веры. Слово «свидетели» я понимаю не в общем смысле, так, словно апостол назвал их мучениками Божиими, но отношу к настоящей теме. Апостол как бы говорит: их свидетельство достаточно подтвердило для нас веру. Так что уже не следует колебаться. Ибо добродетели святых – как бы укрепляющие нас свидетельства, дабы, опираясь на их водительство и соучастие, мы еще пламеннее устремились к Богу.

Свергнем с себя всякое бремя. Поскольку апостол ссылается на схожесть нашего поприща, он велит нам быть столь же легкими на подъем. Ибо поспешанию более всего противен тяготящий нас груз. Далее, имеются разные виды бремени, задерживающие наше духовное продвижение: любовь к настоящей жизни, мирские наслаждения, похоти плоти, земные заботы, богатства, почести, и тому подобное. Итак, всякий желающий бежать на поприще Христовом, во-первых, должен избавиться от всевозможных помех. Ведь мы уже и так более чем медлительны. Однако нам приказывают отказаться от богатства или других удобств жизни лишь постольку, поскольку они замедляют наш бег. Ибо сатана удерживает ими нас словно силками. Далее, метафора поприща достаточно часто встречается в Писании. Здесь же она означает не любое поприще, а соревновательное, обычно обостряющее усердие участников. Итог таков: мы вступили на поприще, и притом величайшее, нас отовсюду окружают многочисленные зрители, а председательствует Сам Сын Божий, призывающий и ободряющий нас к обретению награды. Значит, будет весьма стыдно, если мы ослабеем и остановимся посередине пути. Хотя упомянутые апостолом святые мужи – не только зрители, но и участники того же поприща, бегущие впереди нас и указующие нам дорогу. Однако он предпочел назвать их зрителями, а не бегунами, давая понять, что они не ревнуют и не пытаются похитить у нас награду, но, скорее, поддерживают нас, аплодируя и поздравляя с победой. Да и Христос не только судья на этом поприще, но и протягивает нам руку, придавая силы и стойкость. Наконец, Он приготавливает нас к началу поприща, делая способными к нему, и силой Своей доводит до указанного рубежа.

Запинающий нас грех. Тяжелейшее мешающее нам бремя. Апостол говорит, что мы запутались в грехе, давая понять, что никто не способен к бегу, пока не избавится от его силков. Он говорит не о внешних или актуальных грехах, но о самом источнике греха, то есть похоти, которая сидит во всех частях нашего существа настолько, что мы везде чувствуем ее сети.

С терпением. Сказанное учит тому главному, что апостол велит нам усматривать в вере. А именно: мы должны духом искать Царство Божие, невидимое для плоти и превосходящее все наши чувства. Ведь тот, кто занят подобными помыслами, легко презрит все земное. И апостол не мог более действенно отвадить иудеев от их обрядов, нежели призвав к истинным упражнениям веры, из которых они научились бы, что Царство Христово духовно и много выше стихий мира сего.

2) *Вместо предлежавшей Ему радости.* Хотя латинское выражение содержит в себе некоторую двойственность, в греческом тексте мысль апостола совершенно ясна. Он хочет сказать следующее: Христос имел полное право избавить Себя от всякой скорби, вести счастливую, изобилующую удобствами жизнь, но Сам добровольно пошел на горькую смерть, исполненную всяческого позора. Ведь «за радость» означает то же, что и «вместо радости», а радость охватывает здесь все виды удобств. Апостол называет радость «предлежавшей», поскольку она находилась в руках Христа, и если бы Он восхотел, то имел бы возможность воспользоваться ею. Хотя, если кто слово *anti* сочтет означающим целевую причину, я не стану возражать. Тогда смысл будет таков: Христос не отказался от крестной смерти, поскольку видел ее счастливый исход. Однако я предпочел бы первое толкование.

Далее, апостол дважды хвалит перед нами терпение Христово: за то, что Он перенес тягчайшую смерть, и за то, что презрел поношение. Затем, он указывает на славную цель смерти Христовой, дабы верующие знали: все переносимые ими страдания послужат во спасение и славу, лишь бы они следовали за Христом. Так же говорит Иаков (Иак.5:11): вы слышали о терпении Иова, и знаете его конец. Итак, апостол хочет сказать, что скорби наши возымеют тот же конец, который мы видим на примере Христа. Согласно речению Павла: если состраждем, то и царствовать будем вместе с Ним (Рим.8:17).

3) *Помыслите о Претерпевшем.* Апостол усиливает увещание, сравнивая Христа с нами. Ведь если Сын Божий, Которого всем надлежало чтить, добровольно пошел на столь суровое поприще, то кто из нас дерзнет отказаться подвергнуться тому же, что и Он? Одного этого соображения достаточно для преодоления всех искушений, когда мы понимаем, что являемся спутниками Сына Божия, и что Он, будучи неимоверно выше нас, восхотел спуститься до нашего уровня, дабы воодушевить нас Собственным примером. Именно так мы и укрепляем свои души, которые иначе слабеют и ввергаются в отчаяние.

4. *Вы еще не до крови сражались, подвизаясь против греха, 5. и забыли утешение, которое предлагается вам, как сынам: «сын мой! не пренебрегай наказания Господня, и не унывай, когда Он обличает тебя. 6. Ибо Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает». 7. Если вы терпите наказание, то Бог поступает с вами, как с сынами. Ибо есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец? 8. Если же остаетесь без наказания, которое всем обще, то вы – незаконные дети, а не сыны.*

(4. *Вы еще не до крови сражались, подвизаясь против греха, 5. и забыли утешение, которое предлагается вам, как сынам: «сын мой! не пренебрегай наказания Господня, и не унывай, когда Он обличает тебя. 6. Ибо*

Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает». 7. Если вы терпите наказание, то Бог поступает с вами, как с сынами. Ибо есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец? 8. Если же остаётся без наказания, в котором участвуют все, то вы – незаконные дети, а не сыны.)

4) *Еще не до крови.* Апостол идет дальше. Он учит: когда нечестивые преследуют нас из-за имени Христова, мы и тогда сражаемся против греха. И в этой битве Христос не мог принять участие, ибо был чист и свободен от всякого греха. В этом отношении мы на Него не похожи, поскольку в нас всегда обитает грех, для укрощения и истребления которого к нам и приходят скорби. Во-первых, мы знаем: все злое в этом мире происходит от греха, прежде всего, сама смерть. Однако апостол говорит сейчас не об этом, он только учит, что гонения, переносимые нами ради Евангелия, полезны для нас и по другой причине, являясь средством уничтожения греха. Ведь Бог удерживает нас под ярмом дисциплины для того, чтобы наша плоть не распутствовала. Иногда Он обуздывает беснующихся, иногда наказывает наши проступки с той целью, чтобы впоследствии сделать нас осторожнее. Итак, исцеляет ли Он наши пороки, или упреждает возможные грехи, так или иначе Бог упражняет нас в той брани против греха, о которой упоминает апостол. И Сын Божий удостоивает нас столь великой чести, что не вменяет в наказание за грех скорби, переносимые нами ради Его Евангелия. Однако наша задача – понять сказанное апостолом: мы действуем и защищаем от нечестивых дело Христово так, что одновременно ведем войну с грехом, нашим внутренним недругом. Значит, Бог ниспосылает нам двойную благодать, и средства, употребляемые для исцеления наших пороков, направляет на защиту Собственного Евангелия. Будем же помнить, кого здесь понукает апостол. А именно: тех, которые ранее с радостным сердцем рисковали собственным благом и претерпели множество оскорблений. И все же он винит их в лености, ибо, ослабнув посреди поприща, они не готовы бороться до самой смерти. Посему у нас нет причин просить Господа о покое, сколь много бы до этого мы ни трудились. Ведь Христос считает заслужившими награду лишь тех солдат, которые победили саму смерть.

5) *И забыли утешение.* Я читаю это как вопрос. Апостол спрашивает, забыли ли они, имея в виду, что для забвения еще не настало время. Здесь он переходит к той части учения, где говорится о пользе несения креста. Для этого он приводит свидетельство Соломона, состоящее из двух частей. Первая гласит: не следует отвергать исправление Господне. А вторая указывает на причину: Господь наказывает тех, кого любит. Поскольку же во вступительной фразе Соломон обращается к «своим детям», апостол указывает: столь нежное наименование должно обязательно привлечь нас, дабы поучение полностью проникло в наше сердце. Впрочем, довод Соломона следующий: если наказание Божие свидетельствует о Его к нам любви, недостойно гнушаться его или ненавидеть. Ибо более чем неблагодарны должны быть те, кто не терпит наказаний Божиих ради собственного спасения и даже отвергает этот символ Его отеческого благоволения.

6) *Господь, кого любит.* Этот довод кажется неубедительным. Ведь Бог наказывает и избранных, и отверженных. Так что Его бичевания чаще говорят о гневе, нежели о любви. То же самое сообщает нам Писание и подтверждает повседневный опыт. Однако там, где речь обращается к благочестивым, нет ничего странного упомянуть лишь о том виде наказания, который испытывают именно они. Ведь каким бы суровым и разгневанным судьей ни являл Себя Бог, карая отверженных, в отношении избранных Своих Он преследует лишь цель помочь их спасению. Так Он показывает Свою отеческую к ним любовь. Кроме того, отверженные, не зная, что управляются божественной десницей, как правило, считают свои скорби случайными. Подобно тому, как если бы какой непослушный отрок, сбежав из родительского дома, блуждал где-то вдали. Сломленный голодом, холодом и прочими злополучиями, он претерпит справедливое наказание за свою глупость. Собственные скорби научат его, что значит быть послушным и повиноваться отцу. Однако он не признает в случившемся отеческого наказания. Так и нечестивые, оставив неким образом Бога и Его семью, не понимают, что десница Божия продолжает их достигать.

Итак, будем помнить, что в наказаниях мы лишь тогда сможем вкусить божественную к нам любовь, когда полностью убедимся, что все это – отеческие розги, отучающие нас грешить. С отверженными не может произойти ничего подобного, ибо разум их бежит от этой мысли. Сюда же относится и то, что суд должен начаться с дома Божия. Посему, хотя Бог повсеместно наказывает и чужих, и Своих, последним Он являет десницу Свою так, что одновременно выказывает особую о них заботу. И правильное решение таково: всякий, знающий, что наказывается Богом, должен тут же придти к следующему выводу: это происходит потому, что Бог меня любит. Ведь пока верующие ощущают присутствие в своих наказаниях Бога, у них имеется твердый залог Его усыновления. Ибо если бы Он не любил, то не заботился бы об их спасении. Посему апостол заключает: Бог предлагает Себя как отца всем, принимающим Его наказания. А упирающиеся подобно ретивым коням, и упорно сопротивляющиеся, никак не относятся к последним. В итоге апостол учит: исправления Божии – для нас отеческие лишь тогда, когда мы послушно им покоряемся.

7) *Ибо есть ли какой сын.* Апостол рассуждает, ссылаясь на общий людской обычай. Никак не похоже на правду, что дети Божии будут свободны от воспитания крестом. Ведь если среди людей нет никого разумного и здравомыслящего, кто не стал бы наказывать своих детей, ибо без воспитания им нельзя привить добродетель, то тем более Бог, будучи лучшим и мудрейшим из отцов, пренебрежет ли этим столь необходимым средством? Если же кто возразит, что у людей подобные наказания прекращаются, как только

дети достигают зрелого возраста, отвечаю: покуда живем, мы всегда остаемся для Бога детьми. В этом причина, по которой нашей спине всегда подобает терпеть удары розог. Так что апостол справедливо заключает: всякий, желающий свободы от креста, как бы исключает себя из числа детей Божиих. Отсюда следует: мы не достаточно ценим благодеяние усыновления и отвергаем всю благодать Божию, если желаем освободиться от Его розог. И это делают все, кто не выносит скорби со спокойствием. Почему апостол зовет незаконнорожденными, а не чужими тех, кто отвергает исправление? Потому, что обращается к людям, уже вступившим в Церковь. Значит, они – уже дети Божии. Поэтому он хочет сказать, что их исповедание Христа будет ложным и притворным, если они уйдут из-под отеческого воспитания, став, таким образом, незаконнорожденными.

9. Притом, если мы, будучи наказываемы плотскими родителями нашими, боялись их, то не гораздо ли более должны покориться Отцу духов, чтобы жить? 10. Те наказывали нас по своему произволу для немногих дней; а Сей – для пользы, чтобы нам иметь участие в святости Его. 11. Всякое наказание в настоящее время кажется не радостью, а печалью; но после наученным через него доставляет мирный плод праведности.

(9. Если мы, будучи наказываемы плотскими родителями нашими, боялись их, то не гораздо ли более покоримся Отцу духов и будем жить? 10. Те наказывали нас по своему произволу для немногих дней; а Сей – для пользы, чтобы нам иметь участие в святости Его. 11. Всякое наказание в настоящее время кажется не радостью, а печалью; но после наученным доставляет мирный плод праведности.)

9) *Плотскими родителями.* Данное сравнение состоит из многих частей. Первая: если мы настолько почитали отцов, от которых рождены по плоти, что терпели их наказания, то еще больше должны почитать Бога, нашего духовного Отца. Вторая: воспитание, с помощью которого отцы образуют своих детей, полезно лишь для земной жизни. Бог же смотрит много дальше, освящая нас к жизни вечной. Третья: смертные люди наказывают своих детей, как им вздумается. Бог же ограничивает свое наказание наилучшими резонами и наивысшей премудростью, так что все в нем является строго умеренным. Итак, первое различие между Богом и людьми состоит в том, что последние – плотские отцы, а Он – Отец духов. Апостол подчеркивает эту разницу, сравнивая плоть с духом. Но спрашивается, разве Бог не Отец также и нашей плоти? Ибо не напрасно история Иова упоминает сотворение человека среди главных божественных чудес. Посему и с этой стороны имя Отца заслуженно принадлежит Богу. Если мы скажем, что Бог зовется Отцом духов, поскольку один создает и возрождает души без человеческого участия, то можно снова возразить: Павел не напрасно хвалится, что является духовным отцом тех, кого возродил во Христе через Евангелие. Отвечаю: Бог – Отец как души, так и тела, причем, строго говоря, единственный. И это имя, идет ли речь о душе, или о теле, переносится на людей как бы путем уступки. Но поскольку при создании душ Бог не использует человеческий труд, но чудесно обновляет их силою Своего Духа, Он в особом *κατ' ἐξοχήν* смысле зовется Отцом духов.

Говоря «боялись их», апостол указывает на чувство, вложенное в нас от природы: мы почитаем отцов, даже если те сурово с нами обращаются. Говоря, что «мы покоримся Отцу духов», апостол хочет сказать: справедливо отдать Богу ту власть, которую Он имеет над нами по праву Отца. Говоря «и будем жить», апостол указывает на причину или на цель, посему союз «и» надо понимать как «чтобы». Данное место учит нас: нет ничего более пагубного, чем отказываться повиноваться Богу.

10) *Для немногих дней.* Второе усиление смысла: наказания Бога предназначаются для усмирения и умерщвления плоти, дабы обновить нас к небесной жизни. Отсюда явствует: их плод вечен. Но то же самое не следует ожидать от людей, ибо людское воспитание – часть общественного порядка, и посему в собственном смысле относится к настоящей жизни. Отсюда следует: наказания Божии намного полезнее, настолько, насколько духовная святость превосходит телесные удобства.

Если же кто возразит, что долг отцов – наставлять детей в страхе и почитании Божиим, и посему, кажется, что их воспитание не следует относить ко столь краткому времени, отвечаю: это правильно. Но здесь апостол говорит о домостроительстве так, как мы обычно говорим об общественном устройстве. Даже если в задачу гражданских властей входит забота о религии, мы все же говорим, что их долг ограничен целями земной жизни. Ибо иначе нельзя было бы отличить гражданское и земное правление от духовного царства Христова. Далее, то, что наказания Божии зовутся полезными для достижения святости, следует понимать не так, будто они в собственном смысле нас освящают, но так, что они суть вспомоществования для приготовления нас к святости, ибо через них Господь упражняет нас к умерщвлению плоти.

11) *Всякое наказание.* Апостол добавляет это, дабы мы не мерили наказание Божие земными ощущениями. Он учит, что мы подобны детям, страшась розог и по мере сил от них бегущим. Ведь дети из-за своего возраста еще не понимают, сколь розги для них полезны. Итак, увещание апостола направлено к тому, что неправильно оценивать наказания нынешними плотскими мерками. Посему следует обратить внимание на их цель. Таким образом мы и возымеем спокойный плод праведности. Плодом праведности называется

страх Господень и благочестивая святая жизнь, учитель которой – крест. Апостол называет плод мирным,² поскольку мы беспокоимся и трепещем при появлении трудностей. Ибо нас искушает нетерпение, всегда приводящее к волнению. Претерпев же наказание, мы со спокойной душой признаем, сколь полезным для нас было то, что ранее казалось горьким и тягостным.

12. Итак укрепите опустившиеся руки и ослабевшие колена 13. и ходите прямо ногами вашими, дабы хромлющее не совратилось, а лучше исправилось. 14. Старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа. 15. Наблюдайте, чтобы кто не лишился благодати Божией; чтобы какой горький корень, возникнув, не причинил вреда, и чтобы им не осквернились многие; 16. чтобы не было между вами какого блудника, или нечестивца, который бы, как Исав, за одну снедь отказался от своего первородства. 17. Ибо вы знаете, что после того он, желая наследовать благословение, был отвержен; не мог переменить мыслей отца, хотя и просил о том со слезами.

(12. Итак укрепите опустившиеся руки и ослабевшие колени 13. и ходите прямо ногами вашими, дабы хромлющее не совратилось, а лучше исправилось. 14. Старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа. 15. Заботьтесь о том, чтобы кто не отпал от благодати Божией; чтобы какой горький корень, возникнув, не породил смуту, и чтобы им не осквернились многие; 16. чтобы не было между вами какого блудника, или нечестивца, который бы, как Исав, за одну снедь продал свое первородство. 17. Ибо вы знаете, что после того он, желая наследовать благословение, был отвержен; ибо не нашел места для покаяния, хотя и просил о том со слезами.)

12) *Итак укрепите.* Ранее научив тому, что Бог, наказывая нас, тем самым заботится о нашем спасении, апостол, исходя из этого, внушает нам окрыленность. Ибо больше всего нас делает слабыми и приводит в отчаяние то, что, предаваясь ложным фантазиям, мы не вкушаем благодати Божией во время испытаний. Посему больше всего нас способна воодушевить мысль о том, что Бог присутствует с нами, и даже наказывая нас, проявляет о нас заботу. Впрочем, этими словами апостол увещевает не только мужественно переносить скорби, но и учит, что у нас нет причин быть ленивыми и неповоротливыми в исполнении долга. Нам очень хорошо известно, сколь сильно мешает страх перед крестом повиноваться должным образом Богу. Многие охотно исповедовали бы свою веру, но, боясь гонений, скрывают благочестивые устремления своей души. Многие охотно сражались бы ради славы Божией, частным образом и публично защищали справедливое дело, исполняли долг по отношению к Богу и братьям, но, осознавая угрозу от ненависти нечестивых, видя уготованные себе многочисленные скорби, словно со связанными руками остаются праздными. Значит, если однажды устранить в нас этот чрезмерный страх перед крестом и приучить нас к терпению, мы всецело станем сообразны и пригодны к тому, чтобы служить Богу. Итак, именно это и имеет в виду апостол. У вас потому, – говорит он, – опустились руки, потому ослабели колени, что вы не понимаете, каково истинное утешение в выпадающих вам несчастьях. Посему вы и столь медлительны в исполнении своего долга. Теперь же, когда я показал вам, сколь полезно для вас воспитание крестом, это учение должно придать всему вашему существу новую крепость, дабы ваши руки и ноги приготовились окрыленно следовать за божественным призванием.

Далее, кажется, что здесь апостол намекает на место из Исаии (35:3). Там пророк заповедует благочестивым учителям, чтобы они, предлагая людям надежду на милость, укрепляли их дрожащие колени и ослабевшие руки. Апостол же велит это делать всем верующим. Ибо, если таково употребление утешений, предлагаемых нам Господом, то, как служение учителя состоит в воодушевлении Церкви, так и каждый, прилагая лично к себе услышанное учение, воодушевляет и укрепляет самого себя.

13) *И ходите прямо ногами.* До этого апостол учил необходимости опираться на утешения Божии, дабы быть сильными и постоянными в делании добра. Именно это и есть наша опора. Во-вторых, апостол добавляет: мы должны жить благоразумно и держаться правильного курса. Ибо необдуманная пылкость не менее порочна, чем вялость и расслабленность. Хотя рекомендуемая им правильность жизни возникает тогда, когда разум человека, преодолевая все страхи, думает лишь о том, что угодно Богу. Ибо страх более чем талантлив в нахождении всяких отговорок. Значит, подобно тому, как, исполнившись превратным страхом, мы ищем обходных путей, так и, наоборот, всякий, приготовившийся к перенесению зла, идет прямо туда, куда бы его ни призвал Господь, не уклоняясь ни направо, ни налево. В итоге, апостол предписывает нам правило добродетели, состоящее в том, чтобы направлять наши стопы по воле Божией, дабы нас не отвели от нее ни страх, ни прельщения мира сего.

Посему апостол добавляет: *дабы хромлющее не совратилось.* То есть, дабы, хромя, мы не отошли от пути еще дальше. Хромотой он называет то состояние, когда мысли людей переменчивы и не покоряются искренне Богу. Так обращался Илия к тем двоедушным, смешивавшим суеверия с почитанием Бога: до какой поры будете хромать на обе стороны (3Цар.18:21)? И выражение это весьма изящно, ибо много хуже заблуждаться, нежели хромать. Так вот, кто начинает хромать, не сразу совращается с пути, но понемногу все больше и больше от него отходит, доколе, уловившись заблуждением, не увязает, запутавшись, в

---

² Спокойным

лабиринте сатаны. Итак, апостол увещевает нас своевременно стараться излечить собственную хромоту. Ведь если мы станем ей потакать, она еще дальше уведет нас от Бога.

Можно было бы перевести и так: дабы хромота не совратилась и не отступила вконец. Однако смысл останется тем же самым. Ибо апостол хочет сказать: те, кто не придерживается правильного курса, но из-за беспечности позволяют себе понемногу от него отклоняться, с течением времени станут чужими Богу.

14) *Старайтесь иметь мир.* Люди рождаются такими, что каждый из них, кажется, избегает мира. Ибо каждый печется о самом себе, хочет, чтобы его нравы терпели, а ко нравам других не удостаивается приспособиться. Значит, если мы с большим трудом не будем радеть о мире, то никогда его не удержим. Ибо ежедневно происходит много такого, что дает повод для ссор. Вот причина, по которой апостол приказывает усердствовать о мире. Он как бы говорит: надо не только лелеять мир постольку, поскольку это для нас удобно, но и прилагать все усилия для его сохранения между нами. А это может произойти лишь тогда, когда мы забудем многочисленные обиды, и во многих случаях будем друг друга взаимно прощать.

Но поскольку мира с нечестивыми можно добиться лишь с условием согласия с их пороками и преступлениями, апостол тут же добавляет: наряду с миром надо стремиться и к *святости*. Словно расхваливает перед нами мир с тем лишь исключением, чтобы дружба со злыми не осквернила и не испортила нас. Ибо святость собственным образом соотносится с Богом. Посему даже если весь мир должно охватить пламя войны, не следует оставлять святость, служащую узами, соединяющими нас с Богом. Будем же в спокойствии хранить согласие с людьми, но только до алтаря, как говорит народная пословица. Апостол отрицает, что кто-либо без святости может узреть Бога, поскольку мы видим Его лишь очами, обновленными по Его же подобию.

15) *Наблюдайте, чтобы кто (Забойтесь о том).* Или: *Внимательно следя за тем.* Этими словами апостол показывает, сколь склонны люди отпадать от благодати Божией. И он не напрасно требует в этом вопросе внимания. Ибо как только сатана видит нас беспечными и расслабленными, то тут же обводит нас вокруг пальца. Посему, если мы хотим устоять в благодати Божией, нам необходимо сражаться и бодрствовать. Далее, под благодатью, апостол понимает все наше призвание. Если же кто-то выведет отсюда, что, значит, благодать Божия не действительна, если мы от себя не станем с ней сотрудничать, довод будет весьма глупым. Мы знаем, сколь велика леность нашей плоти. Следовательно, она нуждается в постоянных понуканиях. Но, когда Господь понукает нас увещеваниями и ободрениями, Он одновременно затрагивает наши сердца, дабы увещевания не были напрасны и не проходили безрезультатно. Значит, из заповедей и увещеваний не надо выводить, на что способен человек сам по себе, или же, каково свойство свободной воли. Ибо внимание, требуемое апостолом, несомненно есть божественный дар.

Чтобы какой горький корень. Не сомневаюсь, что здесь содержится намек на место из Моисея, Втор.29. Ведь после обнародования закона Моисей учит остерегаться, чтобы какой корень, произрастающий яд и полынь, не пустил ростки в народе Божиим. Затем он истолковывает, что имеет в виду, дабы кто, потакая себе во грехах, и, подобно пьяницам, обостряющим свою жажду, возбуждая собственную похоть, прельстившись собственной безнаказанностью, не стал презирать Бога. И апостол делает теперь то же самое. Он говорит, что, если мы позволим такому корню прорасти дальше, это развратит и испортит многих. Апостол не только приказывает каждому выкорчевать эту заразу из своего сердца, но и запрещает нам позволять ей прорасти среди нас. Невозможно, чтобы эти корни не проникли в Церковь Божию. Ведь с добрыми всегда будет смешаны лицемеры и нечестивцы. Но там, где они поднимают голову, их следует отсечь, дабы, прорастая, они не загубили доброе семя. Горечью апостол называет здесь то, что Моисей называл ядом и полынью. И тот, и другой хотели обозначить ядовитый и смертоносный корень. Итак, поскольку это вид зла столь гибелен, то с тем большим усердием надо мешать ему прорасти и распространяться.

16) *Чтобы не было между вами какого блудника, или нечестивца.* Как ранее апостол увещевал к святости, так и, отваживая слушателей от противоположных скверн, он приводит всего лишь один пример: дабы кто не был блудником. Но тут же от конкретного вида переходит к роду: дабы кто не был нечестивцем. Ибо это понятие в собственном смысле противоположно святости. И Господь призывает нас с той целью, чтобы освятить для послушания Себе. А это происходит тогда, когда мы отрекаемся от мира. Всякий же, угождающий себе в собственной скверне, и время от времени в ней валяющийся, тем самым себя бесчестит. Хотя обобщенно нечестивца можно определить так: это всякий не настолько ценящий благодать Божию, чтобы воздыхать по ней, презирая мир. Поскольку же люди обмирщаются разными способами, то тем более надо стараться не давать сатане даже слабой возможности осквернить нас своею порчей. Подобно тому, как без посвящения нет никакой истинной религии, надо всегда преуспевать в страхе Божиим, умерщвлении плоти и упражнении во всяком благочестии. Как все мы являемся нечестивцами, доколе не будем отделены от мира, так и, валяясь в мирской скверне, отпадаем от благодати освящения.

Как Исав. Этот пример может служить нам в качестве истолкования слова «нечестивец». Ведь Исав, оценив одну единственную похлебку больше, нежели первородство, был тем самым лишен благословения. Значит, нечестивцы – это люди, в которых настолько царит любовь к миру, что они забывают небо. Подобно тому,

как уловленные самомнением, приверженные богатству и деньгам, преданные обжорству, попавшие в сети удовольствий, или никак не заботятся о духовном Царстве Христовом, или ставят его на последнее место. Далее, этот пример весьма подходящ. Ибо, когда Господь желает выразить силу любви, которую испытывает к Своему народу, Он называет перворожденными всех, кого призвал к надежде вечной жизни. Действительно, бесценна честь, которой Он нас удостаивает. И если сравнить с ней все богатства мира, все удобства, почести, удовольствия и все, относящееся в народном мнении к блаженной жизни, то они уподобятся дешевой похлебке. Если же мы настолько ценим почти что ничтожные вещи, то это происходит потому, что порочная похоть затмевает наш взор и делает слепыми. Значит, если мы хотим сохранить за собой место в святилище Божиим, то должны научиться презирать подобную похлебку, коей сатана обычно потчует отверженных.

17) *Желая наследовать благословение.* Вначале Исав почитал продажу первородства за пустяк, словно то была детская игра. Он поздно почувствовал, какой нанес себе вред, лишившись благословения, отданного отцом Иакову. Таким образом, те, кто, уловляясь обольщениями мира сего, отчуждаются от Бога и продают свое спасение, дабы насытиться земными похлебками, не думают о какой-либо потере, более того, хвалят себя, словно в этом случае обретают наивысшее счастье. Господь слишком поздно открывает им глаза, дабы, образумившись лицемерием причиненного себе зла, они поняли тяжесть потери, коей раньше пренебрегали.

Доколе Исав был голоден, он заботился лишь о наполнении собственного желудка. Насытившись, он смеется, считая за дурака своего брата, добровольно лишившего себя еды. Таково недомыслие нечестивых, доколе в них горят дурные желания и буйствует неумеренное веселье. Но затем, они понимают, сколь губительным было для них то, чего они столь жадно хотели. Слово «отвержен» означает то же, как если бы апостол сказал: «получил отказ», или «был отторгнут».

Не мог переменить мыслей. То есть, ни в чем не преуспел или поздно выразил покаяние, даже если со слезами искал благословения, которое утратил по собственной вине. Поскольку всем презрителям благодати Бог возвещает ту же самую угрозу, может возникнуть вопрос: разве не будет никакой надежды на прощение, если, с презрением приняв благодать Божию, кто-то предпочтет ей мир? Отвечаю: таким не полностью отказано в прощении. Их увещевают остерегаться, дабы с ними не произошло того же самого. Действительно, ежедневно можно наблюдать многочисленные примеры строгости Божией, отмещающей за насмешки и издевательства нечестивых людей. Хотя они всегда обещают себе завтрашнее благополучие, Бог частенько забирает их от среды новым и неожиданным видом смерти. Хотя они считают басней все, что слышат о суде Божиим, Бог преследует их так, что они все же вынуждаются признать Его суд. Хотя совесть их все время остается оцепенелой, в отместку за эту оцепенелость они чувствуют потом жестокие мучения. И хотя все перечисленное не происходит со всеми, все же, поскольку имеется такая опасность, апостол заслуженно увещевает всех к предосторожности.

Но возникает другой вопрос: разве покаяние не дает никакой пользы грешнику, его обретшему? Ибо кажется, что апостол именно на это и намекает, говоря, что Исаву никак не помогло собственное раскаяние. Отвечаю: покаяние понимается здесь не как искреннее обращение к Богу, но лишь как страх, которым Господь поражает нечестивых, когда они уже долго наслаждаются своим нечестием. Далее, не удивительно, если этот страх называется бесполезным. Ведь от него не вразумляются, не отвращаются от своих грехов, но лишь мучаются ощущением кары. То же самое надо сказать и о слезах. Всякий раз как грешник начинает стенать, Господь уже готов простить его. И никто не будет искать напрасно милосердие Божие, ибо стучащему отворят. Однако, поскольку слезы Исава принадлежали отчаявшемуся человеку, они не были адресованы Богу. Так нечестивые как бы ни оплакивали свою судьбу, ни жаловались, ни рыдали, все равно не стучат в дверь Божию, поскольку это невозможно без веры. Однако чем острее укоряет их совесть, тем больше ненавидят они Бога и на Него ополчаются. Они хотели бы получить доступ к Богу, но, постигая лишь Его гнев, избегают Его лицемерия. Так мы часто видим, как люди, говорящие в насмешку, что весьма удобно каяться при последнем издыхании, когда доходит до дела, в жестоких мучениях вопиют, что уже нет времени для обретения благодати, что они обрекли себя на погибель, потому что слишком поздно взыскали Бога. Порою они исторгают возгласы: о, если бы, о, пусть бы, – но отчаяние вскоре обрывает все их желания, сдавливая горло и не позволяя продолжать.

18. Вы приступили не к горе, осязаемой и пылающей огнем, не ко тьме и мраку и буре, 18. не к трубному звуку и гласу глаголов, который слышавшие просили, чтобы к ним более не было продолжаемо слово, 29. ибо они не могли стерпеть того, что заповедуемо было: «если и зверь прикоснется к горе, будет побит камнями (или поражен стрелою)»; 21. и столь ужасно было это видение, что и Моисей сказал: «я в страхе и трепете». 22. Но вы приступили к горе Сиону и ко граду Бога живого, к небесному Иерусалиму и тьмам Ангелов, 23. к торжествующему собору и Церкви первенцев, написанных на небесах, и к Судии всех Богу, и к духам праведников, достигших совершенства, 24. и к Ходатаю нового завета Иисусу, и к Крови кропления, говорящей лучше, нежели Авелева.

(18. Вы приступили не к горе, осязаемой и пылающей огнем, не к вихрю и мраку и буре, 18. не к трубному звуку и гласу глаголов, который слышавшие просили, чтобы им не предлагалось слово, 29. ибо они не могли

стерпеть того, что заповедуемо было: «если и зверь прикоснется к горе, будет побит камнями (или поражен стрелою)»; 21. и столь ужасно было это видение, что Моисей сказал: «я в страхе и трепете». 22 Но вы приступили к горе Сиону и ко граду Бога живого, к небесному Иерусалиму, 23 и собранию бесчисленных Ангелов и Церкви первенцев, написанных на небесах, и к Судии всех Богу, и к духам праведников, посвященных, 24 и к Посреднику нового завета Иисусу, говорящему лучшее, нежели кровь Авелева.)

18) *Вы приступили.* Теперь апостол приводит новый довод. Он проповедует величие явленной нам в Евангелии благодати, дабы мы научились почтительно ее принимать. Во-вторых, он расхваливает перед нами ее сладость, приглашая нас полюбить и возжелать эту благодать. И то, и другое апостол дополнительно обосновывает путем сравнения закона с Евангелием. Ведь, чем выше Царство Христово поднимается над устроением Моисея, чем блистательнее наше призвание призвания ветхого народа, тем гнуснее и менее извинительна будет наша неблагодарность, если мы не примем с должной почтительностью предложенное нам благо и не признаем смиренно явленное здесь величие Христово. Затем, поскольку Бог являет Себя нам не в устрашающем виде, как некогда иудеям, но по-дружески, и тепло приглашает нас к Себе, преступление неблагодарности как бы удваивается, если мы добровольно и пламенно не пойдем навстречу этому приглашению. Итак, во-первых, будем помнить, что Евангелие здесь сравнивается с законом. Затем, о том, что в этом сравнении имеются две части: слава Божия ярче явила себя в Евангелии, нежели в законе, и призвание Его сегодня приятно, хотя раньше внушало только страх.

Не к горе, осязаемой. Этот отрывок толкуют по-разному, но я думаю, что здесь земная гора противопоставляется духовной. Сюда же относятся и следующие слова о *пылающем огне, вихре, буре* и прочем. Ибо эти знаки, сотворенные Богом, чтобы внушить доверие и почтение к Своему закону, если рассматривать их отдельно, величественны и воистину небесны. Но когда дело доходит до Царства Христова, предлагаемое там Богом превосходит само небо. Поэтому все достоинство закона начинает казаться как бы земным. Так гору Синай можно потрогать руками, гора же Сион постигается лишь духом. Все сообщаемое в книге Исход в девятнадцатой главе было видимыми знаками, то же, чем мы обладаем в Царстве Христовом, сокрыто от плотских чувств. Если кто возразит, что все вышеперечисленное имеет духовное значение, что и сегодня имеются внешние духовные упражнения, поднимающие нас к небу, отвечаю: апостол говорит здесь о большей или меньшей степени. Нет сомнения: если закон и Евангелие начнут состязаться друг с другом, то во втором будет преобладать духовное, а в первом – земные символы.

19) *Слышавшие просили.* Это – вторая часть предложения, где апостол говорит, что закон весьма не похож на Евангелие, поскольку во время его обнародования всем внушал разнообразные страхи. Сюда же относится все читаемое нами в книге Исход в девятнадцатой главе, и сообщаемое народу: Бог спускается с небесного судилища, дабы явить Себя грозным судьей. Если невинное животное случайно приступало к горе, Он велел пронзить его стрелою. Сколь же большая кара ожидала грешников, сознающих за собой зло, более того, знавших, что по закону они повинны вечной смерти? Евангелие же содержит в себе только приятное, если принимается верой. Остальное смотри во 2-м Послании к Коринфянам, главе 3-й.

Впрочем, говоря, что народ просил, апостол имел в виду не то, что он отказывался слушать слова Божии, но то, что он умолял не заставлять его слушать Самого говорящего Бога. Ибо личность посредника Моисея несколько смягчала страх иудеев. Переводчик искажает текст, говоря, что апостол приписывал Моисею слова: я в страхе и трепете, – хотя мы нигде не читаем, чтобы Моисей их произносил. Однако решение несложно, если принять во внимание, что Моисей говорил так от имени народа, слова которого, словно глашатай, он доносил до Бога. Значит, такова общая жалоба всего народа, но она приписана Моисею, который был как бы общими устами всех.

22) *К горе Сиону.* Апостол имеет в виду пророчества, в которых Бог некогда обещал, что Евангелие выйдет с Сиона. Например, во второй главе Исаии и других похожих местах. Значит, гору Сион апостол сравнивает с горой Синай, а затем с *небесным Иерусалимом*. Он подчеркнуто зовет его небесным, дабы иудеи не прилеплялись к земному граду, процветавшему во времена закона. Ведь упорно желая оставаться под рабским ярмом закона, этот город обратился в гору Синай, как Павел учит в Послании к Галатам, главе 4-й. Значит, апостол имеет в виду небесный Иерусалим, который надлежало выстроить во всем мире, подобно тому, как ангел у Захарии простер его между востока и запада.

23) *Торжествующему собору (собранию ангелов).* Апостол хочет сказать, что мы входим в сообщество с ангелами, поставляемся в чин патриархов и помещаемся на небесах среди всех блаженных духов, когда нас призывает к Себе Христос. Такова бесценная честь, коей нас удостоил Небесный Отец, причисляя нас к ангелам и святым отцам. Слова же о тьмах ангелов апостол берет из Даниила. Хотя я, последовав Эразму, перевел этот термин как «бесчисленные». Первенцами же апостол зовет не любых детей Божиих, как иногда имеет обыкновение делать Дух, но ради особой чести украшает этим титулом патриархов и остальных выдающихся мужей ветхой церкви. Апостол говорит, что они *написаны на небесах*, поскольку о Боге сказано, что Он всех избранных Своих записывает в книге или, согласно Иезекиилю, в тайной описи.

К Судии всех. Кажется, что эта фраза должна внушать страх. Апостол как бы говорит: хотя нам предлагается благодать, всегда надо думать о предстоящем отчете перед Судьей, если мы по дерзости оскверненными и обмирщенными ворвемся в Его святилище. Он добавляет фразу о *духах праведников*, давая понять, что мы причисляемся к святым душам, которые, покинув тела, оставили тем самым все мирские скверны. Посему он называет их *посвященными* или *совершенными*. Ведь, отложив саму плоть, они более не подвержены ее немощам. Отсюда мы с надежностью выводим: благочестивые души, будучи отделенными от тел, все же продолжают жить у Бога. Ибо иначе мы не могли бы стать их сотоварищами.

Наконец, апостол упоминает о *Посреднике Иисусе*, поскольку Он один умилоствует к нам Отца, делая Его лик спокойным и приятным, дабы мы не боялись к Нему приступать. Но одновременно апостол говорит о том, как именно Христос являет Себя нашим Посредником. Он делает это через Собственную кровь, которую апостол по еврейскому обычаю зовет кровью окропления, вместо окропляющей крови. Как однажды эта кровь была излита за нас ради умилоствления, так и теперь надлежит орошать ею наши души через веру. Хотя помимо прочего апостол намекает и на древний упоминавшийся ранее обряд закона.

24) *Говорящей лучше (лучшее).* Ничто не мешает видеть здесь наречие, и вместо «лучшее» поставить «лучше» в следующем смысле: кровь Христова вопиет действенное и лучше выслушивается Богом, нежели кровь Авеля. Но мне больше нравится понимать без всякого иносказания, как звучат сами слова: кровь Христова говорит нечто лучшее, поскольку действенна к обретению для нас отпущения грехов. В собственном смысле возглашала не кровь Авеля, само братоубийство требовало перед Богом отмщения. Кровь же Христова вопиет потому, что совершенное через нее умилоствление выслушивается ежедневно.

25. *Смотрите, не отвернитесь и вы от говорящего. Если те, не послушавши глаголавшего на земле, не избегли наказания, то тем более не избежим мы, если отвергнемся от Глаголющего с небес, 26. Которого глас тогда поколебал землю, и Который ныне дал такое обещание: «еще раз поколеблю не только землю, но и небо».* 27. Слова «еще раз» означают изменение колеблемого, как сотворенного, чтобы пребыло непоколебимое. 28. *Итак мы, приемля царство непоколебимое, будем хранить благодать, которою будем служить благоугодно Богу, с благоговением и страхом, 29. потому что Бог наш есть огонь поядоущий.*

(25. *Смотрите, не презрите и вы говорящего. Ибо если те, презрев глаголавшего на земле, не избегли, то тем более не избежим мы, если отвергнемся от Глаголющего с небес, 26. Которого глас тогда поколебал землю, и Который ныне возвестил, говоря: «еще раз поколеблю не только землю, но и небо».* 27. Слова «еще раз» означают изменение колеблемого, чтобы пребыло непоколебимое. 28. *Итак мы, приемля царство непоколебимое, имеем благодать, которою будем почитать Бога, угождая Ему с благоговением и страхом, 29. потому что Бог наш есть огонь поядоущий.*)

25) *Смотрите, не отвернитесь.* Апостол пользуется тем же словом, что и прежде, говоря о том, как народ просил, чтобы Бог не обращался к нему прямо. Но разумеет он, на мой взгляд, нечто иное. А именно: не будем отвергать обращенное к нам слово. Далее, предшествующим сравнением апостол показывает, на что направлены его слова. Тягчайшая кара ждет презрителей Евангелия, ибо даже древние не смогли остаться безнаказанными, презирая закон. Апостол продолжает излагать довод от меньшего к большему, говоря, что Бог или Моисей говорили тогда с земли. Но теперь Тот же Бог или Христос говорят с самого неба. Хотя я и то, и другое предпочитаю относить к Богу. Сказано, что Бог говорил с земли, поскольку тогда Он обращался к нам смиреннее. Будем же всегда помнить о том, что здесь рассматривается внешнее устройство закона, которое (если сравнивать его с Евангелием) отдавало чем-то земным и еще не поднимало людские умы выше неба, к совершенной премудрости. Ибо хотя закон и содержал то же самое учение, будучи только детоводителем, он всегда был лишен совершенства.

26) *Которого глас.* Поскольку Бог, обнародовав закон, сотряс тогда землю, апостол доказывает, что теперь Он говорит еще величественнее, ибо сотрясаются и небо, и земля. С этой целью он ссылается на свидетельство пророка Аггея (2:7). Апостол приводит цитату не дословно. Но поскольку пророк предсказывает будущее сотрясение неба и земли, он используется его слова, чтобы научить: голос Евангелия звучит не только на земле, но проникает выше неба. Далее, не должно быть сомнений, что речь здесь идет о Христовом Царстве. Ведь в тексте сразу же следуют слова: подвигну все народы, и придет желание всех народов, и наполню этот дом славою. Однако несомненно: народы не были собраны в единое тело, кроме как под надзором Христа; нет иного желанья, в котором мы все успокаиваемся, кроме Самого Христа; и слава его не превзошла бы славу храма Соломона, если бы ее величие не распространилось по всему миру. Посему пророк без сомнения имеет в виду времена Христа. Если же с возникновением Царства Христова надлежало сотрястись не только низшим частям мира сего, но и силе Его вознестись до самого неба, апостол заслуженно выводит, что учение Евангелия более возвышенно и достойно большего внимания от всякой твари.

27) *Слова «еще раз».* Дословно пророк говорит: еще немного. Он имеет в виду, что невзгоды народа продлятся недолго, поскольку Господь непременно придет на помощь. Но апостол не настаивает на самом слове. Он лишь выводит из сотрясения неба и земли, что с приходом Христа должно измениться состояние

всего мира. Ведь сотворенное подвержено тлению. А Царство Христово вечно. Значит, все творения с необходимостью должны измениться к лучшему.

Отсюда апостол переходит к иному увещанию. Мы должны помыслить царство не способное поколебаться. Ибо Господь движет нами для того, чтобы воистину и навечно утвердить у Самого Себя. Хотя мне больше нравится иное чтение, данное древним переводчиком: принимая Царство, мы имеем благодать. Если прочесть утвердительно, смысл хорошо подходит: мы, принимая Евангелие, получаем в дар Дух Христов, дабы почтительно и благочестиво поклоняться Богу. Если же прочесть в смысле увещательном: будем иметь, – выражение станет натянутым и неясным. В итоге, на мой взгляд, апостол хочет сказать следующее: как только верою мы входим в Царство Христово, то сразу же обретаем надежную благодать, действительно сохраняющую нас в божественном почитании. Ибо как Царство Христово, так и дар возрождения выше этого мира.

Говоря же о почитании Бога *ἐκ τῆς φόβης*, с благоговением и страхом, апостол, хотя и требует от нашего повиновения готовности и радости, одновременно хочет сказать, что Богу угодно лишь поклонение, соединенное со смирением и скромностью. Таким образом, он осуждает как порочное самоупование плоти, так и обычно рождающуюся от него духовную вялость.

28) *Потому что Бог наш есть огонь.* Подобно тому, как ранее апостол ласково предлагал нам благодать Божию, так теперь он грозно возвещает нам Его суровость. Кажется, что эту фразу он позаимствовал из Втор.4. Таким образом, мы видим: Бог не пропускает ничего, чем мог бы привлечь нас к Себе. Он начинает с приятности, дабы мы охотнее за Ним следовали, а затем устрашает, если первое мало способствует нашему привлечению. Действительно, нам полезно, что к предлагаемой нам благодати Божией всегда примешаны угрозы. Ибо (поскольку мы чрезмерно склонны к потаканию себе), если не применять подобные стимулы, более мягкое учение непременно покажется нам прохладным. Значит Господь, будучи милостивым и добрым к боящимся Его до тысячи родов, одновременно для Своих презрителей – ревнивый и праведный Мститель до третьего и четвертого поколения.

Глава 13

1. Братолюбие между вами да пребывает. 2. Страннолюбия не забывайте, ибо через него некоторые, не зная, оказали гостеприимство Ангелам. 3. Помните узников, как бы и вы с ними были в узах, и страждущих, как и сами находитесь в теле. 4. Брак у всех да будет честен и ложе непорочно; блудников же и прелюбодеев судит Бог. 5. Имейте нрав несребролюбивый, довольствуясь тем, что есть. Ибо Сам сказал: «не оставлю тебя и не покину тебя», 6. так что мы смело говорим: «Господь мне помощник, и не убоюсь: что сделает мне человек?»

(1. Братолюбие да пребывает. 2. Страннолюбия не забывайте, ибо через него некоторые, не зная, оказали гостеприимство Ангелам. 3. Помните узников, как бы и вы с ними были в узах, и страждущих, как и сами находитесь в теле. 4. Брак у всех честен и ложе непорочно; блудников же и прелюбодеев судит Бог. 5. Имейте нрав несребролюбивый, довольствуясь тем, что есть. Ибо Сам сказал: «не оставлю тебя и не покину тебя», 6. так что мы смело говорим: «Господь мне помощник, и не убоюсь: что сделает мне человек?»)

1) *Братолюбие.* О братолюбии апостол возможно заповедует потому, что скрытая враждебность, возникающая от надменности иудеев, могла рассорить между собой церкви. Хотя в целом эта заповедь весьма необходима, поскольку любовь проходит быстрее всего прочего, когда каждый, будучи более должного привержен себе, другим воздает меньше полагающегося. Затем, ежедневно возникают многочисленные разделяющие нас обиды. Апостол называет любовь братской, не только научая, что мы должны быть привязаны друг к другу особым внутренним чувством любви, но и чтобы мы помнили: нельзя быть христианами, не будучи одновременно братьями. Ведь апостол говорит о любви, которую должны лелеять между собой домочадцы по вере. Подобно тому, как Господь теснее связывает их общими узами усыновления. Посему в начальной церкви имелся полезный словесный оборот, состоящий в том, что христиане называли себя братьями. Теперь же это слово пришло в забвение вместе с самой обозначаемой вещью. Разве что монахи похитили его оставленное прочими употребление, одновременно свидетельствуя своими ссорами и внутренними разделениями, что все они рождены от дьявола.

2) *Страннолюбия.* Также и эта обязанность человеколюбия почти перестала почитаться среди людей³, ибо древнее прославляемое историей гостеприимство нам неизвестно, и сегодня место комнат для гостей (hospitia) занимают трактиры (σαυροναε). Впрочем, апостол говорит не только об обычае гостеприимства, имевшемся в то время среди богатых, скорее он заповедует принимать нищих и нуждающихся, поскольку многие ради имени Христова были изгнаны тогда из своих домов. И чтобы еще больше похвалить такого рода обязанность, он добавляет, что некогда те, кто думал, будто принимает людей, оказали гостеприимство ангелам. Не сомневаюсь, что это надо разумеать относительно Авраама и Лота. Ведь почитающим в силу постоянного обычая гостеприимство, им, не знающим и ни о чем подобном не думающим, выпала встреча с

³ Далее

ангелами. Так их дому была оказана довольно редкая честь. Действительно, Бог, вознаградив таким образом Лота и Авраама, подтвердил, что страннолюбие угодно Ему в первую очередь. Если же кто возразит, что это было довольно редкое явление, ответ готов: мы принимаем не только ангелов, но и Самого Христа, когда во имя Его оказываем гостеприимство бедным. В греческих словах здесь присутствует весьма изящный намек, который невозможно перевести на латинский.

3) *Помните узников.* Больше всего нам внушает искреннее милосердие та ситуация, когда мы мысленно ставим себя на место скорбящих. Поэтому апостол говорит: об узниках надо думать так, как если бы мы сами были на их месте. То же, что следует во второй части, – *как и сами находитесь в теле* – истолковывают по-разному. Некоторые понимают обобщенно: вы также подвержены тем же самым скорбям согласно общему состоянию человеческой природы. Другие ограничивают смысл: как если бы сами пребывали в их теле. Мне же не нравятся оба варианта. Я отношу сказанное к телу церкви и вижу следующий смысл: поскольку вы члены одного и того же тела, вам надлежит одинаково чувствовать беды друг друга, дабы среди вас не было никакой обособленности.

4) *Брак ... честен.* Некоторые думают, что это увещание к супругам, дабы те стыдливо и с должным приличием почитали свои брачные узы. Дабы муж жил с женою в умеренности и чистоте, и супруги не оскверняли брачное ложе недостойным распутством. В таком случае здесь подразумевается слово увещания: брак да будет честен. Хотя вполне подходит также изыскательное наклонение. Ибо, слыша, что брак честен, мы тут же должны вспомнить о том, как почтительно и достойно надо в нем жить. Другие считают, что это сказано в виде уступки: хотя брак и честен, все же не подобает блудодействовать. Однако все видят, сколь бессодержателен подобный смысл. Я же⁴ скорее думаю, что апостол противопоставляет здесь брак блуду, как врачевство – болезни. И контекст ясно показывает, что именно таков и был его замысел. Ведь прежде угрозы о том, что Господь покарает блудников, апостол говорит, каков правильный способ избежания подобной кары. А именно: если мы будем честно жить в браке. Итак, пусть эта фраза считается единым целым: блуд не останется безнаказанным, имея своим отмстителем Бога. Действительно, Бог благословил установленный Им союз мужчины и женщины, и отсюда следует, что любой отличный от этого союз Он осуждает и проклинает. Посему Он угрожает карой не только прелюбодеям, но и любым блудникам. Ведь и те, и другие отходят от святого божественного установления. Больше того, они нарушают и извращают его путем беспорядочного совокупления, в то время как имеется один законный вид соития, освященный именем Божиим и Его защитой. Однако, поскольку без врачевства супружества нельзя сдерживать беспорядочную блуждающую похоть, апостол расхваливает его перед нами, называя честным.

Сказанное же им о непорочном ложе я охотно отношу к тому, чтобы супруги знали: им позволено не все подряд, но употребление брачного ложа должно быть умеренным. Так что им не следует допускать что-либо чуждое стыдливости брака и его чистоты.

Слова «у всех» я понимаю так, что брак не запрещается ни одному сословию. Ведь то, что Бог позволил в целом человеческому роду, подобает всем без исключения. Под всеми я разумею тех, кто пригоден к браку и в нем нуждается. Это следует высказать прямо, дабы воспротивиться суеверию, семена которого уже тогда тайно сеял дьявол: будто бы брак – мирское дело и, безусловно, далек от христианского совершенства. Ибо сразу же появились запрещающие брак лживые духи, о которых пророчествовал Павел. Значит, дабы кто не воображал по глупости, что брак позволен только простым людям, а первенствующие в Церкви должны от него воздерживаться, апостол устраняет всяческое исключение. Он не только учит, что брак позволителен в виде снисхождения (к этой уловке прибегает Иероним), но и утверждает, что он достоин всякой чести. Более чем удивительно, что столь точная формулировка не пугает тех, кто навязал миру запрещение брака. Разве что именно таким образом и надлежало ослабить узду сатаны, дабы покарать неблагодарность тех, кто отказывается слушать Бога.

5) *Нрав несребролюбивый.* Желая устранить сребролюбие, апостол правильно и разумно приказывает нам довольствоваться тем, что есть. Ибо истинное презрение к деньгам или, по крайней мере, великодушие в правильном и умеренном их употреблении состоит в том, чтобы довольствоваться данным от Господа, будь то много или мало. Ведь, действительно, редко случается, чтобы сребролюбец был чем-то удовлетворен. Скорее те, кто не довольствуется средним достатком, даже обладая великим богатством, всегда будут желать большего. Таково учение, которому, по его словам, научился Павел. А именно: он умел терпеть и изобилие, и нужду. Значит, тот, кто обуздывает свою алчность и в спокойствии сердца довольствуется собственным уделом, изгнал из сердца любовь к деньгам.

Ибо Сам сказал. Апостол цитирует два свидетельства: первое, как думают, взято из Иисуса Навина, глава 1. Я же скорее сочту, что это предложение выведено из общего учения Писания. Апостол как бы говорит: Господь повсеместно обещает, что всегда пребудет с нами. Из этого обещания он выводит сказанное в 117-м Псалме: нам дается возможность для победы над страхом, если мы уверены в помощи Божией. Он с корнем вырывает зачатки этой болезни. А это необходимо, если мы хотим, чтобы Он воистину очистил человеческие души. Несомненно, что источник сребролюбия – неверие. Ведь всякий, твердо уверенный в

---

⁴ Однако

том, что Господь никогда его не покинет, не будет беспокоиться сверх меры, но положится на Его провидение. Итак, апостол, желая излечить нас от болезни сребролюбия, разумно отсылает к обетованиям Божиим, коими Он свидетельствует, что всегда будет с нами. Затем апостол выводит отсюда: доколе у нас есть такой Помощник, нет причины для страха. Таким образом, нас не тревожит никакая порочная алчность. Ибо лишь вера может успокоить людские души, беспокойство которых в ином случае более, чем известно.

7. Поминайте наставников ваших, которые проповедывали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их. 8. Иисус Христос вчера и сегодня и вовеки Тот же. 9. Учениями различными и чуждыми не увлекайтесь; ибо хорошо благодатью укреплять сердца, а не яствами, от которых не получили пользы занимающиеся ими.

(7. Помните наставников ваших, которые проповедывали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жития, подражайте вере их. 8. Иисус Христос вчера и сегодня и даже вовеки Тот же. 9. Учениями различными и чуждыми не увлекайтесь; ибо хорошо благодатью укреплять сердца, а не яствами, от которых не получили пользы занимающиеся ими.)

7) *Поминайте.* То, что следует далее, относится не столько к нравам, сколько к учению. Во-первых, апостол предлагает иудеям пример их собственных учителей. Кажется, что он особо упоминает тех, кто запечатлел преподаваемое учение собственной кровью. Ибо он имеет в виду нечто достопамятное, говоря: *взирая на кончину их жития*. Хотя ничего не мешает относить сказанное ко всем, кто устоял до конца в правой вере, в жизни и в смерти верно засвидетельствовав здоровое учение. Немало значимо и то, что апостол предлагает иудеям подражать своим учителям. Ибо те, кто родил нас во Христе, должны быть для нас как бы отцами. Итак, лицемерие их несломленными и стойкими в гонениях и поприщах справедливо должно было затронуть иудеев.

8) *Иисус Христос вчера.* Такова единственная причина, по которой мы устоим в правой вере, если будем удерживать ее фундамент, не отступая от него даже на йоту. Ибо тот, кто не держится за Христа, даже обрета небо и землю, будет мыслить одну лишь суету. Во Христе заключены все сокровища небесной премудрости. Посему это замечательное место, из которого мы познаем: нет иного правила для правосмыслия, нежели обратить все наши чувства к одному лишь Христу.

Впрочем, поскольку апостол говорил с иудеями, он учит, что Христос всегда держал то же самое первенство, которым владеет сегодня. И всегда будет подобным Себе вплоть до конца мира. *Вчера и сегодня и даже вовеки Тот же.* Этими словами апостол хочет сказать, что Христос, ныне явленный этому миру, правил миром с самого начала. И, дойдя до Него, уже не подобает двигаться дальше. Итак, слово «вчера» охватывает весь ветхий завет. И дабы кто не стал ждать впоследствии неожиданной перемены, поскольку Евангелие возникло совсем недавно, апостол возвещает: Христос был ранее открыт таким образом, чтобы познание о Нем пребывало вовеки.

Отсюда явствует: здесь идет речь не о вечной сущности Христа, но о познании Его, которое во все века процветало среди благочестивых, будучи вечным основанием Церкви. Несомненно, что Христос был прежде того, как явил Свою силу. Но сейчас спрашивается, что именно имел в виду апостол. Посему я утверждаю, что его слова относятся к качеству, а не к сущности. Ибо рассуждение идет не о том, пребывал ли Христос вечно у Бога Отца, но о том, каким было познание Его среди людей. Впрочем, явление Христово относительно внешнего вида и способа во времена закона отличалось от того, которое мы имеем сегодня. Но это не мешает апостолу истинно и в собственном смысле сказать, что Христос, на Которого взирают верующие, всегда Один и Тот же.

9) *Учениями различными.* Апостол заключает, что верующим не подобает уклоняться в разные стороны, ибо тверда истина Христова, в которой мы должны стоять. Действительно, различие мнений, всякий род суеверий, чудовищность заблуждений и всяческое искажение религии возникает тогда, когда опираются не на одного Христа. Ибо не напрасно учит Павел, что Христос дан нам от Бога как премудрость. Значит, смысл данного отрывка таков: чтобы нам была ясна твердая истина Божия, надо довольствоваться только Христом. Отсюда мы выводим: все, не знающие Христа, подвержены всевозможным обманам сатаны. Ибо вне Христа нет незыблемости веры, но одни лишь бесконечные колебания.

Удивительна хитрость папистов, изобретших противоположное средство борьбы с заблуждениями. А именно: истребление всякого знания о Христе. Но пусть увещание Духа Святого укоренится в наших сердцах: мы будем вне опасности лишь тогда, когда приникнем ко Христу.

Далее, апостол называет уводящие от Христа учения *различными*. Ибо простая и подлинная истина состоит именно в познании Христа. *Чуждыми* же учения эти называются потому, что Бог не признает Своим все то, что обретается вне Христа. Эти слова учат нас, к чему надо стремиться, если мы желаем надлежащим образом преуспевать в Писании. Ибо всякий, кто не ограничивает истину Христом, блуждает вдали. Кроме того, апостол хочет сказать, что Церкви Божией всегда предстоит битва с чуждыми учениями. И нет иного средства уберечься от них, нежели укрепиться подлинным познанием Христа.

Ибо хорошо благодатью. Теперь апостол переходит от общего к частному. Как известно, иудеям было свойственно суеверное различие яств, дававшее повод для многих ссор и разногласий. Это было одним из чуждых учений, рождавшихся от незнания Христа. Значит, апостол, уже утвердив нашу веру на Христе, отрицает, что установления о *яствах* относятся к сущности спасения и истинной святости. Не сомневаюсь, что, противопоставляя благодать яствам, он подразумевает под нею духовный культ Божий и возрождение. Апостол также упоминает об *укреплении сердца*, противопоставляя его *увлечению*. Он как бы говорит: нас воистину укрепляет духовная благодать Божия, а не различие яств.

Следующие же за этим слова «от которых не получили пользы занимающиеся ими» не ясно к чему относятся. Ибо отцам, жившим во времена закона, несомненно принесло пользу детоводительство, частью которого было различие яств. Поэтому кажется, что сказанное скорее относится к тем суеверам, которые, уже получив евангельское откровение, продолжали придерживаться ветхих обрядов. Хотя не будет глупым отнести эту фразу и к отцам. Им было полезно покориться ярму, возложенному на них Господом, и послушно находиться под воспитанием общим для всех благочестивых и церкви. Однако апостол хочет сказать, что само по себе воздержание от яств ничего не значило. Действительно, оно ни к чему не годно, являясь, разве что, начальной школой для того времени, когда дети Божии были подобны младенцам в отношении внешнего руководства. *Заниматься⁵ яствами* понимается здесь, как иметь о них понятия, различая между чистым и нечистым. Впрочем, сказанное о яствах можно распространить и на другие обряды закона.

10. Мы имеем жертвенник, от которого не имеют права питаться служащие скинии. 11. Так-как тела животных, которых кровь, для очищения греха, вносится первосвященником во святилище, сжигаются вне стана, – 12. то и Иисус, дабы освятить людей Кровию Своею, пострадал вне врат. 13. Итак выйдем к Нему за стан, нося Его поругание; 14. ибо не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего. 15. Итак будем чрез Него непрестанно приносить Богу жертву хвалы, то есть, плод уст, прославляющих имя Его.

(10. Мы имеем жертвенник, от которого не имеют права питаться служащие скинии. 11. Так как тела животных, которых кровь для очищения греха вносится священником во святилище, сжигаются вне стана, – 12. то и Иисус, дабы освятить народ Кровию Своею, пострадал вне врат. 13. Итак выйдем к Нему за стан, нося Его поругание; 14. ибо не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего. 15. Итак будем чрез Него непрестанно приносить Богу жертву хвалы, то есть, плод уст, исповедующихся имени Его.)

10) *Мы имеем жертвенник.* Изящный переход от древнего законнического обряда к настоящему положению Церкви. Жертва, о которой упоминается в Лев.16, относилась к разряду ежегодных. Поэтому никакая ее часть не отходила к священникам и левитам. И апостол, употребив изящную аллюзию, учит, что теперь это исполнилось во Христе. Ибо Он был принесен в жертву таким образом, что ею не питаются служащие скинии. Под служащими скинии апостол разумеет всех обрядопочитателей. Значит, чтобы нам быть причастниками Христа, надо, по его словам, отказаться от скинии. Как под жертвенником апостол разумеет саму жертву и ее приношение, так и под скинией все – связанные с ней внешние образы. Посему смысл таков: нет ничего удивительного в том, если сегодня прекращаются обряды закона. Ибо это изображалось в самом жертвоприношении, когда левиты выносили за стены лагеря тела животных, чтобы там сжигать их. И, подобно тому, как от этих жертв служители скинии ничего не вкушали, так и мы, если будем служить скинии, то есть, удерживать ее обряды, не станем причастниками ни жертвы, которую единожды принес Христос, ни умилоствления, которое Он единожды совершил Собственной кровью. Ибо Свою кровь Христос внес в небесное святилище, дабы изгладить грехи мира.

13) *Итак выйдем к Нему.* Дабы вышеприведенная аллегория (или анагогическое уподобление) не показалась безжизненной, апостол связывает с ней серьезное упражнение, требующееся от всех христиан. Такого порядка научения придерживается и Павел, который, желая отвлечь верующих от глупых обрядов, одновременно показывает им, в каких делах их хочет упражнять Бог. Он как бы говорит: вот чего требует от вас Бог, а вовсе не того, в чем вы напрасно себя утруждаете. Таким же образом поступает теперь и наш апостол. Ибо, приглашая нас по оставлении скинии следовать за Христом, он учит, что от нас требуется совсем не образное почитание Бога в величественном блеске храма, напротив, нам предстоит вынести изгнание, гонение, поругание и всяческие скорби. И это поприще, где надо сражаться вплоть до пролития крови, апостол противопоставляет уподобительным священнодействиям, которыми только и могли хвалиться служители обрядов.

14) *Ибо не имеем.* Апостол еще дальше продлевает упомянутый им исход. А именно: будучи в этом мире странниками и пришельцами, мы нигде не получим надежного пристанища, если не будем помышлять о небесах. Посему всякий раз как нас изгоняют из какого-либо места, или с нами происходит какая-то перемена, подумаем о том, чему нас здесь учит апостол: у нас нет твердой опоры на земле, ибо наше наследие – небо. Тогда мы, все больше и больше упражняясь, будем всегда готовиться к последнему исходу. Ибо те, у которых чрезмерно спокойная жизнь, воображают, будто свили в этом мире гнездышко. Посему

---

⁵ Ходить

нам, склонным к подобной вялости, полезно претерпеть разные волнения, дабы научиться обращать к небу очи, обычно чрезмерно привязанные к земле.

15) *Будем ... приносить ... жертву хвалы.* Апостол возвращается к особому ранее затронутому учению об отмене ветхих обрядов. Сперва он упреждает возможное возражение. Поскольку жертвы были как бы дополнениями к скинии, с ее отменой, с необходимостью, должны упраздниться и они. Однако апостол ранее учил: поскольку Христос пострадал вне врат, туда призывают также и нас. Поэтому желающим за Ним следовать необходимо оставить скинию. Но здесь возникает вопрос: неужели у христиан больше не будет никаких жертв? Ведь это было бы глупым, поскольку жертвы установлены для отправления божественного культа. Итак, апостол своевременно упреждает это возражение и говорит: нам оставлена иная форма жертвы, не менее угодная Богу. А именно: чтобы мы приносили Ему тельцов наших уст, как выражается пророк Осия (14:3). Далее, жертва хвалы угодна Богу не только так же, но даже больше, чем все внешние жертвы, употреблявшиеся во времена закона. Это ясно сказано в Пс.49. Ибо Бог, отвергая как ничтожные все подобные жертвы, приказывает приносить Себе жертву хвалы. Итак, мы видим: этот божественный культ – самый превосходный и заслуженно предпочитается любым другим священнодействиям. И состоит он в том, что мы благодарением прославляем божественную благодать. Вот – обряд жертвоприношения, который сегодня заповедует нам Господь. Хотя несомненно, что здесь под одной из форм имеется в виду все призывание имени Божия. Ибо мы не можем Его благодарить, если Он нас не услышит. Но ничего не получает тот, кто не просит. В итоге, апостол хочет сказать: у нас есть что принести Богу помимо бессловесных животных, и таким образом мы почитаем Его правильно и совершенно.

Впрочем, поскольку намерение апостола – научить законному способу почитания Бога в новом завете, он попутно увещевает нас, что невозможно правильно призывать Бога и прославлять Его имя без Посредника Христа. Ибо Он – Единственный, Кто освящает наши уста, в ином случае оскверненные, к воспеванию хвалы Богу, Единственный, Кто открывает доступ к Богу нашим молитвам, Единственный, наконец, Кто совершает священническое служение, предстоя от нашего имени пред лицом Божиим.

16. Не забывайте также благотворения и общительности, ибо таковые жертвы благоугодны Богу. 17. Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет; чтобы они делали это с радостью, а не воздыхая, ибо это для вас не полезно. 18. Молитесь о нас; ибо мы уверены, что имеем добрую совесть, потому что во всем желаем вести себя честно. 19. Особенно же прошу делать это, дабы я скорее возвращен был вам.

(16. Не забывайте также благотворения и общения, ибо таковые жертвы благоугодны Богу. 17. Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет; чтобы они делали это с радостью, а не воздыхая, ибо это для вас не полезно. 18. Молитесь о нас; ибо мы уверены, что имеем добрую совесть, во всем желая вести себя честно. 19. Особенно же прошу делать это, дабы я скорее возвращен был вам.)

16) *Благотворения.* Здесь апостол показывает иной способ законного жертвоприношения. А именно: сколько обязанностей любви, столько же и видов жертвы. Этим он хочет сказать, что глупо и порочно желание тех, кто думает, будто у них что-то отнимется, если Богу по закону не будут приносить животных. Ведь Бог дает нам весьма обильный и разнообразный повод для жертвоприношения. Хотя мы и не можем оказать Ему никакой услуги, Он все же считает жертвой призывание Собственного имени, причем настолько важной, что она одна заменяет собой все. Затем, все благодеяния, которые мы оказываем людям, Бог считает выказанными Себе, удостаивая их названия жертвы. Так что начальная школа закона сегодня кажется не только излишней, но и вредной, уводя нас от истинного правила принесения жертвы. Итог таков: если мы желаем принести Богу жертву, надо призвать Его и с благодарением возглашать Его благодать. Кроме того, следует благотворить нашим братьям. Таковы истинные жертвы, которыми подобает заниматься истинным христианам. Для иных уже нет места и времени.

Говоря же, что *Богу таковые жертвы благоугодны*, апостол проводит неявное противопоставление: ныне Бог больше не требует древних жертв, ранее заповедовавшихся вплоть до отмены закона. Впрочем, с этим учением соединено увещание, пылко побуждающее нас благотворить ближним. Довольно редкая честь: то, что мы уделяем людям, Бог считает жертвой, принесенной Ему Самому. И наше ничего не стоящее служение украшает настолько, что провозглашает его священным. Посему, если среди нас не царит любовь, мы причиняем несправедливость не только людям, но и Самому Богу, торжественным речением посвятившему Себе все, что повелел уделять людям.

Слово же «общение» несет более широкий смысл, нежели «благотворение». Ибо оно охватывает все обязанности, с помощью которых люди друг друга поддерживают. Истинный же признак любви состоит в том, что соединенные Духом Божиим одновременно имеют между собой общение.

17) *Повинуйтесь.* Не сомневаюсь, что здесь идет речь о пастырях и прочих церковных начальниках. Ведь гражданские власти тогда еще не были христианскими, и слова «пекутся о душах ваших» в собственном смысле относятся к правлению духовному. Апостол велит, во-первых, слушаться наставников, а, во-вторых, воздавать им честь. Эти две вещи необходимо требуются, чтобы народ выказывал пастырям доверие и

уважение. Но одновременно следует отметить: апостол говорит лишь о тех, кто верно исполняет свой долг. Ибо наставники, имеющие один лишь голый титул, и даже злоупотребляющие этим титулом для истребления Церкви, мало заслуживают уважения и доверия. И апостол открыто заявляет это, говоря, что наставники пекутся о душах, что относится лишь к тем, кто истинно предстает и на деле является тем, кем зовется.

Итак, дважды глупы паписты, основывающие на этом отрывке тиранию своего идола. Дух приказывает послушно принимать учение благочестивых и верных епископов, повиноваться их здравым советам. Он также приказывает выказывать им почет. Чем же это помогает притворным епископам? Однако все зовущиеся епископами в папстве не просто таковы. Они – жестокие палачи душ и бешеные волки. Но, умалчивая о том, каковы они сами, скажу лишь следующее: когда нам приказывают повиноваться пастырям, надо тщательно и благоразумно различать, кто именно является истинным и верным пастырем. Ибо, если мы будем оказывать эту честь всем подряд, то, во-первых, причиним несправедливость добрым, а, во-вторых, не будет иметь места приводимый здесь довод: пастыри потому достойны чести, что пекутся о душах. Посему, чтобы это свидетельство помогло папе с его сторонниками, все они с необходимостью прежде должны доказать, что находятся в числе тех, кто печется о нашем спасении. Коль скоро это будет установлено, все благочестивые без всяких споров станут благоговейно их почитать.

Ибо они неусыпно пекутся. Апостол хочет сказать: чем тяжелее их ярмо, тем большей они достойны чести. Ибо чем больше трудов возьмет на себя кто-то для нашей пользы, с чем большими трудностями или опасностями будет нам служить, тем более мы обязаны такому человеку. Таково служение епископов, включающее в себя помимо величайших опасностей еще и тягчайшие скорби. Итак, если мы хотим быть благодарными, то едва ли сможем воздать им то, что они заслужили. Было бы недостойным считать их за ничто, особенно учитывая, что⁶ им предстоит отчитаться за нас перед Богом. Кроме того, апостол сообщает, сколь сильно на деле помогают нам их труды. Ведь, если для нас драгоценно спасение наших душ, мы не станем дешево ценить тех, кто о нем заботится. Посему апостол приказывает нам быть обучаемыми и готовыми к послушанию, дабы пастыри охотно и окрыленно делали то, что делают ради исполнения своего долга. Если же души их охватит грусть и усталость, какими бы испытанными и верными в ином случае ни были эти пастыри, они станут более вялыми, поскольку вместе с радостью пропадут и силы трудиться. Посему апостол возвещает: бесполезно для народа, если он своей неблагодарностью причиняет пастырям скорбь и печаль. Он хочет сказать, что нельзя быть тягостными и непослушными пастырям без угрозы для собственного спасения. И поскольку об этом думает едва ли каждый десятый, отсюда видно, сколь сильно мы небрежим своим спасением. Так что не удивительно, если сегодня найдется столь мало людей, усиленно пекущихся о Церкви Божией. Помимо того, что весьма редки люди, подобные апостолу Павлу, отвергающие уста даже при глухоте народа и расширяющие сердце свое вопреки народному ожесточению, за эту царящую почти везде неблагодарность сурово карает Господь. Посему будем помнить, что мы будем наказаны за наше упрямство, всякий раз как наши пастыри охладевают в своем служении или проявляют меньше усердия, чем требуется.

18) *Ибо мы уверены.* Поручив себя их молитвам, апостол, дабы их к этим молитвам подвинуть, заявляет о том, что имеет добрую совесть. Хотя наши молитвы и должны охватывать весь мир, подобно любви, из которой они проистекают, нам особенно надлежит заботиться о благочестивых и святых, добронравие и добродетели которых нам хорошо известны. Значит, апостол для того упоминает о целомудрии своей совести, чтобы еще больше подвинуть их позаботиться о своей персоне. Говоря же: я уверен или убежден, – он отчасти выражает скромность, а отчасти – упование. Фразу «во всем» можно отнести как к делам, так и к людям. Сюда добавляется и другой довод: молитвы, которые они станут возносить за апостола, будут полезны не столько ему, сколько им самим. Он как бы говорит: я думаю не столько о себе, сколько о всех вас. Ведь мое возвращение к вам означает общее для всех благо. Отсюда можно сделать вероятное предположение, что тогда или дела, или страх перед гонениями удерживали автора этого послания от скорейшего прихода к тем, к кому он обращался. Хотя, возможно, он говорит так, будучи свободным и незанятым, имея в виду, что стези человека в руках Божиих. И это покажется еще правдоподобнее, если прочесть конец послания.⁷

20. Бог же мира, воздвигший из мертвых Пастыря овец великого Кровию завета вечного, Господа нашего Иисуса (Христа), 21. да усовершит вас во всяком добром деле, к исполнению воли Его, производя в вас благоугодное Ему чрез Иисуса Христа. Ему слава во веки веков! Аминь. 22. Прошу вас, братия, примите сие слово увещания; я же не много и написал вам. 23. Знайте, что брат наш Тимофей освобожден; и я вместе с ним, если он скоро придет, увижу вас. 24. Приветствуйте всех наставников ваших и всех святых. Приветствуют вас Итальяские. 25. Благодарю со всеми вами. Аминь.

(20. Бог же мира, выведший из мертвых Пастыря овец великого в Крови завета вечного, Господа нашего Иисуса, 21. да утвердит вас во всяком добром деле, дабы вы исполняли волю Его, производя в вас

⁶ Значит

⁷ Это имеется уже в издании 1541 года.

благоугодное Ему чрез Иисуса Христа, Которому слава во веки веков! Аминь. 22. Прошу вас, братия, примите слово увещания; ибо я не много и написал вам. 23. Знайте, что брат наш Тимофей освобожден; и я вместе с ним, если он скорее придет, увижу вас. 24. Приветствуйте всех наставников ваших и всех святых. Приветствуют вас Итальяские. 25. Благодарь со всеми вами. Аминь.)

20) *Бог же мира.* Дабы взаимно сделать то, что просил сделать в отношении себя, апостол завершает послание молитвой. Он просит Бога утвердить, уготовить или усовершенить их во всяком добром деле. Ибо это и означает **καταρτίσαι**. Отсюда мы выводим: мы несколько не пригодны к доброму делу, если нас не приготовит Бог, и долго не устоим в добре, если Он нас не укрепит. Ибо стойкость – в собственном смысле Его дар. Нет сомнения, что в них уже сияли редкие дары Духа, так что, кажется, апостол желал им не первоначального обновления, а преуспевания, дающего совершенство. Устанавливая же волю Божию в качестве правила, апостол дает определение доброму делу. Так он хочет сказать: только те дела должны считаться добрыми, которые совершаются по воле Божией, как и Павел учит в Послании к Римлянам, 12:2, и во многих других местах. Итак, будем помнить: совершенство святой и доброй жизни состоит в том, что она проходит в послушании Богу. Следующая же фраза играет роль пояснения. *Производя в вас благоугодное Ему.* Ранее апостол говорил о воле, явленной в законе. Теперь же он показывает: напрасно навязывать Богу то, что Он не заповедал, ибо Бог благоугодное Себе ставит выше всех человеческих изобретений.

Слова же «через Иисуса Христа» можно истолковать двояко. Или: производя через Иисуса Христа. Или: благоугодное Ему через Иисуса Христа. Причем оба смысла прекрасно подходят. Ведь мы знаем, что и дух возрождения, и всякая благодать дается нам по благодетанию Христову. Кроме того, несомненно: поскольку от нас не может произойти ничего совершенного, в нас нет ничего благоугодного Богу без прощения грехов, обретаемого через Христа. Именно так наши дела, исполненные благоухания благодати Христовой, начинают издавать приятный запах перед Богом. В ином случае они распространяют зловоние. Так что меня вполне устраивает понимание сказанного в обоих смыслах. Заключение же этой молитвы: *Которому слава*, я охотно отношу ко Христу. И приписывая здесь Христу то, что подобает одному лишь Богу, апостол выразительным образом свидетельствует о Его божестве. Хотя, если кто-то предпочтет отнести сказанное к Отцу, не буду возражать. Но скорее приму другой вариант, поскольку он ближе к контексту.

Воздвигший из мертвых. Этот эпитет добавлен с целью подтверждения. Апостол хочет сказать: мы лишь тогда правильно просим Бога привести нас к совершенству, когда признаем Его силу в воскресении Христовом, а Самого Христа считаем нашим Пастырем. В итоге: апостол хочет, чтобы мы, уповая на помощь Божию, одновременно взирали на Христа. Ибо Христос для того и был воскрешен из мертвых, чтобы мы той же самой силой Божией обновились к вечной жизни. Он – великий Пастырь всех, следящий за вверенными от Отца овцами.

Там же, где я перевел «в крови», другие переводят «через кровь». Но поскольку **ἐν** чаще всего означает «с», его лучше понимать именно в этом смысле. Мне кажется, что апостол хотел сказать следующее: Христос так воскрес из мертвых, что Его смерть не упразднилась, но сохранила за собой вечную силу. Он как бы говорит: Бог воскресил Своего Сына, но так, что Его однажды пролитая во время смерти кровь после воскресения сильно узаконить вечный завет и приносит плод так, как будто будет течь вечно.

22) *Прошу вас.* Некоторые понимают сказанное в том смысле, что апостол просит уделить себе внимание. Я думаю иначе. На мой взгляд, апостол упоминает о краткости своего послания, чтобы не показалось, будто он хотел что-то выбросить из ежедневных поучений. Прежде всего, он имеет в виду увещания, в которых был особенно краток. Итак, будем знать: Писание дано нам не для того, чтобы среди нас умолк голос пастырей. И не будем уставать, если слышим порой те же самые увещания. Ибо Дух Божий так расположил все, сказанное Им через пророческие и апостольские Писания, что ни в чем не отклонился от установленного Им же порядка. Порядок же этот состоит в том, чтобы из уст пастырей в церкви слышались постоянные увещания. Возможно, Дух настаивает на увещаниях по той причине, что, поскольку люди по природе желают учиться, они всегда предпочтут узнавать что-то новое, нежели часто наставляться в известном и уже услышанном. Добавь сюда же, что, потакая себе в своей лени, люди болезненно переносят укоры и исправления.

23) *Знайте, что брат.* Поскольку значение греческого слова **γινώσκετε** подходит обоим значениям, можно прочесть: вы знаете, или: знайте. Мне больше нравится последний вариант, хотя вполне приемлем и первый. Вероятно, апостол сообщал заморским иудеям то, чего они еще не знали. Впрочем, если этот Тимофей – тот самый известный спутник Павла (с чем я охотно соглашусь), похоже, что автор этого послания Лука или Климент. Ведь сам Павел обычно звал Тимофея сыном. Затем, Павлу явно не подходила бы сразу же следующая фраза. Ибо ясно, что писавший был свободным и самовластным, и, кроме того, находился тогда, скорее всего, не в Риме. Больше того, он, вероятно, проходил тогда разные города и уже был готов переправиться через море. Все же сказанное могло приключиться с Лукой или Климентом уже после смерти Павла.

24) *Приветствуйте.* Поскольку апостол писал послание всем евреям, удивительно, что он велит им приветствовать некоторых как бы отдельным образом. На мой взгляд, он поручает особо приветствовать

наставников в знак уважения, располагая их к себе, дабы те охотнее согласились с его учением. Добавляя же «и всех святых», апостол понимает или необрезанных верующих, чтобы научить иудеев и язычников хранить между собой единство, или же хочет, чтобы те, кто первым получит это послание, сообщили его остальным.